

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН

ФИТЦЕК

Национальный бестселлер №1
от самого известного немецкого автора
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРИЛЛЕРОВ

ПАЦИЕНТ

ОСОБОЙ КЛИНИКИ

Продано **12 000 000** экземпляров

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН

ФИТЦЕК

Национальный бестселлер №1
от самого известного немецкого автора
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРИЛЕРОВ

ТАЦМЕНТ
ОСОБОЙ КЛИНИКИ

Продано **12 000 000** экземпляров

Annotation

У Тилля Беркхоффа бесследно пропадает сын Макс. Все улики свидетельствуют о том, что мальчик стал жертвой маньяка Гвидо Трамница. Преступник арестован полицией и признался в похищении и убийстве нескольких маленьких детей. Место их захоронения серийный убийца указал, однако о судьбе Макса хранит упорное молчание. Суд признает садиста невменяемым и отправляет его в строго охраняемую психиатрическую лечебницу. Следствию известно о том, что психопат вел дневник, где описывал все, что сделал с жертвами, но найти записи не удалось. Отчаявшийся отец обращается за содействием к знакомому сотруднику полиции, и тот делает ему невероятное предложение: стать пациентом этой особой клиники. Так он сможет оказаться ближе к детоубийце и заставить его признаться. Того, чем обернется эта отчаянная попытка, не ожидал никто.

- [Себастьян Фитцек](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)

- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

◦ [12](#)

Себастьян Фитцек

Пациент особой клиники

Sebastian Fitzek
DER INSASSE

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Издается с разрешения AVA international GmbH, Germany
(www.ava-international.de)

Художественное оформление Е. Ю. Шурлаповой

Серия «Иностранный детектив»

Der Insasse

Copyright © 2018 by Verlagsgruppe Droemer

Knauer GmbH & Co. KG, Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

*В виденьях темноты ночной
Мне снились радости, что были,*

*Но грезы жизни, сон денной,
Мне сжали сердце – и разбили.*

Эдгар Аллан По. Сон

Глава 1

«Почему здесь так холодно?» – подумала Мириам, войдя в тот ад, что представлял собой мрачный и лишенный окон подвал.

Его влажные кирпичные стены были покрыты черной плесенью и походили на бронхи больного раком легких курильщика.

– Осторожнее! Не заденьте головой! – предупредил полицейский.

Эти слова были произнесены им вовремя, и Мириам успела пригнуть голову, чтобы при переходе в котельную не удариться о канализационную трубу. И это притом, что ее рост составлял всего метр шестьдесят пять сантиметров, чего нельзя было сказать о внушительной фигуре Трамница.

Миловидный облик полицейского никак не соответствовал тому ужасному случаю, из-за которого они здесь оказались. У него были широкие плечи, высокий лоб и стройная, мускулистая фигура, как нельзя лучше подходившая для фотографии, достойной размещения на титульном листе календаря полиции Берлина. Однако тут, внизу, как ни старался он пригнуть голову под низкими подвальными сводами, в его светлые волосы вплелась паутина и его прическа в стиле «мне снова не удалось заснуть» покрылась пылью.

Домишко на краю Груневальда^[1] был построен в двадцатых годах прошлого века и навел Мириам на мысль о том, что тогда, по-видимому, люди были меньшего роста.

«И не такие порочные, как последний житель этого дома. Или все же я ошибаюсь?» – подумала она.

Мириам проглотила образовавшийся в горле комок и попыталась вспомнить имя этого дружелюбного полицейского, который забрал ее из дому и привез сюда. Но не потому, что это было сколько-нибудь важно, а просто для того, чтобы отвлечь себя от одолевавших ее страшных дум. Однако в этом пропитанном запахом мочи, крови и страха подвале добиться безмятежных мыслей у нее не получилось.

Здесь пахло смертью!

Трамниц отодвинул в сторону красно-белую ленту, оставленную сотрудниками экспертного отдела, снимавшими отпечатки пальцев. Она была прикреплена крест-накрест в открытом дверном проеме и

препятствовала проходу к месту преступления. Об этом говорила и надпись, сделанная черными буквами на трепещущих от сквозняка полосках.

«Не входить! Не смотреть!» – прочитала Мириам.

– Послушайте, – обратился к ней полицейский и нервно провел ладонью по выбритому затылку. – Вообще-то, мы не имеем права здесь находиться.

В свете тусклой лампочки, освещавшей помещение подвала, он выглядел так, словно страдал от желтухи. Мириам хотела было согласно кивнуть и промямлить что-то похожее на «Да, мы не имеем права, но *нет*, я должна это сделать...»

Однако ее усилия привели лишь к тому, что она заметно задрожала всем телом и пролепетала:

– И все же я хочу на *это* посмотреть.

Женщина сказала так, как будто речь шла о каком-то предмете, не решаясь назвать страшную действительность ее подлинным именем.

– Мне не хотелось бы превышать свои полномочия, ведь доступ к месту преступления еще не открыт, – ответил полицейский. – К тому же картина...

– Хуже, чем я себе это представляю, все равно быть не может, – едва слышно произнесла Мириам. – Пожалуйста, разрешите мне взглянуть хотя бы одним глазком.

– Ладно. Но будьте осторожны! – вновь предупредил свою спутницу полицейский и показал рукой на находившиеся перед ними ступени.

Под ее ногами, обутыми в кроссовки, жалобно заскрипели небольшие деревянные ступеньки, а затем Трамниц отогнул молочного цвета пластиковый лист, напомилавший занавес для душа и скрывавший за собой нечто вроде подвальной комнатухи, которую хозяин использовал, скорее всего, как помещение для переодевания. Бросались в глаза натянутый медный провод, где на вешалке аккуратно висела форма почтальона, и стоявшая возле входа тележка с посылками.

Эту клетушку необходимо было пройти, чтобы оказаться перед примыкавшей к ней противопожарной дверью, открывавшей доступ в ад. Мириам было страшно, но она решилась и воскликнула:

– Я готова!

В ответ Трамниц понимающе кивнул и часто заморгал, словно поднятая в спертом воздухе подвала от их дыхания пыль попала ему в глаза.

– Ваше подозрение подтвердилось, – заявил он.

«Великий Боже!» – испытывая страшную сухость во рту, подумала Мириам и схватилась рукой за горло, не в силах проглотить подступивший к нему ком.

Когда полиция в течение нескольких недель так и не смогла напасть на след ее пропавшей дочери, Мириам сама занялась поисками своей Лауры. Она еще раз опросила всех соседей и сотрудников магазинов, располагавшихся вокруг детской площадки Швейцарского квартала^[2], где в последний раз видели девочку.

Несчастную мать насторожили слова одной пожилой женщины, страдавшей от старческого слабоумия, чьи показания полицией, по всей видимости, были восприняты как несерьезные: при разговоре она часто теряла ход мыслей, заговаривалась и погружалась в приятные воспоминания о своем прошлом. Как бы то ни было, именно эта старушка сказала, что видела в день похищения почтальона. Она вспомнила, что он вызвал у нее жалость, поскольку ему так и не удалось вручить многочисленным адресатам предназначенные для них посылки. Обойдя весь жилой квартал на улице Альтдорфер и не застав хозяев дома, он так и возвратился с полной тележкой к своему фургону. Рассказывая это, пожилая женщина постоянно ударялась в воспоминания, поскольку этот человек якобы напоминал ей ее племянника, что, естественно, сильно снижало доверие к показаниям старушки.

И все же именно она сообщила самые важные сведения!

– Он на самом деле маскировался под почтальона, – подтвердил Трамниц, от досады слегка стукнув ногой по стоявшей возле стены тележке с нагруженной на нее полутораметровой стопой посылок.

К удивлению Мириам, которое мгновенно сменилось ужасом, тележка, хотя полицейский до нее едва дотронулся, опрокинулась, и часть посылок упала на пол, обнажив скрывавшуюся под ними внушительных размеров полость.

– Это бутафория из папье-маше, – пояснил Трамниц. – В посылках на самом деле ничего нет, поскольку они только маскируют пустоту в данном сооружении.

Оказалось, что по высоте полость составляла около полутора метров, и ее размеры как раз позволяли спрятать семилетнего ребенка.

– Лаура, – простонала Мириам. – Моя девочка! Что он с ней сделал?

– Негодяй оглушил ее, спрятал в этом муляже и отвез к своему фургону. Пойдемте дальше.

С этими словами Трамниц открыл сильными руками противопожарную дверь, на внешней стороне которой красовалась старая наклейка известной музыкальной фирмы «Sound & Drumland».

«Неужели монстр любил музыку? – подумала несчастная мать. – Как и моя Лаура!»

Мириам невольно вспомнила, как прошедшим летом они вместе с дочкой покупали детское пианино. В последние недели оно стояло в гостиной, и смотреть на него было невыносимо. Так же как и слушать тишину в квартире. Здесь же, в подвале, напротив, звуки отдавались очень громко. При входе в это квадратное помещение женщине даже показалось, что она слышит крики своей дочери как своеобразное эхо памяти, отражавшееся от мертвенно-серых стен и кафельного пола со стоком посередине, над которым болталась голая, окрашенная в белый цвет лампочка, дававшая, казалось, больше тени, чем света.

– Что это? – с трудом выдохнула Мириам, указывая на какой-то ящик, стоявший прямо перед ними у стены.

Трамниц поскреб выбритый затылок и посмотрел на странное сооружение, состоявшее из деревянного ящика на металлическом постаменте, напоминавшем секционный стол патологоанатома. Сам же ящик был сделан из коричневой прессованной древесины и имел длину около полутора метров и ширину примерно тридцать сантиметров. В обращенной к ним продольной стенке ящика были проделаны два круглых величиной с ракетку для настольного тенниса отверстия, располагавшиеся на расстоянии ладони друг от друга. Они, как и верхняя сторона ящика, оказались закрытыми непрозрачной пленкой, что не позволяло рассмотреть находящееся внутри.

– Это «инкубатор», – пояснил Трамниц.

При таких словах Мириам показалось, что в этом дьявольском помещении стало еще холоднее, и при мысли, что дыры предназначались для контакта с тем, кто скрывался внутри «инкубатора», ей стало нехорошо.

– Что он с ней сделал? Что этот негодяй сотворил с моим ребенком? – не глядя на Трамница, спросила она.

– Преступник много лет работал в отделении по выхаживанию недоношенных детей, пока его не уволили за непристойное поведение. Этого он вынести не смог и создал здесь, в подвале, свою собственную детскую станцию.

– Для чего?

Не дожидаясь ответа, Мириам сделала шаг по направлению к «инкубатору» и протянула к нему руку. Однако ее охватила такая сильная дрожь, что пальцы перестали слушаться. Ей показалось, будто от этого сооружения исходило магнитное поле, которое отталкивало руку тем сильнее, чем ближе она подходила к ящику, чтобы оторвать пленку.

Трамниц подошел к ней сзади, нежно коснулся ее плеч, кашлянул и спросил:

– Вы действительно этого хотите?

В ответ она, молча, кивнула, едва сдерживаясь, чтобы не закричать и не броситься прочь.

Тогда полицейский сорвал с «инкубатора» полиэтиленовую пленку, да так быстро, что Мириам не успела закрыть глаза. Представшая взору несчастной матери ужасная картина мгновенно врезалась в ее память, навсегда оставив в ней отметину, как это делает раскаленное железо на шкуре животных при постановке клейма.

– Лаура, – задыхаясь, выдохнула она.

Сомнений больше не оставалось. Несмотря на то что все тело девочки было покрыто наполнителем для кошачьего туалета, чтобы не дать распространиться зловонию, а возле ее широко открытых глаз уже копошились личинки, Мириам сразу же узнала свою дочь – по ямочке на подбородке, родимому пятну возле правой брови и заколке, как у принцессы Лилифи из мультфильма, не дававшей рассыпаться ее непослушной челке.

– Он заботился о ней, – произнес полицейский.

– Что вы сказали?

Душа несчастной матери, казалось, отделилась от тела и витала где-то очень далеко от этой ужасной действительности, затерявшись в пучине бесконечной боли. Слова полицейского донеслись до ее сознания словно из другого измерения и лишённые всякого смысла.

– Он давал ей пищу, лекарства, тепло. И любовь... – пояснил Трамниц.

– Любовь? – переспросила Мириам.

Ей показалось, что она ослышалась. Желая убедиться в том, что не сошла с ума, женщина повернулась к полицейскому и в недоумении посмотрела на него. Стоявшие в ее глазах слезы затуманили взор, и его симпатичное лицо расплылось, словно глядело на нее из-за занавеса тропического ливня. К ужасу Мириам, он начал издавать какие-то булькающие звуки, словно сдерживая смех, но тем не менее достаточно отчетливо произнес:

– Все оказалось гораздо лучше, чем я предполагал. Чего стоит одно только выражение вашего лица...

Тут Мириам показалось, что в этом мире осталась только она, тело ее несчастной Лауры и стоящий прямо перед ней дьявол.

«Вы не полицейский! Это были вы! Это вы похитили, мучили и убили моего ребенка!» – хотела было крикнуть Мириам, но не успела.

Эти слова так и не вырвались из ее рта, поскольку лезвие топора пришлось ей прямо между глаз. Последним, что она услышала в своей жизни, был треск в ушах. Этот наполненный болью треск оказался такой силы, словно сухие ветки деревьев одновременно стали ломаться в целом лесу. Но самое страшное заключалось в том, что его перекрывал отвратительный гомерический хохот.

Дьявольский смех издавал Гвидо Трамниц, нанося удар за ударом. Он бил топором снова и снова, до тех пор, пока все перед Мириам не покрылось черной пеленой, провалилось куда-то в пустоту и исчезло.

Глава 2

Тилль Беркхофф

Ребенок задыхался, и ему срочно требовалась помощь, но обритому наголо мужчине было все равно. Он поднял кулак, словно молот Тора, и с грохотом ударил им по капоту машины Тилля.

– Убери отсюда эту тачку! – заорал он. – Эта улица с односторонним движением!

– Нажимайте дальше. Три раза, как было обговорено. Вы справитесь, – сказал Тилль, только что вышедший из своей машины скорой помощи.

При этом он обращался не к стоявшему перед ним на дороге исполину в спортивном костюме, явно подобранном на три размера меньше, чтобы более рельефно подчеркнуть накачанные мускулы, а по телефону к матери ребенка, которая в своем стремлении провести вентиляцию легких от охватившей ее паники могла переусердствовать.

Экстренный вызов от женщины поступил пять минут назад, и с тех пор Тилль пытался дистанционно управлять ее действиями.

– Затем снова проводите искусственную вентиляцию легких методом «рот в рот». Мы скоро придем.

«Если нас наконец-то пропустит этот качок», – про себя добавил он.

От матери, пытавшейся спасти своего ребенка, их отделяло каких-то четыреста метров по прямой, и они решили сократить путь по улочке Айхкатцвег, чтобы объехать аварию на улице Айхампфштрассе. Однако из-за того, что какой-то идиот на своем внедорожнике никак не хотел уступать дорогу, на этой узкой улочке с односторонним движением их машина скорой помощи застряла. Для того чтобы разъехаться, здесь не было даже тротуара. К тому же отморозок явно хотел заставить при помощи своих кулаков по праву сильного заставить машину скорой помощи сдать назад.

– Я говорю тебе последний раз, и если ты не убережешь свою колымагу с моей дороги, то услышишь другие хлопки. И это будут не

аплодисменты! – заявил качок.

Посмотрев назад в сторону своей машины, в которой сидела тощая, как вяленая вобла, рыжеволосая девица, наносившая помаду на надутые силиконом губы, бритоголовый добавил:

– Немедленно проваливай! Я спешу!

Тилль глубоко вздохнул, опустил руку с телефоном и, обращаясь к громиле, проговорил:

– Послушай, красный крест тебе ни о чем не говорит? Ничего не напоминает?

При этом Тилль указал рукой на машину скорой помощи, на крыше которой вращались огни спецсигнала.

Громила, нагло ухмыляясь, промолчал, и тогда Тиллю пришлось уточнить свою мысль:

– Мне срочно необходимо попасть на улицу Дауэрвальдвег, и я точно не буду двигаться назад сквозь игольное ушко только для того, чтобы ты не опоздал в свой фитнес-клуб.

То, что прохожие жаловались, когда спецмашины останавливались на проезжей части во втором ряду, перекрывая движение, уже не было редкостью. Но то, что происходило сейчас, когда машину скорой помощи не только не пропускали, а требовали, чтобы она повернула назад, даже в условиях переполненного транспортом Берлина было чем-то новым. Хотя только накануне в Ланквице Тилль обнаружил на ветровом стекле записку следующего содержания: «Вы не вправе портить наш воздух своими выхлопными газами только потому, что спасаете людей. В следующий раз заглушите мотор, пока будете вытаскивать больных из дома!»

Мысль о том, что работающий двигатель поддерживает функционирование приборов жизнеобеспечения, необходимых, в частности, для спасения человека от инсульта, видимо, этим обеспокоенным и гневным гражданам в голову не приходила. А может быть, судьба больных людей их и вовсе не беспокоила? Так же как и этого громилу, которому, видимо, было наплевать на задыхавшегося ребенка.

– Алло! Вы меня слышите? – раздался в мобильнике Тилля испуганный голос матери малыша.

Увидев, что бритоголовый начал надвигаться на него, он только крепче прижал телефон к уху и ответил:

– Да, да. Я вас слышу. Продолжайте делать искусственное дыхание методом «рот в рот»!

– Она стала синеть! О небо! Мне кажется, что она, она...

– Давайте поступим так! Ты сдавай назад, а я побегу к ребенку один! – воскликнул сзади коллега Тилля Арам, который вышел из машины скорой помощи с чемоданчиком в руках.

– Вот, вот, послушай, что говорит тебе этот чурка, – расхохотался бритоголовый. – Давай, давай! Сдавай назад!

В этот момент, как и всегда, когда Тилль собирался отступить от правил, его мозг послал ему предупреждающий сигнал, выразившийся в покалывании пальцев рук. Тилль не знал, что именно явилось этому причиной. Может быть, оскорбление качком его коллеги, курда по происхождению, а может быть, просто желание дать отпор этому распоясавшемуся громиле. Ведь на кону была жизнь шестимесячного младенца!

В последний раз подобное покалывание в кончиках пальцев он почувствовал три недели назад, во время тушения пожара, когда его действия закончились для него дисциплинарным взысканием. Дело заключалось в том, что тогда Тилль был еще пожарным, и не просто пожарным, а членом штурмовой группы, обербрандмейстером со специальной медицинской подготовкой для действий в экстремальных ситуациях.

«И все из-за этой чертовой кошки», – вспомнил Тилль.

Но что ему оставалось делать, если старая бабушка горько плакала и, рыдая, уверяла его, что Фельназе, так звали кошку, – это единственное, что у нее осталось. Пожалев старушку, он решил вернуться в пламя ее горящей двухъярусной квартиры. Но прямо перед тем, как броситься в огонь, как раз и почувствовал это покалывание в пальцах – предупреждающий сигнал о том, что он поступает вразрез с действующими правилами. И действительно, ситуация стала разворачиваться так, что создалась угроза жизни не только для него самого, но и для пришедшего ему на помощь товарища по команде. А все потому, что по вине Тилля действующие инструкции были нарушены.

В психологическом заключении, которое было сделано в его адрес, значилось: «Слишком импульсивное поведение, представляющее собой скрытую угрозу для коллег». Это и привело к

переводу Тилля на новое место работы с понижением в должности. Его назначили санитаром скорой помощи на юго-западе Берлина. Однако ему вовсе не нравилось служить санитаром в этой аристократической части города, поскольку он чувствовал, что призван находиться на переднем крае пожарища с респиратором на лице и киркой в руках в каком-нибудь горящем здании.

Это если говорить по сути.

«На этот раз, – мысленно сказал он себе, – я к сигналу прислушаюсь».

Кроме того, ему не хотелось терять время на этого придурка, и ко всему прочему качок был явно из другой весовой категории. Не то чтобы Тилль был маленьким и неловким, но он обладал тренированным взглядом и сразу определял любителей уличных боев и спортсменов боевых искусств. А в этом отношении стоявший напротив него громила во много раз превосходил его самого.

– Хорошо, – вздохнул Тилль. – Тот, кто мудрее, всегда уступает.

Сопровождаемый смехом бритоголового, он взобрался на водительское кресло машины скорой помощи, и тут нервы у него окончательно сдали. Глядя на возвращавшегося с видом римского триумфатора громилу, Тилль дрожащими от ярости руками запустил двигатель, включил скорость и еще раз попытался обуздать свой гнев.

Но это у него не получилось. Тогда он подождал, пока идиот усядется в свой внедорожник, и нажал на педаль газа. Буквально через несколько мгновений машина скорой помощи въехала прямо в капот автомобиля громилы. Удар был не настолько сильным, чтобы сработали подушки безопасности, но так как качок еще не пристегнулся, то врезался лицом прямо в руль.

Рыжеволосая заорала так громко, что ее крик разнесся далеко по улице и слышался еще позже, преодолевая скрежет шин на асфальте и шум от падающих на дорогу осколков стекла, пластика и хрома, когда она вместе с машиной сдвигалась назад.

Чуть позже на левой стороне улицы показался проезд, и Тилль продолжал давить на газ, чтобы сдвинуть поврежденный внедорожник в сторону. При этом, правда, пострадали еще два припаркованных на дороге автомобиля, но путь наконец был открыт.

Тилль остановился, открыл водительскую дверь и быстро повернулся назад, к Араму, который в шоке стоял как столб на дороге

возле полностью разрушенного внедорожника, не обращая внимания на пытавшегося выбраться из машины громилу. В голове у Тилля гудело, а из носа кровь ручьем текла по лицу.

– Сначала малышка! – крикнул он своему ошарашенному коллеге. – Нос может и подождать!

Глава 3

Восемь часов спустя

– Я хочу тебе кое-что показать, – чуть не плача, шепотом произнес Макс.

От этого Тилль весь сжался, потому что сынишка вновь подкрался к нему совершенно незаметно. Сделать это было несложно, ведь он, как всегда, оставил дверь в свой кабинет под крышей открытой, поскольку ненавидел запертые комнаты. Зато обожал своего шестилетнего сына, обладавшего удивительным даром бесшумно подниматься по лестнице.

– В чем дело, малыш?

Тилль закрыл ноутбук, на котором пытался изложить свою позицию в конфликте с громилой, хотя его объяснения уже не имели никакого значения. Обстоятельства дела были ясны, и что еще он мог сказать следственной комиссии?

Да, он опять вляпался по самые уши. Да, его поведение снова было импульсивным и неконтролируемым. На этот раз имелись даже свидетели того, как он вышел из себя и сломал гражданину нос, не говоря уже о повреждении кузовов целых четырех автомашин, ущерб от чего превысил сотни тысяч евро. Он не должен был использовать свою машину скорой помощи как танк, чтобы своевременно прибыть на место вызова. Ну а то обстоятельство, что через несколько минут ему удалось спасти жизнь ребенка, не играло особой роли и носило второстепенный характер. Было совершенно очевидно, что Тилля с треском выгонят с работы, самое позднее тогда, когда пресса раструбит о происшествии, изобразив его в качестве безумного санитаря-психопата.

– Я закончил «Тысячелетнего сокола», – ответил Макс, неся, словно священную реликвию, собранный серый макет космического корабля производства компании «Лего».

– Выглядит просто потрясающе, – похвалил сына Тилль, одновременно спрашивая себя, насколько было педагогичным

разрешить шестилетнему Максусу собрать макет космического корабля из «Звездных войн», оснащенного лазерными пушками.

«Наверное, я совершил глупость, – подумал он. – На коробке ведь четко было написано, что игрушка предназначена для детей в возрасте от девяти лет».

При этом Тиллю было хорошо известно, что зачастую возрастные показатели брались с потолка.

– Когда мы не можем определить возраст, для которого предназначено изделие, то специально завышаем планку, чтобы родители, давая игрушку раньше указанной на коробке возрастной категории, думали, что в их доме подрастает настоящий маленький гений, – разоткровенничался как-то раз один разработчик детских игрушек, на складе у которого они тушили пожар.

– Я вижу Хана Соло. А это у нас кто? Чубакка? У тебя в кабине пилота сидит даже Скайуокер. Как здорово! Все сделано просто великолепно! Чего же ты плачешь?

Макс поднял голову, зашмыгал носом, помялся немного, а потом заявил:

– Мама!

– Что мама?

– Она сказала, что я не могу.

– Чего ты не можешь?

– Показать это ей.

В ответ Тилль улыбнулся и провел рукой по густым каштановым волосам сынишки, которые тот унаследовал от своей матери Рикарды. От нее ему достались также пухлые губы и длинные ресницы. И тем не менее абсолютное большинство их знакомых утверждали, что сын как две капли воды похож на своего отца, что, вероятно, можно было объяснить его большими карими глазами, которые даже при улыбке придавали лицу мальчика несколько грустное выражение.

– Под «ей» ты подразумеваешь Анну? – уточнил Тилль, бросив короткий взгляд на окно, через которое виднелись огромные снежные шапки на крышах соседних домов, образовавшиеся в результате ночного снегопада, налетевшего со стороны Буккова.

Говоря об Анне, Тилль имел в виду соседку. Первая любовь Макса и на самом деле была очень хороша собой. Да к тому же умной и вежливой. В общем, эта милая соседка могла бы быть идеальной

невестой, если бы не одно маленькое обстоятельство – разница в возрасте. Дело заключалось в том, что Анне уже исполнилось семнадцать, и она готовилась к сдаче выпускных экзаменов в школе, тогда как Макс еще ходил в первый класс и мечтал стать пожарным, как и его отец.

Тем не менее Анна подыгрывала Максу, стараясь не обижать мальчика, позволяла себя обнимать, когда он томно смотрел на нее, и даже отвечала на его неуклюжие любовные письма. Встречая Тилля, девушка, чтобы не разбить сердечко своего маленького ухажера, с улыбкой бросала:

– Привет, свекор!

От Макса Анна скрывала, что молодой человек, который время от времени забирал ее на мотоцикле, был ее парнем.

– Анна у себя? – спросил Тилль.

В ответ Макс кивнул.

– И мама сказала тебе, чтобы ты к ней не ходил?

– Да, но я ведь всего лишь хотел заскочить на минутку, чтобы показать ей «Тысячелетнего сокола».

– Гм, понимаю. Анна наверняка обрадуется, – заметил Тилль, размышляя, как выкрутиться из сложившейся ситуации, не навлекая на себя неприятности со стороны жены.

На сегодняшний день весь его лимит на ссоры был уже исчерпан. После всего, что сегодня произошло, Тилль хотел спокойствия и поэтому решил избрать золотую середину, что на самом деле являлось не более чем сомнительным компромиссом.

– Хорошо, малыш, предлагаю сделку. Ты чистишь кошачий туалет, а взамен получаешь возможность ненадолго заглянуть к Анне и показать ей своего «Тысячелетнего сокола». Ну как, согласен?

Макс кивнул, а Тилль вытер слезы у него на щеках, ласково шлепнул сынишку по попке и сказал:

– И скажи маме, что я сейчас спущусь и поговорю с ней.

При этом Тилль тяжело вздохнул, ведь по опыту он знал, что Рикарда после всего этого не будет с ним разговаривать по меньшей мере час. Так было всегда, когда он нарушал установленные ею правила воспитания.

Желая спокойствия, он хотел слишком многого!

Конечно, у жены имелись веские причины, по которым она не хотела, чтобы с наступлением темноты Макс выходил на улицу. Даже в этом случае, когда речь шла всего лишь о том, чтобы добежать до дома Анны, располагавшегося в каких-то двух шагах за углом.

– Он уже сейчас играет на наших разных подходах в воспитании. А что будет дальше? – периодически упрекала мужа Рикарда.

И она была права. Тилль просто не мог отмахнуться от своего сына, особенно тогда, когда тот, плача, стоял рядом и смотрел на него глазами побитого щенка. Иногда он даже думал, что Рикарда настояла на рождении дочери Эмилии только для того, чтобы Макс не был единственным ребенком в семье, которого отец мог бы окончательно избаловать.

– Да, Макс, чуть не забыл!

При этих словах мальчуган, стоя на верхней ступеньке, повернулся к отцу со страхом в глазах, боясь, что тот может отменить достигнутую договоренность.

– Что, пап?

– Как звучит кодовое слово?

Глава 4

Макс

«Кубик льда», – твердил про себя Макс, крепко держа в руках модель космического корабля.

С этой мыслью мальчуган вышел на улицу в холод, который идеально подходил для кодового слова, которое они вместе с отцом придумали прошлым летом. К этому их сподвиг один полицейский, который пришел в детский сад и предупредил всех о том, что в мире существуют злые дяди, желающие причинить вред маленьким детям. Этот блюститель порядка порекомендовал, чтобы родители и дети вместе придумали кодовое слово, о котором знала бы только семья.

Папе эта идея понравилась, и они снова и снова тренировались, чтобы кодовое слово четко врезалось в память, используя для этого любой удобный случай, – прогулки по лесу, поездки на машине и даже ожидание автобуса. Отец с сыном даже на практике проиграли ту ситуацию, рассказом о которой полицейский так сильно напугал Макса.

– Как ты поступишь, если незнакомый человек скажет тебе, чтобы ты пошел вместе с ним, пообещав угостить сладостями или показать милую зверюшку?

– Я отвечу отказом.

– А если он скажет, что родители это разрешили?

– Тогда я спрошу у него кодовое слово.

– А как называется наше кодовое слово?

– Кубик льда.

– Хорошо. А если человек не знает слова, что это означает?

– То, что вы его не посылали и ничего мне не разрешали.

– И что ты сделаешь?

– Тогда я громко закричу «На помощь!» и убегу.

«Кубик льда», – мысленно проговорил про себя Макс, осторожно спускаясь по ступенькам парадной лестницы в палисадник.

Утром папа короткий путь от дома к забору посыпал песком, но целый день шел снег, а Макс ни в коем случае нельзя было поскользнуться – от этого в модели космического корабля могло что-нибудь сдвинуться или вовсе сломаться.

Он уже предвкушал, как обрадуется Анна, когда увидит это творение. Она наверняка начнет его тискать, как всегда делала при встрече, обдавая своим приятным запахом. От нее пахло персиком, но это не было ароматом от средства для мытья волос. Ее благоухание определенно отличалось от запаха, исходившего от зеленого геля для душа марки «Дино», которым его всегда намыливала мама.

Сконцентрировавшись на том, чтобы не поскользнуться, и не выпуская из виду ворота, он осторожно открыл ногой калитку, а затем, уставившись на модель космического корабля, медленно пошел вперед. Однако Макс чуть было не уронил драгоценную ношу – так сильно напугал его чей-то незнакомый голос.

– Эй, малыш! – окликнул его мужчина, стоявший под старым фонарем, который, как и другие, в ту же секунду, словно по команде, зажегся, осветив эту небольшую, мощенную булыжником улицу.

– Да?

– Не подскажешь, где тут дом под номером шестьдесят пять?

Максу вовсе не хотелось задерживаться на своем пути к Анне, а кроме того, с каждой секундой становилось все холоднее и холоднее. Сам не ожидая от себя такого, он внезапно задал незнакомцу вопрос:

– Какое кодовое слово?

– Не понял, – удивился мужчина и посмотрел на Макса так, как будто тот разговаривал с ним на тайном языке, придуманном в игре вместе с лучшим другом Антоном.

– Не важно, – немного подумав, ответил Макс, решив все же помочь незнакомцу. – Как вы сказали? Дом номер шестьдесят пять?

Мужчина начал приближаться, но малыш не испугался. Да и чего было бояться? В конце концов, неизвестный не просил его идти вместе с ним, да и правила применения кодового слова вряд ли подходили к этой ситуации. Ведь перед ним стоял человек в форме почтальона, тянувшего по снегу тачку, доверху нагруженную почтовыми посылками.

Глава 5

Год спустя

Тилль

Ни единого звука! Никаких шагов! Ни малейшего постукивания! Ничего!

Тилль Беркхофф вообще не понял, как брат жены столь бесшумно подошел к двери. Ведь Оливер Скания вовсе не был эльфом, способным легко, словно перышко, витать над землей. Обычно этот тучный комиссар по уголовным делам, весивший никак не меньше ста двадцати килограммов, привлекал к себе внимание уже одним только своим грузным топотом при движении. И не важно, было ли это связано с его появлением на месте преступления, или входом в комнату для допросов, или, как сейчас, прибытием с частным визитом.

Собственно, удивляться тут особо было нечему. Ведь в гостиной раздавался голос убеленного сединами диктора телевидения, который орал так громко, что в саду мог бы запросто приземлиться вертолет, и Тилль этого бы не услышал.

«– В эти минуты серийного убийцу Гвидо Трамница спустя всего десять месяцев после ареста по неизвестным до сих пор причинам переводят в отделение интенсивных методов лечения судебной психологии», – раздавался голос из телевизора.

Тилль включил громкость телевизора почти на полную мощность, чтобы не пропустить ни единого слова диктора, который комментировал ужасающие фотографии. При этом интонации говорившего были наполнены фальшивыми и самовлюбленными драматическими нотками, которые Беркхофф так ненавидел у ведущих.

«– В январе Трамниц был уличен в убийстве семилетней Лауры и ее матери Мириам Ш., а затем убийца привел следователей к месту нахождения еще одного трупа – шестилетнего Андреаса К.», – вещал диктор.

На экране телевизора одна за другой сменялись фотографии с места преступления, на которых были запечатлены и грязный подвал, и грубо сколоченный деревянный ящик, напоминавший детский саркофаг, и лица двух школьников, убитых серийным убийцей. Затем появился снимок, который немедленно превратил Гвидо Трамница в настоящую поп-звезду. Фотография была сделана одним папарацци сразу после ареста убийцы, когда Трамниц уже сидел в полицейской машине и улыбался прямо в объектив.

С фотографии смотрел симпатичный, как фотомодель, человек с открытой улыбкой и голубыми глазами невинного новорожденного младенца.

– В суде так называемый «зверь-инкубаторщик» вследствие тяжелого шизофренического расстройства признан невменяемым, то есть человеком, не осознающим свои поступки. Трамниц был убежден, что злые силы внедрились ему в мозг некий предмет, посредством которого руководили его действиями.

Всего после трех дней судебного разбирательства с соблюдением самых строгих охранных мер его перевели в так называемую «Каменную клинику», психиатрическую больницу повышенного уровня безопасности, расположенную в берлинском районе Тегель. Судя по всему, в настоящее время Трамниц находится на грани жизни и смерти, и сегодня ему предстоит операция.

– Надеюсь, что сокамерники избили эту свинью так, что он дерьмом изошел, – пробормотал Скания.

Между тем на экране телевизора появилось изображение клиники и, по-видимому, лечащего врача Трамница, который на вопросы журналистов о состоянии здоровья его пациента лишь неопределенно покачал головой и поспешил удалиться. В титрах, сопровождавших кадры, можно было прочитать: «Доктор медицины Х. Фридер, хирург».

Комментировавший эти кадры диктор пояснил:

«– Поскольку психически больные преступники могут себе наносить увечья, то в отделении интенсивных методов лечения и травматологии «Каменной клиники» для таких экстренных ситуаций имеется все необходимое оборудование. В некоторых случаях психозы заключенных в клинике требуют хирургического вмешательства в

мозг. Относится ли это также к случаю с Гвидо Трамницем, доктор Хартмут Фридер проинформировать нас отказался».

Фамилия хирурга Тиллю показалась знакомой. Он вспомнил, что однажды уже встречался с этим врачом, когда доставлял пострадавшего при пожаре пациента в клинику Вирхов. Потом от медсестер стало известно, что Фридер, находясь в состоянии алкогольного опьянения, допустил врачебную ошибку, приведшую к гибели больного. Но до суда дело так и не дошло. Видимо, члены семьи погибшего договорились с руководством больницы, удовлетворившись значительной денежной суммой. С тех пор Фридер работал врачом частной практики и, судя по всему, в экстренных случаях привлекался «Каменной клиникой» в качестве хирурга.

– Ты не должен смотреть это, – снимая куртку, сказал Скания.

Тилль посмотрел на наплечную кобуру с табельным оружием, перетягивавшую мощную грудь его шурина, а затем снова перевел взгляд на экран телевизора, убавив, правда, при этом звук.

«– Уголовное дело Гвидо Трамница не только привлекло внимание журналистов, уже придумавших броские заголовки ввиду неопишуемой жестокости совершенных им убийств, но и по-прежнему остается предметом дальнейших разбирательств криминалистов. Они считают, что маньяк-психопат совершил как минимум еще одно убийство ребенка. Однако поскольку по совету своего адвоката Трамниц хранит молчание, то другие его преступления раскрыть, возможно, никогда не удастся».

В этот момент Тилль вздрогнул всем телом, поскольку на экране телевизора появилось изображение человека, показавшегося ему до боли знакомым и одновременно чужим, – он увидел себя.

Репортер подкараулил Тилля возле его дома, и он уже не мог точно вспомнить, какой именно исключительный случай привел к нему этого назойливого журналиста, задававшего бестактные и приносящие душевные муки вопросы.

«– Господин Беркхофф, – спрашивал он. – Вы считаете, что ваш сын Макс тоже на совести Гвидо Трамница? Как, по-вашему, он признается в убийстве вашего сына? Что бы вы сделали с обвиняемым, если бы у вас была такая возможность?»

Последний вопрос явно намекал на появившееся в прессе сообщение о том, что из-за своей «импульсивной и неуправляемой

натуры» Тилль потерял работу.

Именно Тилль Беркхофф оказался первым подозреваемым, когда пропал Макс. Не для полиции, конечно, а для журналистов, которые быстро раскопали в его личном деле и протоколах по дисциплинарному производству записи о его скрытой склонности к проявлению актов насилия и готовности идти на неоправданный риск. А когда бритоголовый из раскуроченного Тиллем внедорожника за соответствующий гонорар принялся давать каждой газетенке интервью о том, что Беркхофф якобы хотел убить его при помощи своей машины скорой помощи, репортеры ринулись в детский садик, который когда-то посещал Макс, и стали задавать вопросы о том, не появлялся ли малыш там ранее с какими-либо необычными травмами. Причем некоторые журналисты напрямую спрашивали персонал, не замечали ли сотрудники случаев избиения Тиллем своего сына.

Беркхофф с негодованием выключил телевизор, но ужасающие картины происшедшего из головы несчастного отца не исчезали. Перед его глазами по-прежнему стояла пустынная улица и занесенная снегом бульжная мостовая.

И то, что он тогда увидел!

А увидел Тилль разбросанные на снегу детали макета космического корабля. Эта картина навсегда врезалась в память несчастного отца. Все произошедшее сделало его жизнь невыносимой.

Когда малыш не вернулся домой, они бросились к Анне и узнали, что мальчик у нее не появлялся. Испуганные до смерти родители нашли от конструктора лишь отдельные детали. Потом сыщики в поисках улик собрали практически все части модели и в лаборатории восстановили ее, чтобы проверить, не прихватил ли преступник с собой наряду с Максом еще что-нибудь. В результате действительно оказалось, что отсутствовала еще одна деталь.

Не хватало фигурки Люка Скайуокера.

Она пропала так же бесследно, как и сын Тилля.

Между прочим, Рикарда тоже исчезла из жизни Тилля, совершенно справедливо обвиняя его в причастности к произошедшей трагедии, хотя она напрямую ни разу и не произнесла те самые слова, которые на протяжении прошедших двенадцати месяцев каждый день мучили Беркхоффа. А слова эти были следующие:

«Если бы ты не разрешил ему пойти к Анне, то ничего бы не случилось».

Тилль встал и отряхнулся, словно мокрый пес, но воспоминания так и не исчезли. Не исчез и незванный гость, которого явно не беспокоило то обстоятельство, что Беркхофф с самого момента его появления не обращал на него никакого внимания.

– Что ты здесь забыл? – наконец довольно грубо спросил Тилль.

Однако на это Скания тоже никак не отреагировал. Вероятно, за многие годы работы в полиции он привык к тому, что близкие родственники жертв выплескивают свой гнев и отчаяние на следователей. А может быть, Оливер считал своим семейным долгом поддержать Тилля, хотя развод Беркхоффа с его сестрой оставался лишь вопросом времени. Рикарда уже переехала в другое место и, естественно, забрала сестренку Макса с собой.

– Послушай, кое-что начало проясняться, но... – опустив голову, произнес Скания.

При этом складки его двойного подбородка обозначились еще резче. Чувствовалось, что он никак не решался закончить начатую фразу.

– Что «но»? Договаривай!

– Они окончательно прекратили поиски Макса.

Глава 6

Тилль провел рукой по своим давно не мытым жирным волосам. Полдень уже давно миновал, а он все еще оставался в пижаме.

– Как такое может быть? Ведь мой сын числится пропавшим всего год!

– Это верно, – согласно кивнул шурин. – Но они уверены, что преступником является Трамниц. Район совершения преступления и особенности способа похищения – все однозначно указывает на то, что твоего сына похитил именно он. Ты знаешь, как у нас все происходит. Думаешь, мне самому это нравится? Но искать преступника, уже находящегося под стражей, которому и так обеспечено пожизненное заключение, не имеет смысла. Мы знаем, что это был он.

При таком заявлении Тилль почувствовал себя так, как будто воздух из гостиной куда-то испарился, и ему нечем стало дышать. От безысходности, веявшей от слов Оливера, он начал задыхаться.

– Но вы не знаете, где Макс! Вы должны искать дальше! – глухо возразил Тилль.

– Поверь мне, если бы это зависело от меня, то все было бы по-другому. Я бы перевернул каждый камень в этом городе и продолжал до тех пор, пока мы не нашли его. И меня не остановило бы ни отсутствие финансирования, ни нехватка персонала.

Оливер Скания на секунду замолчал, а потом добавил:

– Ты же знаешь, почему я официально не принимаю участия в этом деле.

– Понятно.

Тиллю было известно, что Оливера не допустили до расследования из-за того, что он приходился братом матери похищенного мальчика. Такое обстоятельство могло помешать объективности ведения дела. Но это вовсе не означало, что коллеги не допускали его до поступавшей информации. Поэтому Беркхофф заявил:

– Вы не должны прекращать поиски Макса. Мне необходимо знать, что произошло с моим мальчиком!

– Ты и так знаешь, что с ним приключилось, – ответил Скания.

И это было правдой. Он действительно знал!

Тилль провел рукой по своей многодневной щетине, ведь он не брился уже две недели. К тому же с тех пор, как ушла Рикарда, у него вообще пропало желание раздеваться на ночь и одеваться по утрам. День проходил за днем, и все они были похожи как две капли воды. Что бы Тилль ни делал, образ сынишки не выходил у него из головы. Сгорая от тоски и отчаяния, он постоянно думал о нем и днем, слоняясь по пустому дому, и ночью, мучаясь от бессонницы.

– Тебе известна судьба других детей, – мягко проговорил Скания.

И это тоже являлось правдой. Он действительно знал! Ему было известно, что произошло с девочкой семи и мальчиком шести лет. Их обоих Трамниц выкрал, когда они играли в палисадниках своих домов. Замаскировавшись под разносчика посылок, он оглушил детей, привез их в подвал своего дома и поместил в «инкубатор», который сам и смастерил. Там этот монстр надругался над ними и замучил до смерти. Более сорока восьми часов его зверских издевательств не выдерживал ни один ребенок. Макс пропал уже год назад как раз в то время, когда соседи заметили на дороге фургон и почтальона с тележкой, доверху загруженной посылками.

Чуть позже этого маньяка арестовали. Нашли и тело Мириам Шмидт, матери похищенной Лауры, которая в своем частном расследовании слишком близко подобралась к Трамницу. Она, воспитывавшая свою дочку в одиночку, и не подозревала, что убийца все время после совершения преступления не выпускал ее из поля зрения. И делал он это, похоже, для того, чтобы насладиться ее страданиями.

При аресте Трамница в его квартире полицейские нашли много фотографий и видеозаписей с Мириам, на которых было запечатлено, как она расклеивала объявления с фото своей дочери или прочесывала улицы, на которых видели ее девочку в последний раз. Ее предположения о том, что преступник замаскировал себя в качестве доставщика или почтальона, оказались точными, и поэтому Трамниц решил убрать женщину, прежде чем она обратилась бы в полицию. Действия монстра, пытавшегося избавиться от тела в лодочном сарае возле Тельтов-канала, увидели случайно. Вот и получилось, что даже после смерти Мириам все же удалось навести полицейских на след убийцы своей дочери и как минимум еще одного ребенка. Под

давлением полиции Трамниц привел следователей к месту, где спрятал трупы Лауры и шестилетнего мальчика из берлинского района Панков. Вот только о судьбе Макса он молчал.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – заявил Тилль и проскользнул мимо шурина в ванную комнату.

Там он открыл нижний шкафчик и взял баллончик с освежителем воздуха.

– «Фебрезе»? – растерянно произнес Скания название известного бренда такого рода продукции.

– Это спрей от монстров, – ответил Тилль, озадачив своего шурина еще больше.

Увидев явное недоумение на лице Оливера, Беркхофф принялся пояснять:

– Прошло уже полтора года с тех пор, как я совершил одну ошибку. Тогда я рассказал Максиму на ночь жуткую сказку. Он сам настоял на этом, поскольку посмотрел мультфильм «Ваяна» и начал страшно бояться Те Ка, демона лавы. Вот Макс и захотел, чтобы я тоже поведал ему какую-нибудь страшную историю. Теперь я знаю, что мне не стоило рассказывать ему про монстра с зелеными глазами, который живет в шкафу. Малыш настолько перепугался, что стал каждую ночь приходить к нам в постель. И так продолжалось до тех пор, пока я не заявил ему, что купил в магазине призраков специальный спрей против монстров.

С этими словами Тилль потряс баллончиком с освежителем воздуха с забавным названием «Спокойной ночи. Лаванда».

– Я сказал ему, что если распылить это средство в шкафу и на кровать, то монстр уснет, и Максиму ничего больше угрожать не будет. И малыш поверил.

Слезы покатались из глаз несчастного отца, и он, не стесняясь своих чувств, продолжил:

– С тех пор я каждый вечер распылял это средство в его комнате, и больше по ночам он не просыпался и не приходил к нам в постель. Макс стал спать спокойно и больше не боялся.

– Тилль!

– Ты думаешь, что он тоже спросил своего похитителя насчет спрея? – поинтересовался Беркхофф.

Он на мгновение замолчал, не в силах справиться с подступившими рыданиями, но потом смахнул набежавшие слезы и продолжил:

– Знаешь, теперь я всякий раз лежу с открытыми глазами, тарашусь в потолок, и мне кажется, что до меня доносится голос Макса, который просит принести ему спрей, так как ему очень страшно. Но нет никого, кто бы смог передать баллончик малышу. Там нет спрея, зато есть монстр...

– Макс мертв! – громко воскликнул Скания.

– Я знаю! – ответил Тилль и бросил баллончик прямо в зеркало, на поверхности которого не появилось ни одной трещинки.

Это походило на чудо.

– Я знаю, что он мертв, – повторил Тилль, и с каждым словом его голос становился все громче и громче, пока он не начал кричать на своего шурина: – Но я должен увидеть его тело! Я должен похоронить Макса, разве ты не понимаешь? Мне надо убедиться в том, что он мертв, собственными глазами!

С этими словами он бросился прочь из ванной комнаты, и Скания поспешил вслед за ним, говоря на ходу:

– Конечно, я все понимаю и хочу этого так же, как ты. И Рикарда!

– Твоя сестра бросила меня и ушла вместе с Эмилией.

Скания сочувственно посмотрел на Тилля, профессионально измерив его взглядом сверху донизу, и тяжело вздохнул:

– Я знаю. Она сказала мне. Однако ответь честно: ты удивлен ее поступком? Посмотри на себя! На кого ты стал похож? Ты опускаешься! И вид у тебя стал каким-то потасканным. Ты не хочешь смотреть правде в глаза!

– А что является правдой?

Тут его шурин поднял вверх обе руки, и Тилль увидел под мышками Скании большие пятна от пота.

– Если этот ублюдок не говорит нам, где мы можем найти Макса...

Тут Оливер закашлялся, словно у него сильно запершило в горле, а потом все-таки продолжил:

– Я имею в виду, что ты знаешь, как это произошло с другими детьми. Ты ведь читал отчеты полицейских репортеров, из которых ясно следует, что если бы этот монстр не привел нас к месту, где он

спрятал трупы, то мы никогда бы их не нашли – так хорошо Трамниц закопал свои жертвы. В недрах старой свалки и так глубоко, что даже собаки, питающиеся падалью, не смогли бы откопать их. Но с тех пор, пока он находится под стражей...

– Он больше не разговаривает. Не произносит ни звука. Молчит, – перебил его Тилль и закрыл глаза.

После первого сделанного им признания Трамниц по совету своей адвокатши замолчал, поставив таким образом Тилля в самое худшее положение – пребывать в неизвестности о судьбе своего сына. Но так как Германия являлась правовым государством, даже одна только угроза применения пыток при допросе могла привести дознавателей к серьезному наказанию. И было совсем не важно, что речь шла о настоящем монстре. В результате любая возможность силой заставить этого зверя заговорить исключалась.

Любая, кроме...

В этот момент в голову Тилля пришла одна мысль. Она являлась настолько абсурдной, что ее трудно было выразить словами. Тем не менее эта мысль впервые за долгое время подняла ему настроение.

– Что бы вы сделали с обвиняемым, если бы у вас появилась такая возможность? Насколько вы уверены, что мой сын на совести именно Трамница? – спросил Тилль.

– До недавнего времени наше предположение составляло девяносто девять процентов, но час назад у нас появилась стопроцентная уверенность, – ответил Скания.

– Почему?

– Следствию удалось кое-что найти. Собственно, поэтому я и пришел.

Тиллю стало плохо. У него закружилась голова, и, чтобы не упасть, он вынужден был опереться на стул, стоявший перед телевизором.

– Что? – с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, спросил несчастный отец. – Что вы нашли?

Каждое слово стоило ему невероятных усилий. В ответ Скания раскрыл ладонь своей мощной руки, но Тилль сначала ничего не смог распознать в пробивавшихся сквозь жалюзи лучиках света, в которых играли частички пыли. Он стоял столь неудачно, что эти лучи

буквально слепили его, но потом, приглядевшись, несчастный отец увидел это.

В руках Скания держал маленький белый предмет, и он был... из пластика!

– Люк Скайуокер, – прошептал Тилль и отшатнулся, словно фигурка из конструктора на ладони Скании могла взорваться. – Где его нашли?

– На тумбочке Трамница, когда его доставляли в операционную. Эта свинья, находясь в психушке, выставила свой трофей на всеобщее обозрение. А кроме того, есть и еще кое-что.

– Еще одно доказательство?

– Возможно.

При этих словах складки кожи под подбородком Скании обозначились еще резче. Немного помолчав, он добавил:

– Ходят слухи. «Тюремное радио», так сказать.

– И что это за слухи?

– О том, что Трамниц якобы похвалялся, что в клинике начал вести дневник, в котором он описывает свои преступления.

Глава 7

Фридер

– Фридер? – раздался голос в мобильнике хирурга.

Услышав свою фамилию, произнесенную человеком, звонившим с незнакомого номера, врач, сидя за письменным столом, с раздражением откинулся на спинку стула. Он только что собирался встать, чтобы покинуть предоставленный ему кабинет, и направиться в операционную «Каменной клиники».

– Мне очень неловко, что приходится вас беспокоить, – отчетливо проговорил незнакомец.

И тем не менее его голос звучал как-то отдаленно, грозя утонуть в монотонном шуме бушевавшего за окнами кабинета ливня. Здесь, на втором этаже клиники, порывы ветра, попадая в вентиляционные и лифтовые шахты, производили звуки, напоминавшие завывания насмерть перепуганной собаки.

– С кем я говорю? – нетерпеливо уточнил Фридер.

– Меня зовут Тилль Беркхофф. Я отец Макса.

«О боже!» – подумал Фридер, невольно сделав глотательное движение и неосознанно кивнув.

Теперь он понял, с кем разговаривает и чего желает от него этот несчастный человек. Сердце у врача непроизвольно забилося сильнее. Пульс у Фридера участился, и его бросило в жар.

– Как вы узнали мой номер? – спросил он.

– У меня, как бывшего брандмейстера, все еще сохранились хорошие связи с нужными людьми.

Фридер схватился за воротник и ослабил верхнюю пуговицу на своей розовой рубашке поло. Розовый был любимым цветом хирурга, поскольку Хартмут считал, что он хорошо подходит к его загорелому лицу. Не зря же ему часами приходилось лежать в солярии.

– Послушайте, – сказал он. – Я не имею права говорить с вами о моих пациентах.

– А я и не собираюсь говорить о них. Мне надо, чтобы вы кое-что для меня сделали.

В голосе звонившего человека ощущалась переполнявшая его ярость, и Фридеру сразу стало ясно, что именно подразумевал Беркхофф под этими словами. Он мог бы сказать и иначе, приблизительно так: «устранить проблему», «помочь восторжествовать справедливости» или «сэкономить много денег налогоплательщиков».

– Вы наш разговор записываете? – поинтересовался Фридер и потушил настольную лампу.

Ему действительно пора было отправляться в операционную и начинать подготовку к операции.

– Речь идет о моем сыне, – зло прошипел Беркхофф, внезапно обратив свой гнев непосредственно на Фридера.

– Прошу прощения, я не это имел в виду. Просто, просто так... – Он немного замялся. – Я и представить себе не могу, чего вы от меня хотите, – произнес хирург и подумал: «Хотя его можно понять. Мне тоже хотелось бы, чтобы человек, похитивший и убивший моего сына, закончил свою жизнь в страшных мучениях».

Ход его мыслей прервал жесткий голос Беркхоффа:

– Неправда! Все вы знаете!

– Нет! – Руки у Фридера начали подрагивать. – Я не могу и не хочу убивать человека!

Он сознательно произнес это достаточно громко и как можно честнее на тот случай, если Беркхофф все же производил запись их разговора. Однако, к его удивлению, Тилль произнес совсем не то, чего он ожидал:

– А вам и не надо этого делать.

– Чего же вы хотите?

В телефоне послышалось сопение. Беркхофф коротко извинился, прочистил нос и заявил:

– Я прошу вас сделать совершенно противоположное.

– Не понял.

– Я прошу, нет, умоляю вас сделать все возможное, чтобы Гвидо Трамниц выкарабкался. Ему необходимо пережить операцию, понимаете? Ведь он единственный, кто знает, что случилось с моим

сыном. Трамниц должен раскрыть свой секрет, а не уносить его с собой в могилу.

– Хорошо, хорошо, – тронутый такими словами, ответил Фридер. – Я сделаю все, что смогу.

Высказанная эмоционально и довольно неожиданная, но вполне понятная просьба несчастного отца действительно тронула его за душу. Когда он закончил разговор, пальцы у него дрожали так сильно, что сразу стало ясно: у хирурга не оставалось иного выбора. Чтобы успокоиться, Фридер выдвинул ящик своего письменного стола и сделал глоток. Небольшой, всего двадцать миллилитров.

Глава 8

Тилль

– «П-пациент»? – удивился Скания.

– Да!

– Никогда не слышал о таких. Что означает буква «П»?

– «П» – начальная буква слова «прикрытие». Я хочу, чтобы ты внедрил меня в клинику.

– К Трамницу?

– Совершенно верно. Как заключенного.

С этими словами Тилль, которому разговор, все более приобретающий характер допроса, начал действовать на нервы, отвернулся от шурина и посмотрел в окно. В это время, несмотря на моросивший осенний дождь, порыв ветра подхватил с тротуара пластиковый пакет, поднял его в воздух и бросил на ветку плакучей ивы, где он и остался трепетать, словно последний обрывок разорванного в клочья паруса.

В саду не показывалось ни одно живое существо – птицы и белки попрятались, что при таком «вселенском потопе» было неудивительно. И все же Тилль с несказанно большим удовольствием отдался бы во власть стихии, чем в бесцельном ожидании сидеть в теплой комнате. За его спиной периодически раздавалось сухое покашливание Оливера, и это все больше стало раздражать Беркхоффа. С тех пор как он вернулся из ванной, шурин, словно опекая его, не переставал говорить с ним покровительственным тоном. Вот и опять Скания потечески поправил его:

– Хорошо, хотя в полицейском лексиконе термин «п-пациент» отсутствует, а человек, выполняющий задачи, которые ты подразумеваешь, является не детективом под прикрытием, а посредником...

– И который, не будучи сотрудником правоохранительных органов, готов оказать содействие в раскрытии преступления, –

яростно вращая глазами, перебил его Тилль. – Послушай, избавь меня от своих лекций, почерпнутых из Википедии.

– Тогда и ты избавь меня от своих глупых предложений, – проворчал Скания. – Даже если бы я и захотел, а мне этого не хочется, как я смогу тебя туда внедрить? Психушка – это не парк для развлечений, где можно спокойно прогуляться и поглазеть по сторонам.

И в этом он был прав. «Каменная клиника» судебной психиатрии в Райниккендорфе являлась учреждением строгого режима, где обеспечивался самый высокий уровень безопасности. А так как она представляла собой единственный комплекс зданий на полуострове Тегельского озера, берлинская народная молва по аналогии с названием известного бранденбургского аквапарка окрестила ее «Тропический остров».

Первоначально какой-то крупный инвестор хотел открыть здесь гранд-отель. Однако из-за типичной для Берлина неразберихи расположенный, по сути, в центре города аэропорт так и не был закрыт. И естественно, ни один гость не захотел платить шестьсот пятьдесят евро за ночь за то, чтобы его убаюкивал шум работающих самолетных двигателей. Не помогло решению вопроса и предложение одного известного архитектора придать зданию вид вашингтонского Белого дома с украшенным роскошными колоннами входом и четырехэтажными флигелями на восточной и западной стороне.

Дело закончилось тем, что этот участок земли вместе с неотделанными постройками купила некая частная управляющая компания, и теперь здесь проживали не гости, знаменитости или политики, а самые опасные психопаты Германии. Причем злые языки утверждали, что психическое здоровье нынешних «гостей», состоявших из шизофреников-насильников, садистов-убийц и окончательно лишившихся рассудка безумцев, по сути, мало чем отличалось от душевного самочувствия людей, для которых этот комплекс планировался изначально. Для полной характеристики обитателей клиники можно упомянуть хотя бы одного кровавого художника – тридцатидвухлетнего мужчину, выглядевшего как преподаватель высшего учебного заведения и отдававшего предпочтение созданию картин с морскими пейзажами, где в качестве красок использовались жидкости, вытекавшие из тел его жертв.

Причем последних, пока они истекали кровью, этот монстр заставлял смотреть на то, что он рисует.

Таким образом, Гвидо Трамниц находился здесь в обществе себе подобных умалишенных, которые по состоянию своего психического заболевания были признаны судом невменяемыми и изолированы от общества в этом психиатрическом учреждении до конца жизни.

Все это Тиллю было известно, но тем не менее он глубоко вздохнул и произнес:

– Я тоже не знаю, как ты решишь этот вопрос, но мне нужно туда попасть. Мне надо к Трамницу!

– Зачем? Чтобы ты разделал убийцу твоего сына под орех?

В ответ Тилль грустно покачал головой.

– Мне нужна ясность, Оливер. Я не могу жить в неведении. Мне нужно найти сына и попроситься с ним. Ты это понимаешь?

Ответ он прочитал в глазах своего шурина. Скания, естественно, понял его, ведь Оливер работал полицейским, и ему было известно, какие чувства вызывает сообщение о смерти ребенка у его родителей. С этим известием умирала их душа, заканчивалось их счастье, и они навсегда прощались с тем миром, в котором радовались жизни их дети. И тем не менее эти родители оказывались в преимущественном положении по сравнению с теми, которые так и не смогли узнать о том, что на самом деле случилось с их ребенком, и убедиться, что он мертв.

– Я чувствую себя так же, как лошадь со сломанными ногами, лежащая в кювете, – заявил Беркхофф.

– И встреча с Трамницем была бы для тебя чем-то вроде выстрела, избавляющего от мучений?

– Совершенно верно. Он не разговаривает ни с полицией, ни с представителями прокуратуры или суда. Поэтому мне надо попасть туда и находиться от него в непосредственной близости. Я хочу узнать, где он спрятал тело Макса.

– Гм. Хорошая идея. Трамниц, безусловно, признается тебе во всем добровольно и без всякого принуждения, – язвительно заметил Скания.

В ответ Тилль снова задумчиво покачал головой.

– Возможно, мне и не придется с ним разговаривать, если удастся найти его дневник.

– Ну и наивный же ты! – мягко улыбнулся Скания. – Это всего лишь слухи, и даже если этот дневник существует на самом деле, в чем я сильно сомневаюсь, то Трамниц вряд ли оставит его на видном месте.

Заявление шурина звучало весьма логично, но Тилль не хотел признавать его правоту, иначе ему пришлось бы также согласиться с тем, что, кроме демонстрации мужества отчаявшегося человека, он не способен предложить какой-нибудь реальный план действий. Поэтому Тилль ответил почти вызывающе:

– В заведениях, в которых установлены правила высокого уровня безопасности, не может иметься слишком много потайных мест.

– Ты верно подчеркнул, – парировал Скания. – Именно высокого уровня безопасности! У меня нет ни малейшего представления о том, как ты будешь передвигаться по психушке, не говоря уже о способе знакомства с Трамницем. Даже если мне удастся совершить невозможное, тебя в лучшем случае засунут в обычную закрытую психиатрическую зону, тогда как Трамниц находится в той части территории, которая имеет классификацию безопасности четвертой степени.

С этими словами Оливер принялся загибать пальцы, поясняя:

– Это означает: во-первых, наличие досмотрового сканера в шлюзе доступа в его зону; во-вторых, проверку отпечатков пальцев и сканирование радужной оболочки глаз на переходах, имеющих отношение к безопасности; в-третьих, постоянное отслеживание ситуации с помощью беспилотников и, наконец, в-четвертых, двойной забор, напоминающий Берлинскую стену.

– Я подумаю об этом, как только окажусь на территории психушки. Не сомневаюсь, что мне удастся найти способ.

– Безумие какое-то! Не думай, что я поддержу тебя в этом самоубийственном самопожертвовании.

– Ах нет? – воскликнул Тилль, собрал волосы надо лбом в пучок и вырвал их с корнем.

В его ушах раздался треск, как будто одновременно лопнуло несколько ячеек полиэтиленовой пузырчатой упаковочной пленки, и прежде, чем Скания успел что-то предпринять, кровь потекла по его лицу.

– Боже! Что ты делаешь? – прорычал Оливер.

– Я готовлюсь, – ответил Беркхофф, стряхивая вырванные волосы с ладони.

Однако это удалось ему с большим трудом, поскольку руки у него сильно вспотели. Затем он снова схватил себя за пучок волос, но на этот раз возле темечка.

– Прекрати! Боже мой! Нет! – заорал Скания.

Не обращая внимания на вопли шурина, Тилль дернул себя за волосы во второй раз. Еще сильнее. При этом Беркхоффа пронзила такая боль, что ее едва можно было терпеть. Кровь заструилась и начала капать на пол.

– Ты с ума сошел, идиот?

– Вот видишь, как мне быстро удалось тебя переубедить, – вымученно улынулся Тилль. – Так что же?

– Что ты имеешь в виду?

Беркхофф продемонстрировал шурина пучок волос, который только что украшал его голову, а теперь смотрелся как скальп, приклеившийся к окровавленным рукам, и заявил:

– Когда я закончу с волосами, то начну глотать очиститель с хлором для ванны, а пока буду ожидать «скорую», найду способ выбить себе зубы. Может быть, у меня даже хватит мужества выколоть себе глаз.

– Ты точно сошел с ума!

– Да, однако пока я представляю опасность только для себя самого, но...

Тут Тилль многозначительно указал пальцем на то место, где из-под пиджака Скании выпирало его служебное оружие.

– Как только я попытаюсь отнять у тебя пистолет, начну представлять опасность для окружающих. Как видишь, мне все равно удастся найти дорогу в закрытую зону. Так что же?

С этими словами Тилль вырвал у себя из головы еще один, но уже больший пучок.

– Черт возьми! Дружище! – взвыл Скания. – Ну хорошо! Перестань! Я посмотрю, что можно сделать! Договорились?

Некоторое время Оливер ошеломленно стоял перед Тиллем, а потом сделал то, что обычно предпринимал, когда ситуация выходила из-под его контроля. Он напрямик двинулся к двери из гостиной и с треском захлопнул ее за собой. Беркхофф тоже постоял с минуту, а

потом горько зарыдал. От облегчения, что шурин согласился ему помочь, от боли, которая только сейчас стала распространяться с полной силой, поскольку эмоциональный всплеск больше не поддерживал его тело в повышенной боевой готовности. И от страха!

«Боже! Как я боюсь!» – подумал он.

А иначе и быть не могло, ведь Тилль не имел ни малейшего представления о том, во что он ввязывается в случае, если Скания действительно исполнит последнее желание в его жизни и сделает из него заключенного этой клиники.

Глава 9

Патрик Винтер

В гостиной, всего в каких-то ста метрах от детского сада, все было пропитано энергией смерти. Она исходила от обливавшегося потом Патрика Винтера, смотревшего через доходившее до пола окно на запущенный сад, примыкавший к дневному детскому садику. Два участка земли отделяла друг от друга лишь узкая тропинка.

Если бы кто-нибудь осмелился заглянуть сюда, то увидел бы в окне первого этажа дома дрожащего человека лет сорока, весь облик которого говорил о том, что в душе он окончательно проиграл сражение с одолевавшими его демонами. Патрика отличали немного длинноватые, с трудом укрощенные вьющиеся волосы, выдающийся вперед плохо выбритый подбородок и усталые глаза, в которых светился холодный страх.

Стрелки часов показывали восемь вечера, и в это время проживавшие в округе добропорядочные граждане обычно смотрели новости по телевизору или ужинали в семейном кругу. Прогулки же совершались ими только после того, как дети были уложены в постели, да и то непродолжительные. Но сегодняшний вечер был исключением!

Сегодня при встрече с Винтером возле Олимпийского стадиона на улицах Рулебена, этой аристократической части города с располагавшимися здесь виллами, прохожие вряд ли обратили бы на него особое внимание. Ведь на улицах и без Патрика хватало людей, которые, надев на себя одеяния разного рода нечисти в виде ведьм, привидений и прочих злых духов, пытались напугать случайных прохожих.

Сегодня был Хеллоуин. И даже грозивший простудой затяжной дождь, моросивший все последние дни, не мог удержать переодетых в вампиров, скелетов или зомби подростков от того, чтобы, забравшись в палисадники соседей, украсить их туалетной бумагой. Хозяева же должны были держать входные двери в свои жилища закрытыми. А когда они открывали их, то им немедленно задавали вопрос:

– Сладкое или кислое?

Снова раздался звонок, и Патрик прикусил ладонь между большим и указательным пальцами, чтобы громко не закричать от переполнявших его чувств. За последние полчаса в его дверь звонили уже четыре раза. То были парни с устрашающе раскрашенными рожами, девушки в облачении привидений и дети со светящимися тыквами в руках.

Один раз он даже открыл дверь и угостил мальчишку в костюме скелета с искусственной паутиной в волосах шоколадным батончиком, одним из тех, которыми Винтер только и питался в последние дни. Парнишка был не старше восьми лет, и родители ждали его на улице. Он, конечно, не имел никакого сходства с Йонасом, но его большие, широко открытые глаза тем не менее напомнили Патрику о сыне.

Патрик попытался даже помахать парнишке на прощание.

«Возможно, все было бы по-другому, – подумал он. – Если бы я тогда помахал сыну, а он в ответ улыбнулся».

Но мальчик в костюме скелета даже не обернулся, и Винтеру только и оставалось, что глядеть ему вслед, наблюдая, как он спешил назад к своим родителям с шоколадным батончиком в руке, а затем завернул вместе с ними за угол, навсегда исчезнув из его жизни.

После этого Патрик больше не реагировал на звонки, раздававшиеся в его пустом доме. Ему вспомнилось, как им с Линдой, его женой, которая тогда была беременна Йонасом и находилась на шестом месяце, расхваливал это жилище риелтор, называя его «архитектурной виллой». Тем самым он как бы подчеркивал, что они могут себе позволить купить этот дом, ведь на риелторском жаргоне понятие «архитектурная вилла» обозначало минимальную продажную стоимость эксцентричного строения.

В эксцентричности дома сомневаться не приходилось, и им пришлось достаточно долго привыкать к его внутренней планировке. Взять хотя бы гостиную, посередине которой предыдущий владелец встроил шестиугольное джакузи – идея достаточно смелая даже для холостяка.

«Кто же станет мыться перед телевизором?» – подумали они тогда с Линдой.

Этот «шедевр» эксцентричности к тому же был опасным для жизни маленьких детей. Поэтому они с женой заложили ванну

подушками, превратив ее в диван для развлечений.

В то время, когда мир еще не обрушился на них, принесся нестерпимую боль, денег на реконструкцию внутренних помещений у семьи не было. Поэтому и джакузи, и уродливые черно-белые, похожие на шахматные доски плитки на открытой кухне так и остались нетронутыми.

Остались! В отличие от Линды, которая давно бросила его. И поделом!

Патрик скользнул взглядом по каштану, в который позапрошлым летом ударила молния, и задержал свой взор на окнах ярко освещенной комнаты отдыха детского садика «Лесной кот», где уже началось родительское собрание.

«Надо же, именно сегодня!» – подумал Винтер.

Вот уже три четверти часа взрослые сидели кружком в недавно отремонтированном общем зале, расположившись на небольших, но довольно крепких стульчиках, предназначенных для детей от двух до шести лет. Именно такого возраста детишки посещали этот садик. Сюда ходили мальчики и девочки, которых звали Жасмин, Игорь, Александр, Юра, Торбен, Мехмет... и Фрида.

«Моя Фрида, – пронеслось в голове у Патрика. – По крайней мере, она все еще жива».

Винтер являлся, пожалуй, единственным родителем, который отсутствовал на этом собрании без уважительных причин. Все остальные, кто не мог прийти, как Линда, например, заранее записались в установленном в садике порядке на специальном листке отсутствующих, вывешенном у входа, или отправили соответствующее электронное уведомление, если забыли внести себя в список накануне, когда забирали своих детей.

В детском садике «Лесной кот» господствовал порядок, и все здесь проходило в соответствии с установленными правилами.

«Интересно, ждут ли они меня вообще после всего того, что произошло? – подумал Патрик. – В конце концов, один мой ребенок все еще ходит в садик, тогда как другой гниет где-то в земле».

Винтер вытер набежавшие слезы и посмотрел на пистолет в руке. Он занимался спортивной стрельбой, имел разрешение на владение оружием и регулярно тренировался в стрелковом клубе. Кто-кто, а

Патрик точно знал, в какое именно место надо направить ствол, чтобы вышибить себе мозги.

Тем не менее чем дальше Патрик смотрел на детский сад, на расколотый молнией каштан, на ветвях которого он собирался построить игрушечное жилище для своих детей, тем меньше ему хотелось стреляться.

«Это слишком простой выход. Так поступают только трусы», – подумал Винтер.

Патрик оторвался от окна, прошел через гостиную в коридор и открыл дверь в подвал, помещения которого были переоборудованы под жилье. И хотя пол здесь устилал светлый ковер, имелись душевая комната и скупно пропускавшие дневной свет оконца, в нос ему ударил типичный для погреба затхлый запах влажной пыли и старых книг.

«Этого запаха мне тоже будет не хватать», – пронеслось у него в голове.

Внизу Патрик вошел в гостевую спальню, где на кровати как бы в ожидании скорого визита гостей было застелено чистое постельное белье. И только пыль на мебели выдавала, сколь долго до нее не притрагивались руки уборщицы.

Он пошарил под кроватью и вытащил из-под нее сумку, с которой раньше всегда ездил в спортзал. Однако вот уже четверть года, начиная с того самого худшего в его жизни дня, Винтер не посещал тренировки: ему не нужно было сгонять лишний вес, так как у него полностью пропал аппетит.

Патрик открыл сумку и посмотрел на полиэтиленовые бутылки, в которых раньше была минеральная вода. Теперь же в них плескалась янтарного цвета жидкость. Всего было четыре бутылки по семьсот пятьдесят миллилитров в каждой.

Винтер взял их у привратника в подвале стеклянного небоскреба на Потсдамской площади, в котором располагался офис фирмы, где он работал. Это была одна из самых крупных частных компаний Германии, занимавшаяся вопросами медицинского страхования. Его напоминавший коробку из-под шляп кабинет находился на двадцать втором этаже и относился к отделу управления рисками. И надо отметить, что из окон отсюда открывался роскошный вид на филармонию.

«Скоро меня уже не будут трогать никакие виды», – подумал он.

Патрик постоял немного, тупо уставившись на бутылки, а затем открыл первую из них и пробормотал:

– Что ж, начнем. Настало время надеть свой жидкий наряд для Хеллоуина.

Он положил пистолет в карман и взял первую емкость. Затем Винтер закрыл глаза и начал лить ее содержимое себе на голову. Глаза Патрик открыл снова только для того, чтобы открутить пробку на второй бутылке и вылить из нее жидкость себе на туловище. От едких паров в носу и горле у него запершило. Он закашлялся, но продолжил обливаться.

Наверху вновь послышался звонок у входной двери.

– Сладкое или кислое? – спросили детские голоса.

Патрик поставил пустые бутылки на облитое жидкостью ковровое покрытие и подождал, пока дети угомонятся, а затем поднялся наверх по лестнице обратно в гостиную, где прямо посередине комнаты стояло никому не нужное джакузи. Здесь он открыл дверь на террасу и, насквозь мокрый, вышел наружу, вдыхая влажный и холодный осенний воздух.

Дождь все еще шел, но несколько капель уже не могли сорвать его план. Для этого он вылил на себя слишком много бензина.

– Все отлично! – подбодрил себя Патрик и принялся ощупывать карманы джинсов.

Убедившись, что его безотказно работавшая на ветру зажигалка фирмы «Zippo» из карманов никуда не исчезла, Патрик Винтер проследовал мимо расщепленного молнией каштана и направился к детскому саду.

Глава 10

Фридер

– Ну, признайтесь же, доктор Фридер! – проговорил Гвидо Трамниц. – Вы бы наверняка хотели, чтобы по недосмотру ваша рука соскользнула. Я прав?

Ему было явно весело, что являлось довольно странным для пациента, которому предстояла операция на сонной артерии без общей анестезии в положении «на боку».

Фридер старался не обращать внимания на слегка гнусавый и в то же время высокомерный голос убийцы и сконцентрироваться на крошечном золотом зажиме в своей руке. К тому времени ассистировавший ему старший врач Хопф уже пометил синей полоской правую сонную артерию ниже Y-образного разветвления, которую Фридер фамильярно называл «сосудом для мусора».

В этом месте, где общая сонная артерия разветвляется на сосуды, идущие к лицу и мозгу, в кровотоке часто возникают завихрения, приводящие к отложениям извести и жира. Такая картина чаще всего наблюдается у людей пожилого возраста. А вот у Трамница, обращавшего большое внимание на правильное питание, несмотря на мускулистое и хорошо тренированное тело, в его двадцать восемь лет через нежно-розовые стенки артерии уже начали поблескивать светло-оранжевые отложения, которые Фридеру и предстояло осторожно удалить.

– Почему бы этой свинье прямо здесь и сейчас не понести заслуженное наказание? Так вы думаете, не так ли? – между тем продолжал изгаляться Трамниц.

«Нет, я думаю о Тилле Беркхоффе и о его отчаянной просьбе спасти тебя, сукина сына», – мысленно ответил ему Фридер.

Маньяк улыбнулся, ведь он находился в полном сознании. Дело заключалось в том, что во время столь сложной операции общий наркоз применять было нельзя и ее позволялось осуществлять только под местной анестезией, чтобы держать неврологические функции

пациента под постоянным контролем. А в таких условиях, к сожалению, заткнуть рот этому ублюдку не представлялось возможным.

– Пожмите мне руку! – велела врач-анестезиолог Андреа Шильф, чтобы наряду с мимикой проверить также моторику пациента.

Между ней и Фридером была натянута зеленая операционная ткань, позволявшая им держать зрительный контакт друг с другом: Шильф наблюдала за Трамницем с левой стороны, а сам Фридер занимался правой сонной артерией. Он установил похожий на канцелярскую скрепку золотой зажим на главном ответвлении, и в этот момент у него мелькнула мысль и прямо-таки зачесались пальцы от желания совершить непоправимую ошибку.

Фридер, конечно, понимал, что такие мысли неэтичны, но он тоже был человеком. Буквально перед самым звонком Беркхоффа его посетила мысль, что ничего плохого не будет в том, если у него во время хирургического вмешательства «случайно» соскользнет рука. Никто не стал бы лить слезы по этому негодяю. Наоборот! А вот если операция прошла бы успешно, то в этом случае «зверь-инкубаторщик», как окрестила пресса этого мучителя детей, еще много лет находился бы на попечении государства, являясь своеобразной миной с взведенным часовым механизмом для сокамерников и представляя собой угрозу для многих семей в случае побега.

Между тем Трамниц продолжал его провоцировать.

– Забудьте о вашей клятве Гиппократата! – говорил маньяк. – Думайте лучше о том, что я сделал с детьми, Фридер!

– Успокойтесь! – сказала врач-анестезиолог.

Однако ее призыв на Трамница никак не подействовал.

– Знаете, – заявил он. – У меня всегда с собой были вещи для переодевания. Как для мальчиков, так и для девочек. Причем разных размеров. Эту одежду я хранил в специальной сумке в багажнике. Мне хотелось быть готовым ко всему. Как только дети оказывались в моей машине, я их переодевал, чтобы в случае объявления немедленного розыска невозможно было бы быстро опознать ребенка. Часто эти сосунки, думая, что с ними играют, меняли одежду сами.

В груди Трамница послышался булькающий звук, напоминающий смех.

– Когда они оказывались в инкубаторе, то так уже не думали.

«О боже! – подумал Фридер. – Из его слов следует, что жертв было гораздо больше двух!»

Между тем маньяк продолжал откровенничать:

– Я сам построил инкубаторы. Гораздо лучшие, чем те маленькие ящики, которые были в нашем распоряжении в Вирхове.

Здесь Трамниц вздохнул так, как будто предавался воспоминаниям о днях прекрасно проведенного пляжного отдыха.

– Да, мои инкубаторы были гораздо лучше. В них я мог делать с детьми все, что угодно, – гладить, кормить, менять подгузники. Настоящее воплощение мечты.

– Сейчас я разделю кровоснабжение, – громко сказал Фридер, начиная, таким образом, отсчет самых критических в операции двадцати минут.

С момента расшивания правой ветви от Y-образного разветвления никаких неточностей допускать было нельзя – от этого зависело снабжение кровью мозга.

«Больного мозга психопата», – подумал Фридер.

– Так могло продолжаться вечно, – продолжал разглагольствовать Трамниц. – Если бы я только не тронул эту шлюху. Однако мамаша начала собственное расследование и была близка к разгадке моего трюка с посылками. И тогда голоса приказали мне ее убить.

«Голоса, так я тебе и поверил», – мысленно отреагировал Фридер.

Он никак не мог взять в толк, почему психиатры и судьи так легко купились на эту явную ложь. Трамниц, без всякого сомнения, был одержим, но никак не мифическими невидимыми силами, которые якобы управляли его мыслями. Он был одержим жаждой убийства. И его место было не в психиатрической больнице, а в тюрьме. Или, еще лучше, в сибирском трудовом лагере.

Фридер прикрыл глаза, затем снова открыл их и взял поудобнее скальпель.

– Если бы я более аккуратно избавился от ее тела, то меня никогда бы не поймали. Такие вот дела. Ерунда какая-то, не правда ли?

Тут Фридер посмотрел на старшего врача Хопфа, который предостерегающе покачал головой, как бы говоря: «Не торопись и успокойся. Не допускай ошибки. Негодяй этого не стоит».

Едва сдерживаясь, чтобы не допустить непоправимой ошибки в проведении операции, Фридер все же сказал:

– Послушайте, я пытаюсь спасти вам жизнь. Почему бы вам взамен не проявить немного порядочности и не признаться во всех своих делах родителям, которым вы причинили так много боли и страданий?

– Если я не ошибаюсь, то вы намекаете на мою фигурку Люка Скайуокера, верно? – спросил Трамниц.

– Если уж вы выставляете свои трофеи открыто, то могли бы и признаться.

– О каком трофее речь? – хихикнул Трамниц. – Полиция постоянно спрашивала меня об этой фигурке, вот я и раздобыл себе одну, чтобы хотя бы знать, как она выглядит.

Фридер вновь посмотрел на своего ассистента, и тот, снова покачав головой, сказал:

– Перестань. Сейчас не самое подходящее время для уговоров.

Тогда Фридер тяжело вздохнул и, обращаясь к маньяку, произнес:

– Хорошо. Это действительно не имеет смысла. Просто закройте свою грязную пасть, пока мы работаем.

Однако в ответ Трамниц громко рассмеялся. Его шея пришла в движение, не позволяя сделать аккуратный надрез.

– А то что? Вы повредите мне гортанный нерв, как Флориану Бродеру?

Услышав такое, Фридер застыл как вкопанный.

«Как, черт возьми, Трамниц мог узнать об этом? – подумал он. – Это имя в прессе никогда не упоминалось. Ах да, он же, как и я, когда-то работал в Вирхове».

Слухи в этой клинике расползались быстрее, чем в Фейсбуке.

– Безобидное вмешательство в щитовидную железу, – продолжал между тем Трамниц. – Но в результате Бродер заработал двойной паралич голосовых связок и вынужден остаток жизни провести под аппаратом искусственной вентиляции легких. Я правильно говорю? А все потому, что накануне ночью вы, как всегда, заглянули на доньшко бутылки.

– Не обращай на него внимания, Хартмут. К сожалению, мы не можем заставить его замолчать, – прошептал Хопф, но Трамниц его услышал.

– Хартмут? – рассмеялся он. – Я думал, что коллеги зовут вас «Фридер-вермут». Это прозвище вы вполне заслужили. А вермут вам нужен, чтобы придать себе храбрости, которой у вас не хватает. Кстати, а как сегодня? Тоже махнули стаканчик?

– Сейчас вы это узнаете, – яростно прошипел Фридер и рассек ему сонную артерию.

Глава 11

Патрик Винтер

Вонь, исходившая от Патрика, участникам родительского собрания, сидевшим на детских стульчиках, явно не понравилась. При его появлении одни из них, задыхаясь, широко открывали рот, другие отворачивались, а одна мамаша в вышитом цветочками кардигане, чей сын Эмиль ходил в так называемую «Солнечную группу», зажала нос.

Сам он запаха бензина уже не чувствовал, хотя и вонял, как бензоколонка, а может быть, еще хуже. И этот запах не смогли заглушить даже ароматические свечи, горевшие на полочках перед пестро размалеванными окнами.

– Добрый вечер! Не желаете присесть? – спросила старшая воспитательница Виктория.

Она была единственным обратившимся к нему человеком из числа присутствовавших. С момента, когда на входной двери он ввел код, который знали все родители, говорить приходилось только ему.

– Прошу прощения, прошу прощения, – как заведенный, повторял он, войдя в актовъ зал, который обычно использовался для проведения различного рода мероприятий.

Сегодня же он сам стал предметом обсуждения среди круга лиц, насчитывавшего около пятнадцати человек, вздрогнувших при его появлении.

– Вы, конечно, не ожидали настоящего привидения? Верно? Я имею в виду, что на празднике Хеллоуина вряд ли кто-нибудь из вас сможет быть похожим на меня, – делано рассмеялся Винтер и провел рукой по пропитанным дождем и бензином волосам.

Он оглядел присутствовавших и заявил:

– Ну, ну, бросьте! Что случилось? Почему такие озадаченные лица? Ваши дети все еще живы!

С этими словами Патрик вынул из кармана брюк зажигалку и с вытянутой рукой застыл, как статуя Свободы. Никто не встал. Все

буквально оцепенели. Только Виктория потянулась к телефону, видимо, чтобы вызвать полицию, но это его вполне устраивало.

– Каждый из вас наверняка думает, что сегодня было бы гораздо лучше остаться дома, не правда ли? – обратился Винтер к родителям. – Лучше бы послушали своих хныкающих детей, которым гораздо больше понравилось бы переодеться и вместе с вами принять участие в празднике. Но нет! Маме и папе требовалось идти на родительское собрание! И кто только составил такой дурацкий план? – Тут он подмигнул одной из воспитательниц по имени Соня и продолжил: – Я имею в виду, что глупо было назначать собрание именно на тридцать первое октября. Это каким же идиотом надо быть?

Патрик коснулся влажного лба, на мгновение умолк, а затем заявил:

– Сегодня не следовало бы обсуждать вопрос, могут ли дети взять с собой свои игрушки или сколько сладостей разрешено хранить в хлебном ящике. Сегодня надо изгонять неприкаянные души умерших. Блуждающую душу моего Йонаса. Да и мою собственную.

Он судорожно сглотнул, закашлялся и продолжил:

– Что ж, дорогие родители! Вы поступили глупо и не переоделись. Пришлось мне сделать это за вас, и вот я здесь. Как живое доказательство того, что зло действительно существует и что дети могут умереть. И не только в сообщениях по телевизору и в газетах, а здесь, в Берлине, прямо у нас на глазах.

В этот момент большинство родителей отвели взгляд от Патрика. Они были озадачены, шокированы и напуганы. Причем не только женщины, но и мужчины.

Не обращая внимания на их реакцию, Винтер произнес:

– Мне очень жаль, что пришлось нарушить вашу идиллию и внести сумбур в ваши представления об идеальном мире. Посмотрите на меня!

Патрик перешел на крик, обращаясь главным образом к парочке геев, воспитывавших приемного ребенка, бабушке одного из воспитанников, пришедшей на собрание вместо работавших родителей, и, конечно же, к образцовой супружеской паре вертолетчиков. Последние пришли вместе, чтобы всем показать, насколько важен был для них вопрос воспитания потомства, и сидели, словно в школе, разложив блокноты на коленях, как будто бы на этом

собрании могли сказать о чем-то очень важном, что обязательно требовалось записать.

Глядя на эту образцовую супружескую пару, он воскликнул:

– Пометьте же себе заглавными буквами: «ВАМ ПРОСТО ПОВЕЗЛО!»

Патрик прокричал это, брызгая слюной, и потряс правой рукой с зажатой в ней зажигалкой.

– То, что случилось со мной, могло случиться и с вами! – не сбавляя тона, продолжил он. – Думаете, что вы непогрешимы? Тут вы ошибаетесь! Поэтому я не вижу другого способа...

– Господин Винтер! – перебила его Виктория.

Кроткий голос этой шестидесятидвухлетней воспитательницы сбил с толку Патрика, и он внимательно посмотрел на нее. Она, как всегда, была одета в оранжевое платье, однако из-за погоды в этот вечер сменила свои балетки на прорезиненные туфли.

– Не хотите присесть? – как ни в чем не бывало продолжила Виктория, указывая рукой на свободный стульчик.

– Нет, нет. Я просто хочу...

Увидев протянутый ему мобильный телефон, он запнулся, подумав: «Она хочет, чтобы я поговорил с полицией?»

Однако Патрик ошибся.

– У телефона ваша жена, – проговорила Виктория.

Тут ему пришлось признать, что со стороны воспитательницы это был умный ход. Он всегда с большим уважением относился к этой женщине, которой скоро предстояло выйти на пенсию и которая обладала огромным опытом в воспитании подрастающего поколения. За долгие годы своей работы она наставила на правильный жизненный путь не один десяток своих воспитанников. И то, что Виктория позвонила именно Линде, явилось таким неожиданным ходом, который он не предвидел.

Это действительно было умно.

И очень чутко с ее стороны.

Он взял мобильный телефон и, проглотив подступивший к горлу комок, сказал:

– Линда, это ты?

– Да. В чем дело, дорогой?

«Дорогой!» – эхом отозвалось это слово в его голове.

Как долго она так его не называла! Раньше как минимум три раза на дню – утром, в обед и вечером. Но с исчезновением сына их совместная жизнь разрушилась, и ласковые слова, свидетельствовавшие о взаимной любви, куда-то испарились.

– Дорогая, – ответил Патрик. – Прости, но сейчас я не могу говорить. Я все написал тебе в письме, которое ты скоро получишь по почте.

– Ничего не понимаю. Что ты делаешь?

– Я на родительском собрании.

– Это мне известно. Но что ты задумал? Они говорят... По крайней мере, так сказала Виктория... Ты же не наделаешь глупостей?

Он покачал головой, не выпуская из виду сидевших кружком родителей. Из всех собравшихся здесь глупцов роль героя больше всего подходила мускулисту торговцу автомобилями с нелепыми серьгами-гвоздиками в ушах, который явно собирался протянуть ему стульчик через головы присутствовавших.

– Я уже совершил самую большую глупость в своей жизни, когда...

– В этом нет никакого смысла! – расплакавшись, перебила его Линда. – Дорогой! Твое самобичевание не вернет нам нашего ребенка.

– Это правда. Но, что бы я ни делал, ты ведь тоже не вернешься, верно? Я потерял всю свою семью.

– Дорогой...

– Я заслужил ад.

– Нет! Подожди! Прошу тебя! Что бы ты ни задумал, не делай этого!

– Я должен сгореть! Линда, пойми! И не только я. Пусть все родители увидят, как горят в аду! Вот почему я здесь!

Сказав это, он отключил телефон, зажег зажигалку и поднес ее к своим волосам.

Из груди родителей вырвался сдавленный крик ужаса, когда в следующее мгновение всю его голову охватило пламя.

Глава 12

Тилль

Было ровно двадцать часов сорок пять минут, когда карета скорой помощи с сиреной и включенными синими мигалками, шурша шинами по мокрому асфальту, мчалась по выделенной полосе для автотранспорта специального назначения на скоростной городской автодороге.

Водителю «скорой» постоянно приходилось резко нажимать на тормоз и подавать звуковые сигналы. На одном из поворотов машину занесло, но шофер справился с управлением, снова утопил педаль газа в пол, и автомобиль понесся дальше по лужам сквозь дорожные пробки.

Между тем дождь усилился, а вместе с ним стал нарастать и страх у единственного пассажира, закрытого в отсеке для перевозки пациентов.

Через десять минут бешеной гонки скорость движения автомобиля замедлилась, и кузов стал плавно покачиваться, как при езде по грунтовой дороге, а затем под колесами захрустел грубый гравий. Наконец машина остановилась, и сирены смолкли. Но ненадолго, всего на каких-то тридцать секунд. Именно столько понадобилось времени, чтобы чересчур грузный мужчина, стоявший возле паркового домика, смог в нее забраться. Затем «скорая» помчалась дальше.

– Ты действительно хочешь пройти через это? – не столько спрашивая, сколько утверждая, сказал Скания, глядя на Тилля одновременно и с восхищением, и с отвращением.

Чтобы не удариться, Оливер втянул массивную голову в плечи и держался своей волосатой «лапой» за носилки, к которым был привязан Тилль. Для «порядка», конечно, ведь когда они прибудут на место, все должно было выглядеть натурально.

– Дело на этого человека у тебя с собой? – спросил Беркхофф.

В ответ Скания утвердительно кивнул. Его костюм весь вымок. Видимо, в ожидании машины скорой помощи полицейскому пришлось довольно долго стоять под дождем.

– Твое новое имя – Патрик Винтер, – сказал Скания, вытаскивая из-под пиджака коричневый бумажный скоросшиватель.

Он открыл его и начал инструктировать своего свояка:

– Тебе сорок один год, и ты работаешь в фирме «Ксантия», крупнейшей частной компании Германии, занимающейся вопросами медицинского страхования.

– Медицинского страхования? – переспросил Тилль.

– Правильно. Твой кабинет располагался в главном офисе компании на Потсдамской площади, и ты трудился в качестве актуария.

– Это что еще за зверь?

– Актуарий – это специалист по страховой математике, занимающийся разработкой методологии и исчислением страховых тарифов, расчетами, связанными с образованием резерва страховых взносов по долгосрочным видам страхования, а также вопросами рисков. Этого достаточно.

– Ты это серьезно?

– Чего ты смотришь на меня так потрясенно?

– Я должен изобразить из себя математического гения? Оливер, разве ты забыл, что в пожарной бригаде мне приходилось заниматься довольно грубыми вопросами? Это единственная работа, в которой я разбираюсь. Дружище, мне с грехом пополам удалось окончить среднюю школу, а по математике у меня всегда была двойка с минусом. Заметь, в школе, а не в вузе.

– А кто сказал, что Винтер был гением в области математики?

– Для меня любой, кто умеет считать, уже гений, – заявил Тилль.

Скания еще раз критически посмотрел на Беркхоффа и заметил:

– Наверное, надо тебе напомнить, что все это безумие, в которое мы ввязываемся, является твоей затеей. Я не в состоянии подобрать для тебя идеальную кандидатуру, в параметры которой ты легко впишешься. Но можно все закончить прямо здесь и сейчас, даже не начиная. Нет проблем!

– Ладно, ладно, все хорошо! – поспешил Тилль успокоить своего шурина, стараясь не раздражать его.

Они и так в последние дни часто спорили по поводу целесообразности осуществления задуманного Беркхоффом плана.

– Надеюсь, там не заставят меня считать в уме, а даже если и попытаются, то я уже научился отбрехиваться практически от всего. Кстати, за что Патрика Винтера захотели доставить в «Каменную клинику»? Что он совершил такого?

– В детском саду во время родительского собрания Винтер вылил себе на голову бензин и поджег его, – ответил Скания.

– Зачем он это сделал?

Оливер посмотрел на Тилля так, как будто более идиотского вопроса он никогда в жизни не слышал.

– Ты еще спроси, почему у меня высокое давление, а у моей сестры гипофункция щитовидной железы. Что я знаю? Патрик Винтер был болен, устал от жизни и, наверное, еще со студенческих времен принимал антидепрессанты.

С этими словами Скания постучал толстыми пальцами по скоросшивателю, как бы говоря: «Там все написано», а потом заявил:

– В любом случае для нас это настоящая удача после того, что ты сотворил со своими волосами.

Тут Скания указал рукой на забинтованную голову Тилля.

После нанесенного себе увечья Беркхофф наголо обрил оставшиеся на голове волосы и намазал раны вязкой йодной пастой. Вот уж правду говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Если бы кто-нибудь снял с него повязку, а это скоро обязательно должно было произойти, то все выглядело и пахло довольно натурально.

– Женат? Дети есть? – поинтересовался Тилль историей Патрика Винтера.

– Женат два раза. Его жену зовут Линда, и у них есть дочь Фрида пяти лет.

«На год моложе Макса», – пронеслось в голове у Беркхоффа.

– А где Винтер сейчас? – поинтересовался Тилль.

– В холодильнике.

Беркхофф поднял голову и вытаращил глаза.

– Он умер спустя два часа после причиненных самому себе ожогов. Практически сразу после того, как один судья вынес постановление о заключении его в «Каменную клинику», поскольку

несчастный представлял опасность не только для себя самого, но и для окружающих, – добавил Скания.

Тилль опустил голову – теперь все встало на свои места. Это объяснило, почему события начали разворачиваться столь стремительно. Не успел он положить телефон на стол после разговора со своим шурином, как перед домом остановилась машина скорой помощи, о которой говорил Скания.

– Такого шанса больше не будет, верно? – спросил Беркхофф.

– Возможно, это не шанс, а просто безумие, – пробормотал Скания и махнул рукой, как будто говоря: «Делай что хочешь».

Тилль помолчал немного, а потом задал запрещенный вопрос:

– Как тебе удалось сделать из меня Винтера?

Скания скривился так, как будто откусил от лимона.

– Ты и вправду думаешь, что я расскажу тебе, как мы проводим наши тайные расследования? – грустно улыбнулся он. – Я нарушил около двадцати законов и раза в два больше разных служебных предписаний, когда задействовал свои связи, чтобы добиться того, чтобы свидетельство о смерти Патрика Винтера порвали, а его фотографию в деле заменили на твою. Мне пришлось также уговорить двух санитаров, сидящих в кабине водителя, разыграть для тебя роль экипажа «скорой».

Оливер тяжело вздохнул и продолжил:

– Официально Винтер отделался всего лишь легким покраснением кожи головы, поскольку сохранившей присутствие духа воспитательнице детского сада якобы удалось при помощи огнетушителя предотвратить худшее. На самом же деле его голова напоминала чернослив. А моя будет выглядеть еще хуже, если то, что мы с тобой проворачиваем, каким-то образом станет достоянием широкой публики. У меня нет никакого желания, чтобы пострадали и мои помогавшие в этом деле коллеги, если ты проболтаешься.

Тилль ограничился скудным «гм», а затем, немного помолчав, спросил:

– Ты все организовал в клинике? Все, как я просил?

Между тем машина где-то остановилась с работающим двигателем. Скорее всего, на светофоре. Со своих носилок через узкий просвет занавешенного и мокрого от дождя окошка на противоположной стенке кузова Тилль смог разглядеть только

верхушку уличного фонаря и раскачивавшуюся от ветра крону дерева на какой-то аллее.

– Я сделал все, что было возможно за столь короткое время, – ответил Скания и, тоже взглянув в просвет окошка, добавил: – Мы скоро приедем.

Он вновь посмотрел на Тилля.

– Спрашиваю тебя в последний раз. Ты уверен, что так надо?

Поскольку Беркхофф при их последнем разговоре уже разъяснял свою позицию, то сейчас ограничился лишь кивком.

«Да. Мне нужно туда попасть. К Трамницу. Я хочу получить достоверные сведения о Максе», – подумал он.

По выражению лица Оливера было понятно, что он и не рассчитывал на изменение намерения своего родственника, но все же Скания не выдержал и покачиванием головы выразил все, что думал по поводу этой авантюры.

– Ну хорошо, тогда запоминай, – окончательно сдался Оливер.

Он помолчал немного и приступил к инструктажу:

– Многого мы, естественно, приготовить не смогли, но все же это лучше, чем ничего. При поступлении в клинику с режимом наивысшей безопасности у тебя отберут все личные вещи. На время обыска твоей одежды тебе выдадут спортивный костюм. Как понимаешь, у тебя изымут мобильник, все острые предметы, ремень и многое другое. Не сможешь ты взять с собой и дело Винтера. Но если все пойдет хорошо, то у тебя будет помощник.

– Кто?

Скания, не любивший, когда его прерывали, надул губы.

– Ее зовут Седа. Достаточно того, что тебе известно ее имя. А теперь очень важно, запоминай. Она не наш человек и тем более не доверенное лицо. Мы не знаем степень ее надежности. Нам известно только то, что за деньги она готова практически на все.

– А кем эта женщина работает в клинике?

– Она управляет автобусом, – нетерпеливо ответил Скания.

– Что еще за автобус?

– Сам скоро это узнаешь, – буркнул Оливер, поглядел на часы и проговорил: – Не будем терять время на второстепенные вещи. Гораздо важнее обговорить то, как ты сможешь связаться с нами в случае чрезвычайной ситуации.

– И как мне это сделать?

– По специальному мобильнику. Он лежит в библиотеке. Полка номер три, второй ряд. Прямо за Библиями спрятана толстая книга Джеймса Джойса под названием «Улисс». Этот толстенный фолиант настолько велик, что его не брал читать ни один заключенный. Если даже кто-то случайно на него наткнется, то увидит обычную, не пользующуюся спросом в этом заведении книгу. На самом деле начиная со страницы номер восемьдесят четыре в ней имеется выемка, в которой лежит маленький мобильный телефон фирмы «Nokia». По нему ты сможешь отправить эсмэску и позвонить, но выхода в Интернет у него нет.

– Ясно, – коротко ответил Тилль.

Ему было понятно, что все остальные функции потребовали бы слишком большого расхода энергии батареи. Кроме того, постоянное нахождение телефона в сети было сопряжено с определенными рисками.

– А по каким номерам и с кем я могу связаться? – поинтересовался он.

– Все необходимые номера заведены. Мой служебный – на первой кнопке быстрого набора, личный – на второй, а на третьей – телефон Хартца.

Хартц являлся адвокатом и одновременно нотариусом Тилля. У него под присягой было составлено письменное заявление о том, что, находясь в здравом уме и твердой памяти, Тилль Беркхофф отправляется в «Каменную клинику» только для получения сведений о своем сыне. Таким образом, этот нотариус, не считая Сканию, был единственным человеком, знавшим о предстоящем мероприятии. О том, что он проговорится, можно было не беспокоиться, поскольку Хартца связывала обязанность хранить адвокатскую тайну.

О принятом им решении Тилль не уведомил даже свою жену Рикарду, хотя он и не хотел, чтобы она начала о нем беспокоиться, обнаружив, что ее муж внезапно куда-то исчез.

– Если возникнут какие-то трудности, то тебе достаточно будет три раза набрать мой номер, и тогда я попытаюсь вытащить тебя оттуда, – закончил свой инструктаж Скания.

– Попытаешься? – переспросил Тилль своего шурина.

– Это было твоим желанием. Это ты захотел стать заключенным в этом особо охраняемом заведении. Я выполнил твою просьбу. Как только ты пересечешь границу клиники, тебе придется рассчитывать только на себя. О твоём истинном положении не знают ни охранники, ни врачи. Даже Седа не в курсе происходящего. Если бы я только заикнулся о нашем плане кому-нибудь из работающего там персонала, то сам оказался бы на твоём месте на этих носилках. Меня просто посадили бы в психушку. Ведь такой безумный план официально не одобрила бы ни одна полицейская инстанция, не говоря уже о врачах.

– Я... – начал было Тилль.

– Помолчи! – перебил его Скания. – Я ещё не закончил. Говорю в последний раз. Если с тобой что-то случится, не важно где, в камере, во дворе, в душе или даже в лечебном кабинете, никто там тебе не поможет. Для врачей, санитаров и медсестер ты обычный псих. И даже мне потребуется какое-то время, чтобы вытащить тебя оттуда. Ты это понимаешь? Я не могу просто так позвонить заведующей клиникой и сказать: «Добрый день, любезная фрау Зенгер. Мы вас разыграли. Это была шутка. Знаете, Патрик Винтер из камеры такой-то просто симулирует. Никакой он не математик, а обыкновенный пожарный. Выпустите его, пожалуйста, и побыстрее».

Тут Скания запнулся, поскольку машина скорой помощи заметно сбавила скорость. Взгляд Оливера наполнился состраданием, и он заявил:

– Однако выше нос! Клянусь, что весь мир переверну вверх дном, если ты отправишь сигнал бедствия.

Тилль поблагодарил его, а затем спросил:

– А как мне попасть в библиотеку? Вряд ли она окажется доступной для всех.

– Это как раз одна из тысячи проблем, какие тебе придется решать самому. Ты лучше спроси себя, каким образом попасть в камеру Трамница и завоевать его доверие. И как тебе обуздать свой порыв, чтобы не раскрыть ему череп уже при первой встрече.

В этот момент машина скорой помощи остановилась, и водитель постучал по перегородке, отделявшей кабину от отсека для пациентов.

– Мне пора выходить, – заявил Скания. – Я не могу последовать с вами на паром.

– На паром? – занервничал Тилль, так как считал, что к клинике подходит обыкновенная дорога.

– Подъезды к объекту подмыло водой, – пояснил Оливер. – Дождь усиливается, и у персонала возникли проблемы, связанные с начавшимся наводнением. Уже только поэтому тебе не следует задерживаться там слишком долго.

Скания дружески потрепал Тилля по плечу и сказал:

– Дружище! Я знаю, что это не мое дело, но твое мужество меня восхищает. Правда. Скажи, ты на самом деле считаешь, что это того стоит? Тебя ведь поджидает немало опасностей. Риск очень велик.

В ответ Тилль проглотил подступивший к горлу ком и, тяжело вздохнув, не узнавая свой собственный голос, проговорил:

– Я потерял в жизни самое главное. Чего мне теперь бояться?

Капли дождя грохотали по крыше машины скорой помощи, словно град, и Скания умолк. Он не проронил больше ни слова до тех пор, пока новый стук не напомнил ему, что надо спешить. Тогда Оливер тяжело поднялся и направился к двери. Затем полицейский остановился и, покопавшись в кармане брюк, вынул белую таблетку.

Поколебавшись немного, Скания обернулся, протянул ее Тиллю и произнес:

– На вот, держи!

– Что это?

– Это тебя выключит. Сейчас, как мне кажется, твое поведение слишком спокойно и рационально. Твоя сумасшедшая затея осуществится гораздо лучше, если ты поступишь к ним без сознания. Так будет правдоподобнее. Не забывай, что официально кожа твоей головы хоть и не очень сильно, но все же обожжена, Тилль.

– Патрик, – поправил шурина Беркхофф и, потрогав голову, добавил: – Отныне меня зовут Патрик Винтер. А за таблетку спасибо, но не надо. Я придумал гораздо лучший план, чтобы сразу же по прибытии оставить о себе незабываемое первое впечатление.

Глава 13

Рикарда Беркхофф

Рикарда Беркхофф пребывала в таком отчаянии, что даже не чувствовала запаха дешевого фритюра, исходившего, казалось, из каждой поры ее собеседника.

Еще какой-то год назад она посмеивалась над наивными женщинами, позволявшими безнравственным обманщикам выуживать деньги из их карманов.

«Сами виноваты, если настолько глупы», – думала Рикарда.

И вот теперь она сама сидела у прорицателя, хотя, точнее сказать, не сидела, а стояла. Ведь Гедеон Шульц в своей практике не использовал ни стульев, ни столов, что не в последнюю очередь было связано с тем, что свои сеансы он проводил на товарном складе сети забегаловок, где этот «ясновидящий» и работал.

– В принципе, я этим больше не занимаюсь, – заявил Гедеон, повторив то, что уже говорил ей по телефону.

Он выглядел моложе, чем можно было предположить, слушая только его голос. Перед Рикардой стоял мужчина, выглядевший как подросток. Такой вид придавал ему красный прыщ возле верхней губы, над которой только-только начал пробиваться пушок. При этом период полового созревания у него должен был закончиться как минимум лет двадцать назад.

– Это доставило мне одни только неприятности, – добавил Шульц, сняв с головы нелепый картонный колпак, какой руководство этой гигантской сети экспресс-кафе заставляло носить каждого своего сотрудника.

Об этом ясновидце Рикарда узнала из газетной статьи, в которой говорилось о некоем продавце картошки фри, якобы обладающем сверхъестественными способностями. В свободное от работы время он помогал своим сослуживцам устанавливать контакт с исчезнувшими людьми. В этой же газете сообщалось о том, что случайно или нет, но с его помощью полиции удалось найти пропавшую девушку.

Гедеон взял две картонные коробки, в которых были упакованы бургеры, водрузил одну на другую и предложил Рикарде присесть на них. Но она отказалась.

– К сожалению, ничего другого предложить вам не могу, – извинился Шульц.

Некоторое время сеть быстрого питания пользовалась плодами бесплатной рекламы в прессе, и Гедеону в благодарность даже выделили часть комнаты отдыха сотрудников для его практик. Однако, когда к нему повалили толпы разных чокнутых людей с требованиями предсказать выигрышные номера в предстоящих лотереях и другими подобными просьбами, руководство пересмотрело свое первоначальное решение. Сейчас ему позволялось встречаться с клиентами только на складе, и то в исключительных случаях.

– Вы принесли то, что я просил?

В ответ она протянула ему фотографию Макса. Ту, которую ее сын когда-то держал в руках и которая еще не оказалась засвеченной в средствах массовой информации. Рикарда извлекла фото из коллажа, сделанного Максом в первом классе на День благодарения, и это была одна из тех немногих фотографий, где обычно задумчивый мальчик улыбался.

– Вы потеряли не только своего сына, – изрек Гедеон, взглянув на фотографию, на обратной стороне которой виднелись остатки клея.

– Что вы имеете в виду?

– Вы потеряли и своего мужа. Его больше нет с вами. Правильно?

– Откуда... – начала было она, но потом прикусила язык. – Прошу прощения, но это похоже на то, что делают маги. Вы не раскроете мне секрет, как вам это удастся?

Гедеон смущенно улыбнулся, а когда заговорил, его голос зазвучал столь тихо, что Рикарде пришлось сосредоточить все свое внимание, чтобы разобрать произносимые им слова, тонувшие в шуме дождя, барабанившего по покрытой кровельным железом крыше склада.

– Ничего хитрого здесь нет, и магия тут ни при чем, – заявил он, кивком указав на ее руки. – Вы не носите больше обручальное кольцо, а углубление на безымянном пальце показывает мне, что сняли вы его совсем недавно.

– А что вы еще видите?

– Вы только недавно прекратили кормить грудью.

– Об этом тоже говорит вам мое тело?

При этом Рикарда непроизвольно скрестила руки на груди, словно пытаясь закрыться от его всевидящего взгляда.

– Скорее ваш бюстгальтер, который стал вам великоват из-за того, что вы похудели на один размер.

Рикарда согласно кивнула. Вообще-то, она привыкла следить за своей внешностью и сегодня долго размышляла над тем, что ей стоит надеть по предстоящему случаю, хотя в ее ситуации то, как она выглядит, имело наименьшее значение. Но что поделаешь, если внимание общественности, как правило, обращается именно на внешний облик человека? Причем в ее случае мнение окружающих могло распределиться примерно так:

– Она одета опрятно и хорошо питается. Разве исчезновение ее мальчика не повлияло на ее аппетит?

– Она выглядит похудевшей, по-настоящему убитой горем. Неужели у нее не осталось больше места для материнской любви?

– Глянь-ка! Платице простенькое, зато новенькое. И как только в ее положении можно думать о покупках?

– Почему она носит такие старые вещи? Беспутная! Возможно, от такой мамы при подобном ведении домашнего хозяйства ребенок просто сбежал?

В общем, что бы она ни надела, ее все равно бы подвергли критике. Конечно, Рикарда могла бы и не обращать внимания на мнение толпы, но именно люди из этой толпы могли что-то знать о ее маленьком сыне Максе. Даже сейчас, когда его уже перестали искать.

Особенно сейчас!

Тем не менее почему-то Рикарда была уверена, что даже ее сегодняшней бесхитростный наряд при отсутствии макияжа с применением только бесцветной помады, в сочетании с заплетенными в косу густыми волосами, все равно вызовет у этих людей недовольство.

– Я вижу, что нервы у вас на пределе, – продолжал между тем говорить Гедеон.

– Иначе было бы странно, – горько заметила она.

– И приходится признать, что ваша нервозность вызвана не только недоверием мне. Вы стоите перед выбором.

– Простите, не поняла.

– Вы должны принять решение.

– Какое?

– Стоит ли вам тратить здесь свое время, или лучше уйти прямо сейчас, причем желательно через другую дверь.

Рикарда с удивлением уставилась на Гедеона и только сейчас обнаружила у него легкое косоглазие.

– Не поняла.

– У нас два выхода. Вот тот, что сзади, идет через фабрику-кухню.

С этими словами Гедеон указал на отделанную дешевым ламинатом дверь из ДСП, находившуюся в другом конце склада. Рядом с ней располагались стальные полки, на которых стояли белые ведра. Эти емкости выглядели так, как будто их наполнили химикатами, к которым с полным правом можно было отнести содержащийся в них майонез.

– Я бы на вашем месте выбрал именно ее, а не раздвижную дверь, которая выходит на парковку.

– Как так? – удивилась Рикарда. – Зачем мне уходить? Вы же мне еще совсем ничего не сказали.

– Все дело в вас. Я и так узнал слишком много, и на этом, как мне кажется, нашу встречу лучше завершить.

Рикарда издала возглас удивления, который больше походил на кашель. Она предполагала, что сеанс может оказаться весьма странным, но только не то, что он закончится вот так.

– Но почему?

– Потому что я чувствую, что вы не честны.

– Что вы чувствуете?

Гедеон провел рукой по лицу, поправил прядь волос и сказал:

– Теперь мы говорим о вещах, которые я не могу объяснить. Я их просто чувствую.

– И что же вы чувствуете?

– То, что вы пришли не одна, и кто-то ждет вас снаружи.

– Кто?

– Тот, кто должен вам деньги.

Рикарда в недоумении рассмеялась.

– Если бы я знала кого-то, кто должен мне деньги, то поверьте, давно бы уже их взыскала.

– Понимаю, – кивнул он в ответ. – Такое расставание стоит кучу денег. Новая квартира, новая одежда...

Рикарда почувствовала, как стала покрываться краской. Тилль всегда поддразнивал ее, утверждая, что эмоции его жены можно считать по ее мимике, как субтитры в фильме.

– Даже если вы и получаете алименты, то в переходный период все равно можно хорошо подзаработать, – заявил Гедеон. – Если я не ошибаюсь, то эксклюзивные интервью в средствах массовой информации хорошо оплачиваются. Особенно в таком духе, как «Отчаявшаяся мать консультируется у прорицателя».

– У меня пропал ребенок, вы, глупый засранец! – вырвалось у Рикарды.

С этими словами она выхватила фотографию из его руки и больше для себя, чем для этого шарлатана, зашипела:

– Ты настоящий идиот!

Оскорбленная женщина неловко пыталась открыть свою сумочку, продолжая изрыгать проклятия:

– Стоило только ехать сюда, чтобы встретиться с чокнутым, который не только оскорбит, но еще и унизит!

Наконец она засунула фотографию в карман своего пальто и собралась уходить. В раздвижных воротах, через которые они входили, имелась дверь, но с ее отпирающим механизмом, так же как чуть раньше со своей сумочкой, ей никак не удавалось справиться. Немного поостыв, Рикарда обернулась, глубоко вздохнула и спросила:

– Как вы посмели сказать подобное мне прямо в лицо?

– Я не люблю, когда меня попросту используют, – холодно ответил Гедеон.

– Какое право вы имеете топтать чувства несчастной матери? Да еще столь снисходительным тоном?

Наконец она вспомнила, что Гедеон, чтобы открыть дверь, предварительно поворачивал ручку вверх. Рикарда попыталась это сделать, но, несмотря на все ее старания, у нее ничего не получилось – ручка не двигалась.

– Вы что, меня заперли? – обернувшись, спросила она.

По мере того как женщина распалась, Гедеон, казалось, становился все более спокойным. Он улыбнулся столь же любезно, как при встрече, и произнес:

– Не волнуйтесь! Когда вы успокоитесь и выслушаете мои извинения, я дам вам уйти.

– Извинения?

Ситуация становилась все более странной.

– Да. Мне очень жаль, – заявил Гедеон и завершил свой второй разворот на сто восемьдесят градусов. – Но так должно было произойти.

– Что должно было произойти?

– Мне нужны были ваши истинные чувства, ваши подлинные эмоции. Вам необходимо было снять маску, с которой вы сюда пришли.

«Он что, издевается надо мной?» – подумала она.

Рикарда постаралась взять себя в руки и с достоинством произнесла:

– Я не ношу никакой маски.

– О! Не скажите! Все носят маски. Ведь без этой брони мы оказались бы беззащитными перед теми ударами, что преподносит нам жизнь. Вот вы, например, сначала постарались обратить мое внимание на отсутствие у вас обручального кольца, подсознательно прикрывая палец, на котором его носят, рукой. Вам было неловко, что ваш брак уже практически распался.

В ответ Рикарда только презрительно махнула рукой и еще раз потребовала, чтобы он ее выпустил. Однако Гедеон, не обращая на нее внимания, продолжал что-то объяснять, но это женщину больше не интересовало.

– Есть мнение, что люди показывают свое истинное «Я», когда пьяны. Поскольку мы не продаем алкоголь, то мне пришлось вывести вас из себя, так как, по моему опыту, в гнев человек тоже раскрывается и позволяет увидеть главное.

Но Рикарда только отмахнулась:

– На сегодня глупостей хватит. Я хочу уйти.

Все это было ошибкой.

Тогда Гедеон кивнул и сказал:

– Мне понятны причины того, что вы себе все это именно так и представляете. Подобным образом заканчивалось большинство моих первых встреч в начале будущих сеансов.

«Если ты начинаешь их именно так, то ничего удивительного в этом нет», – подумала она.

– Теперь, когда мы познакомились, подумайте над моими словами, и если захотите продолжать, то вы знаете, где меня найти, – заявил Гедеон.

«Да уж, теперь точно знаю», – пронеслось в голове у Рикарды.

Тут он снова указал на вторую дверь, и на этот раз она выбрала выход между стеллажами, который, по крайней мере, открывался без всякого сопротивления.

«Прочь отсюда!» – мысленно подбодрила себя Рикарда.

Открыв дверь, она оказалась в коридоре, который вел на кухню, где трое сотрудников в глупых униформах раскладывали формованные изделия из мясного фарша на прессованные булочки. Они не обратили на нее ни малейшего внимания, и Рикарда, проследовав мимо фритюрницы, поспешила в раскрашенный яркими красками общий зал.

«Прочь! Прочь отсюда!» – подгоняла себя Рикарда.

Она вышла из закуской и быстро направилась к тому месту, где припарковала свою машину. Возле бордюрного камня образовалась огромная лужа, и ей пришлось прошлепать прямо по ней. Пока Рикарда открывала свою чертову дамскую сумочку, волосы на ее голове окончательно промокли. Ключи никак не находились, и когда наконец она их достала, то чувствовала себя так, словно приняла душ прямо в одежде.

Вконец обессилев, Рикарда буквально рухнула на водительское сиденье, уткнулась головой в руль и закрыла глаза.

«Эксклюзивные интервью в средствах массовой информации хорошо оплачиваются», – никак не выходили из ее головы слова Гедеона.

– Каков засранец! – в сердцах воскликнула она.

В этот момент кто-то постучал по боковому стеклу ее машины. Она выпрямилась и увидела взволнованное лицо мужчины, которому по возрасту явно не подходила стильная бородка, какую носили поклонники джаза, и кольцо в носу. К тому же на нем была совершенно неподходящая для такой погоды и мокрая насквозь шерстяная шапочка.

– Что случилось? – поинтересовался он.

– Мне очень жаль, – проговорила Рикарда.

– Мы ждали вас на заднем выходе.

Она понимающе кивнула и, мысленно ругая себя на чем свет стоит, ответила:

– Знаю, но я просто не смогла.

С этими словами Рикарда вновь закрыла окно, запустила двигатель и тронулась с места, оставив руководителя телевизионной команды стоять под проливным дождем.

Глава 14

Тилль

На территории клиники

«Пришла моя смерть!»

Именно такая мысль посетила его, когда он почувствовал себя словно в тисках. Эти тиски безжалостно давили на него, и ему было холодно. Они выдавливали из него любое воспоминание о тепле, любви и собственной безопасности, обрекая на провал малейшую попытку вырваться из этих тисков.

У Тилля возникло чувство, будто бы его похоронили под снежной лавиной, и он попытался выбраться на поверхность своего сознания, чтобы вновь оказаться в окружавшем его грубом мире, двигая при этом грудью, ногами и руками. Однако его не оставляло ощущение, будто бы ему приходится плыть в жидкости, по плотности напоминавшей ртуть.

В то же время какая-то часть рассудка подсказывала ему, что все это являлось лишь проявлением побочных эффектов того снадобья, с помощью которого его успокоили при поступлении в «Каменную клинику».

«Сразу после того, когда я окончательно свихнулся», – вспомнил Тилль.

Первым его воспоминанием было то, как он стоял, подняв руки в позе сдающегося в плен солдата, в полуоткрытой трубе стеклянного сканера, напоминавшего саркофаг. Лишенные ремня брюки медленно, но неуклонно скользили вниз по его худым бедрам, и ему стало нехорошо: сказались пережитое волнение и статичная поза при перевозке.

– Вы можете пройти дальше, – вспомнился ему послышавшийся из вмонтированных в потолок динамиков звучный безэмоциональный голос после окончания дискретного сканирования.

Тилль понятия не имел, в какую именно часть комплекса зданий клиники его доставили, однако предполагал, что машина скорой помощи остановилась в подземном гараже. Это был подвал, первоначально предназначавшийся для нужд кухонного блока отеля, а затем переоборудованный в приемный покой.

Тилля провели по направлению стрелки, намалеванной на полу из серого антисептического пластика, до шлюза, напоминавшего внутренний отсек корабля и снабженного видеокамерой на голом потолке. Видимо, поэтому при ходьбе у него возникло такое же ощущение качки, как во время движения машины скорой помощи на пароме, доставившем их в «Каменку».

За шлюзом его ожидали два крепкого телосложения санитара, один внешний вид которых говорил о том, что они легко справятся с любым накачанным мышцами человеком, не говоря уже о таком хилом пациенте, как Тилль. Они дружелюбно улыбались, но их взгляд явно советовал ему не делать глупостей.

– Добрый день, господин Винтер, – произнес выглядевший постарше санитар, что, возможно, объяснялось его короткими, по-военному строго остриженными седыми волосами.

Тилль вспомнил, как он внутренне напрягся, услышав, что его назвали Винтером. Эта новая фамилия звучала непривычно и как-то негативно, словно подсознательный укор.

– Мы вынуждены попросить вас вынуть все из карманов ваших брюк, – сказал другой санитар, чья кожа была заметно темнее.

Он говорил таким же дружелюбным тоном, каким обращается к пассажирам персонал в аэропорту. Тем не менее этот человек ни на секунду не выпускал Тилля из виду. Беркхофф послушно повиновался, положил в приготовленную пластиковую миску пачку жевательной резинки, смятый носовой платок и скомканную упаковку «Аспирина плюс С». Затем он осмотрелся.

Здесь, внизу, помещения походили на катакомбы, какие обычно располагаются под зданиями аэропортов, больниц и даже современных отелей. Их было так много, что в них можно легко заблудиться. И они были такими узкими, что у Тилля невольно учащенно забилось сердце.

Справа и слева от него уходили вдаль казавшиеся бесконечными ярко освещенные, окрашенные в белый цвет бетонные коридоры, снабженные на определенном расстоянии друг от друга доходившими

до потолка решетчатыми перегородками с дверями. Шансов убежать отсюда не было никаких, но он и не собирался этого делать. Наоборот!

Тилль указал на шлюз, из которого вышел, и спросил:

– Сканер тела работает с применением технологии, основанной на терагерцевых частотах, верно?

Кое-какие знания об этом он почерпнул на телеканале «Discovery» из передачи, рассказывавшей о технике безопасности в аэропорту Франкфурта.

– Почему вас это интересует? – насторожился седовласый санитар, во взгляде которого вместо дружелюбия стала читаться тревога.

– Это означает, что вы можете видеть только то, что я ношу на теле, – как ни в чем не бывало продолжил Тилль. – Но вы не можете заглянуть внутрь его, верно?

Вместо ответа, темнокожий санитар потянулся к рации, висевшей у него на поясе. Тилль не заметил какого-либо оружия у обоих сопровождавших его служащих, что, в общем-то, в немецких психиатрических больницах было не принято.

– Значит, вы понятия не имеете, что находится в моем желудке, не так ли? – продолжал гнуть свою линию Тилль.

– О чем, черт возьми, вы говорите?

– Два часа назад я проглотил чувствительную к кислоте капсулу. По моим расчетам, менее чем через пять минут желудочная кислота разъест ее оболочку, и тогда это начнется.

– Что начнется? – одновременно воскликнули оба санитары.

– В моем желудке спрятана бомба! Я взорвусь! – закричал он и бросился бежать.

Этот ответ Тилля в сочетании с нарочитой попыткой побега и обеспечил ему укол шприца со снотворным – уже через пару мгновений он оказался лежащим на полу.

Теперь Тилль снова очнулся и спросил себя, не переборщили ли санитары с дозой снотворного, так как собрался преодолеть последнее препятствие, отделявшее его от цели. У него и так все последние дни проходили, словно он смотрел американский фантастический фильм «Супер-8» на плохо освещенном экране.

Единственным моментом, свидетельствовавшим о том, что он не умер, являлся свет. Но он был не таким, на какой хочется бежать, а

наоборот, вызывающим стремление удрать.

Здесь все было розовым. Цвет в пастельных тонах казался ярким и всепроникающим. Именно такое сравнение пришло ему на ум, когда он открыл глаза. В комнате действительно все было розовым – и стены, и потолок, и пол, и плинтусы, и даже лампа. Исключение составлял лишь неуклюжий стальной унитаз рядом с раковиной для рук. Увидев это приспособление для мытья, Тилль понял, куда его поместили и что он все еще жив.

«Отлично, первое препятствие преодолено успешно», – подумал он.

Тилль закрыл глаза и через две секунды снова открыл их, но он не исключал, что могло пройти и два часа, а может быть, и два дня. В любом случае Беркхофф в комнате был уже не одинок. Один только этот факт успокаивал, ведь, в конце концов, он был еще жив и успешно прошел первый этап намеченного им плана.

Тем не менее Тилль почувствовал опасное раздражение при виде человека рядом со своей кроватью, который показался ему странно знакомым. При этом узнаваемыми казались не черты его лица или манера стоять, а что-то совсем другое. И это что-то его сильно беспокоило, поскольку напомнило самого себя – глаза мужчины горели ненавистью.

Этот некто смотрел на него так же, как поглядел бы сам Тилль на убийцу своего сына, если бы ему удалось с ним встретиться.

Глава 15

– Как вы себя чувствуете, господин Винтер? – спросил мужчина странным голосом.

Этот голос звучал так, словно хотел сбежать от своего хозяина. Он был скрипучим и одновременно ломким, но в то же время чересчур низким, что никак не подходило к худощавому, можно даже сказать, долговязому мужчине с лицом как у ворона, с глубоко посаженными глазами, впалыми щеками и заостренным, изогнутым носом, словно крючок для одежды.

Человек показался Тиллю таким же инородным телом, к которому теперь следовало привыкать, как и к тому имени, с которым он к нему обратился.

– Кто вы? – поинтересовался Беркхофф.

Мужчина представился главным врачом третьего отделения доктором Мартеном Касовом, но разъяснить, чем это отделение отличалось от двух других, не стал. Остался в неведении Тилль также и в том, в каких должностных отношениях состоял этот человек с профессоршей фрау Теа Зенгер, которая, по словам Скании, являлась руководителем клиники.

– Что вы мне дали? – спросил Тилль, ощупывая свою голову и пытаясь вытянуться на узких и тоже окрашенных в розовый цвет нарах.

Затем он втиснулся в серый, как мышь, спортивный костюм, который оказался ему несколько коротковат. Беркхофф понял, что за то время, пока он был без сознания, его помыли. Исчезла также повязка, и теперь на обритой наголо голове осталось только несколько пластырей. Зато на ноги ему натянули полосатые носки с резиновыми накладками.

– Флунитразепам, – ответил Касов.

Тилль осторожно кивнул, поскольку у него возникло ощущение, будто бы голова оказалась наполненной горячей, неприятно обжигающей жидкостью, которая при резком движении могла перелиться из нее, как суп через края тарелки. Он почувствовал головокружение, и ему стало плохо. Было также непонятно, являлось

ли это обычными побочными явлениями подобного средства, которое вывело его из строя.

– Почему я все еще жив? – спросил он, вспомнив о том, что утверждал, будто бы проглотил бомбу.

– А почему вы не хотите жить? – вопросом на вопрос ответил Касов и стал оглядывать камеру.

При этом он смотрел так, как будто в этой розовой клетке могло находиться еще что-то, кроме отсутствовавших окон, недостающих дверных ручек и просматривавшегося со всех сторон туалета.

Тилль сильно удивился тому, что врач лично пришел к нему, а не общается с ним через видеокамеру в потолке или глазок бронированной двери. А еще его поразил маленький блокнот, который Касов, не отводя взгляда от подопечного, вытащил из нагрудного кармана своего пиджака.

Доктор открыл блокнот и повернул его так, чтобы Тилль смог прочитать заранее подготовленное для него сообщение.

– Вы знаете, где находитесь? – спросил его Касов.

Но Тилль был уже не в состоянии дать вразумительный ответ, ведь те несколько слов, которые оказались нацарапанными в блокноте доктора, повергли его в настоящее шоковое остоленение. Там заглавными буквами было начертано:

«НЕ СМОТРИ НА КАМЕРУ НА ПОТОЛКЕ!»

Первой произвольной реакцией Тилля явилось желание сделать прямо противоположное тому, что запретил ему Касов. Однако врач быстро перевернул страницу в своем блокноте и показал Беркхоффу другую запись, которая гласила:

«Я ЗНАЮ, КТО ТЫ!»

– Это наша комната интенсивного кризисного вмешательства^[3], – продолжая источать неподходящую для этого момента улыбку, ответил Касов на свой же чуть ранее поставленный вопрос. – Однако не будем сыпать непонятными непосвященному терминами.

Он немного помолчал, а потом заявил:

– Современные психиатрические лечебницы имеют хотя бы две такие комнаты на случай, если потребуется одновременно изолировать несколько агрессивных пациентов. У нас их три.

Поскольку Касов стоял прямо перед Тиллем, спиной к двери, а следовательно, и к камере слежения, снаружи никто не мог видеть,

каким образом врач с ним общался. У того, кто позже стал бы просматривать запись видеонаблюдения, однозначно сложилось бы впечатление, что происходит обычное в таких случаях знакомство с пациентом.

– Потолки и стены здесь окрашены в розовый цвет, потому что соответствующие исследования показали, что он оказывает успокаивающее воздействие на людей, – продолжил Касов, по-прежнему держа блокнот возле груди.

Он открыл следующую страничку, на которой тоже оказалась заранее сделанная врачом запись. На этот раз там стояло единственное слово, от которого Тилля неприятно бросило в жар:

«СИМУЛЯНТ!!!»

Беркхофф заморгал и непроизвольно провел рукой по лбу, пытаясь вытереть несуществующие капельки пота. Он едва подавил в себе желание ощупать голову, ведь подозрение врача могло быть вызвано отсутствием на ней травм от ожогов. Тилль лихорадочно принялся размышлять над тем, стоит ли ему встать и вырвать из рук врача его блокнот, как вдруг Касов продемонстрировал новую запись:

«ОДНО НЕВЕРНОЕ СЛОВО, И Я ТЕБЯ УНИЧТОЖУ!»

– А вас этот цвет успокаивает? – как бы продолжая начатый разговор, произнес Касов, одновременно добавив к последней записи еще три восклицательных знака.

– Не понял? – нервно сглотнув, переспросил Тилль, окончательно сбитый с толку странным поведением врача.

– Я имею в виду розовый цвет.

– Мне больше нравится черный, – немного помолчав, ответил Беркхофф, глядя в голубые со стальным оттенком настороженные глаза собеседника. – Это соответствует моим взглядам на жизнь.

– Понимаю, – ответил Касов.

С этими словами он убрал свой блокнот.

– Мне надо идти дальше, и я очень рад некоторому улучшению вашего самочувствия, господин Винтер, – заявил Касов.

– Я... Я плохо знаю здешние правила... Можно ли мне позвонить?

В ответ доктор одарил его делано насмешливым взглядом, как бы говоря: «Ну, что ж, попробуйте». Затем он повернулся к Тиллю спиной, что тоже показалось довольно странным и на удивление отважным, поскольку врач только что угрожал ему.

Но еще более странным оказался тот факт, что при уходе профессор Мартен Касов не запер за собой дверь. Она оказалась открытой настежь, давая выход из комнаты.

Подсознательно Тилль понимал, что здесь что-то не так, и его внутренний голос буквально кричал, чтобы он этого не делал, но противостоять соблазну воспользоваться открытой дверью он не смог. Это было подобно тому, как если бы перед жаждущим поставили бутылку с водой. Он все равно схватил бы ее и не стал обращать внимание на цвет жидкости, какой бы коричневой она ни казалась.

Обуреваемый противоречивыми мыслями, Тилль двинулся к двери. Он шел шаркающей походкой, медленно, метр за метром, преодолевая отделявшее от нее расстояние.

А потом Беркхофф вышел из розовой комнаты изолятора, оказавшись в чуждом и пугающем мире «Каменной клиники».

Глава 16

Трамниц

Маленький мальчик мчался так, как никогда раньше не бегал. И такой прыти трудно было ожидать от того, кому всего-то исполнилось семь с половиной лет. Семь с половиной лет, прожитых им в своей грязной и убогой жизни. К тому же тоненькие и не особо длинные детские ножки у него словно онемели. Можно даже сказать, атрофировались. Но другого ожидать и не приходилось. Ведь он целыми днями не мог вытянуться во весь рост.

Тем не менее нестерпимый зуд в бедрах имел и свои преимущества, поскольку заглушал боль, возникавшую в голых ногах мальчика, когда он наступал на ветку, камень или еловую шишку.

К счастью, только что прошел дождь, и лесная почва стала немного мягче. В разгар лета при таком рывке в неизвестность он наверняка давно бы поранился, получив многочисленные порезы.

Было темно, и облака висели очень низко. Словно «понос по утрам», как говаривал его отец, не объясняя толком, что именно имел в виду.

Мальчик свернул вправо на слабо просматривавшуюся тропинку, какой в хорошую погоду наверняка пользовались велосипедисты, катавшиеся здесь на своих горных велосипедах и стремившихся оказаться на Тойфельсберге^[4]. При этом он потерял равновесие, споткнувшись о корень, который громко треснул под его весом. Ногу пронзила боль, как будто мальчик попал в капкан. При падении он непроизвольно попытался смягчить удар рукой, но это принесло лишь дополнительную и не менее резкую боль, пронзившую всю конечность от запястья до плеча.

– Проклятье! – воскликнул мальчуган, но не заплакал, поскольку очень хорошо усвоил уроки, преподанные ему внизу, в подвале.

И те уроки не шли ни в какое сравнение с той слабой болью, которую он почувствовал при этом смешном падении в темноте.

Он ни за что не стал бы плакать, как бы больно ему ни было. «Мальчики не плачут». Разве не так называлась любимая песня его отца?

– Проклятье! Проклятье! Проклятье! – повторял он.

– Так выражаться нельзя! – внезапно послышался голос прямо позади него.

Этот голос сопровождался звонкой затрециной, от которой мальчик снова упал. И тогда, осознав, что побег вновь не удался и отец опять догнал его, он уже не смог сдержать слез.

Не прошло и десяти минут, как они снова были дома. Их дом располагался на опушке леса в таком районе, какой семья вряд ли могла бы себе позволить, если бы папа не получил работу сторожа в хоккейном клубе. В качестве оплаты ему предоставили право на проживание в маленьком домике, стоявшем за игровыми площадками.

– Мы еще немного потренируемся, – сказал папа, когда они вошли, с головы до ног покрытые потом и грязью.

Однако мама их даже не слышала. Она скрутила себе сигаретку и, как загипнотизированная, уставилась на экран телевизора, где шло очередное порно. Мама постоянно приносила новые кассеты из видеотеки, поскольку папа терпеть не мог, придя домой с работы, смотреть фильм, который он уже видел.

– Ну, давай же, – стоя перед «Трикси», проговорил отец, когда они спустились в подвал.

Мальчик понятия не имел, почему папа дал этой штуковине именно это имя. Оно звучало слишком ласково для того, что на самом деле представляло собой такое творение, – деревянный ящик, наполненный страхом.

– Ну, лезь же!

Мальчуган колебался недолго, ведь в последний раз, когда он отказался лезть в инкубатор, папа сломал ему нос и в течение месяца не позволял ходить в школу. На этот раз наказание, безусловно, было бы гораздо суровее, ведь он попытался убежать из дому. Поэтому сынишка неуклюже (после падения чертова нога все еще адски болела), опираясь на деревянную ступеньку, вскарабкался на верстак, на котором находилась напоминавшая детский саркофаг «Трикси». Как только он лег на разрезанное полотенце, служившее единственным «матрацем» в ящике, папа закрыл крышку и немного присел, чтобы

побеседовать с ним через одно из двух окошек из оргстекла, проделанных на боковой стенке и позволявших просунуть в них руку.

– Почему ты сбежал? – поинтересовался отец.

Папа обладал хорошим чутьем и всегда знал, когда сынишка его обманывал. Поэтому малышу лучше было говорить правду.

– Потому что я боюсь, папа, – заикаясь от страха, ответил он.

Возникла пауза. Отец довольно долго молчал, а потом изрек:

– Понимаю. Помнишь, я говорил тебе, чего ни в коем случае нельзя совершать, если тебя одолевает страх?

– Помню. Убегать.

Отец согласно прищелкнул языком и заметил:

– Совершенно верно. Ты должен противостоять самому сильному твоему страху. Смотреть ему прямо в лицо. Это называется «проявлять выдержку перед боязнью».

Мальчик в инкубаторе закрыл глаза, собрал воедино все свое мужество и сказал:

– Я... я не думаю, что это будет лучше, папа. Мой страх... Он будет здесь внутри только увеличиваться.

– Да? Ты так считаешь?

– Я бы лучше...

– Что?

– Поиграл с Томасом и Алексом, моими друзьями. Там, на улице.

Отец немного помолчал, а потом сказал:

– Гм. А я думал, ты хочешь зверушку.

Мальчик снова открыл глаза и попытался через одно из двух круглых отверстий, закрытых оргстеклом, взглянуть на папу, но, кроме пыльного пола подвала и банки лака рядом с садовым инвентарем, ничего не увидел.

– Да, хочу! – взволнованно поспешил сказать он, опережая очередной вопрос отца.

«Конечно, я хочу питомца», – подумал мальчик.

– Еще и это, – рассмеялся отец.

Затем он ненадолго замолчал, а потом сказал:

– Я так и думал, малыш. Вот почему у папы для тебя есть кое-что. Конечно, чтобы его найти, мне пришлось потратить некоторое время.

С этими словами отец открыл боковое оконце.

– Кто это, папа? Котенок? Щенок?

«Может быть, просто морская свинка? – подумал мальчуган. – Все равно это было бы здорово! Хотя в школе говорили, что морских свинок нельзя держать в одиночестве. Надеюсь, папа предусмотрел и это».

– Желаю повеселиться с твоим новым другом, – заявил отец.

Затем слышались шаги, и внезапно стало темно – отец погасил в подвале свет, и ребенок остался один. Остался наедине с самим собой, со своим страхом. И наедине с огромным, тяжелым и волосатым пауком, который неуклонно пытался вскарабкаться малышу на щеку.

Паук перебирал своими мохнатыми лапами, а Гвидо Трамниц кричал все громче и громче! И отчаяннее!

Глава 17

– Приснился плохой сон?

От этих слов Трамниц окончательно проснулся и открыл глаза. В первый момент он даже испугался, что его засранец папаша восстал из мертвых и каким-то непостижимым образом переместился из кошмарного воспоминания прямо в больничную палату. Постепенно глаза Гвидо привыкли к яркому свету, лившемуся с потолка, и тогда он понял, что кошмар, связанный с его отцом, закончился. В реальности у его кровати стояло совсем другое ничтожество.

– Фридер! Отвалите! – бросил он хирургу, который на прошлой неделе очистил его сонную артерию и спас таким образом Трамницу жизнь.

– О! Не стоит беспокоиться. С удовольствием, – улыбнулся в ответ Фридер.

Только за это Трамниц с наслаждением врезал бы ему по роже, но пока чувствовал себя еще слишком слабым. Уже не в первый раз перед глазами у него стало темно, и он откинулся навзничь. Проклятые гены! Этим дерьмом, как и мусором в сонной артерии, наградил его собственный папаша.

Тем не менее такое было в первый раз, когда поблизости оказались установка магнитно-резонансной томографии и операционный зал, чтобы сначала продиагностировать, а потом сразу же привести в порядок близкую к спонтанному закрытию артерию.

Несмотря на то что «Каменная клиника» предназначалась для содержания психов, ее оснащение оказалось чертовски хорошим. Даже лучше, чем в Вирхове, где Трамниц работал в области неонатологии вплоть до своего задержания. Однако с лечением после операции возникли некоторые осложнения, поскольку шов воспалился. Как раз в тот день, когда его собирались переводить назад в закрытую зону, у него поднялась температура, появилось расстройство дыхания и на коже стали распространяться красные пятна. В общем, все то, что сопровождает сильное заражение крови. Благодаря антибиотикам он пошел на поправку, но таблетки ударили по его желудку.

– Медсестра уже осмотрела меня, только что был и главный врач, а вам что здесь надо? – нагло спросил Трамниц, в глазах которого Фридер со своей мягкой походкой, позволявшей ему двигаться по линолеуму тихо и почти бесшумно, являлся настоящим педиком.

Гвидо был ненавистен весь облик Фридера. Он терпеть не мог его стильную розовую рубашку с высоким стоячим воротником, которую тот носил, словно молодой бизнесмен из Целендорфа. Всю его простую, но элегантную одежду, из которой выпирал живот, когда Фридер нагибался. Трамница раздражали его парусиновые туфли. Но больше всего Гвидо бесило то, что врач выглядел так, как будто только что подрумянился на озере, где во время прогулки на моторной яхте встречный ветерок уложил его седые пряди словно феном. При этом Фридер так же мало походил на спортсмена, как картошка на арбуз.

Врач не ответил, обошел вокруг кровати и остановился в этой одноместной палате у окна. Он посмотрел на стекло, которое невозможно было разбить даже кувалдой, и задержал свой взгляд на дворе, где в это время под неусыпным контролем санитаров обычно совершала пешую прогулку какая-нибудь группа пациентов, тогда как другие «подопечные» дымили сигаретами у живой изгороди в месте, отведенном для курения, или бесились на баскетбольной площадке.

Трамниц не мог всего этого оценить, поскольку Фридер закрыл ему обзор из окна, стекла которого были не только ударопрочными, но и звуконепроницаемыми. Однако он предполагал, что ничего интересного там не происходило, поскольку шел дождь.

– Во время операции у меня сложилось впечатление, что вы очень хорошо осведомлены о моей частной жизни, – внезапно произнес врач и резко обернулся.

Хотя Фридер и не носил обручального кольца на пальце, но Трамницу казалось, что в свое время он слышал о том, что врач когда-то был женат.

«Может быть, он и не педик вовсе? – подумал Гвидо. – Впрочем, многие гомосексуалисты заключают брак для маскировки».

Подумав так, он посмотрел на Фридера и сказал:

– Потеря пациента во время операции из-за пьянства не относится к вопросам частной жизни.

При виде блиставшего чистотой щеголя Трамниц почувствовал себя еще более небритым. Из-за плохого послеоперационного питания

у него выскочил небольшой прыщ на носу, а его волосы оставались неммытыми со времени операции. Ему было ненавистно свое антисанитарное состояние, и он считал дни, когда к нему наконец-то вернуться силы.

– Вы уже опрокинули сегодня стаканчик? – попытался он спровоцировать хирурга.

– Я выпил не больше, чем перед вашей операцией, – ответил Фридер.

При этом голос врача прозвучал так, как будто такой вопрос его позабавил. Он устроился на раздвижной лесенке, которая предназначалась для обеспечения доступа к верхним отсекам шкафов, встроенных в стену рядом с дверью, и заявил:

– Я, пожалуй, расскажу вам одну историю.

В этот момент Трамницу показалось, что от хирурга на самом деле пахло спиртным.

– Может быть, мне стоит нажать кнопку тревоги? – спросил он врача.

– Нажимайте, только в этом случае вы никогда не узнаете, что с вами на самом деле происходит.

– А что со мной происходит?

Трамница разозлило, что Фридеру удалось перехватить инициативу в их разговоре, а он не смог помешать этому. Было ясно, что вызов сестры милосердия в таком вопросе ему не поможет, поскольку, увидев своего руководителя, она немедленно включит задний ход.

– Итак, начнем с моей бывшей, – заявил Фридер. – Она ненавидит стоматологов, безумно боится шприцов и всего такого. И надо же было такому случиться, что ей понадобилось лечение канала корня зуба.

– И зачем вы мне это сейчас рассказываете?

Однако Фридер сделал вид, что не слышал вопроса, и, закинув ногу на ногу с видом, будто бы хотел устроиться перед кроватью Трамница поудобнее, продолжил спокойно говорить:

– Через два года, услышав в ванной ее плач, я проснулся. Мне не оставалось ничего иного, как подняться с кровати, на ощупь пройти через темную спальню и встать рядом. И тут я ее увидел. Точнее сказать, я ее видел, но не узнавал. У моей жены так раздуло щеку, что

она походила на громадный грейпфрут. И вид у нее был такой, как будто ее побили в драке.

– Может быть, ей действительно было больно? – снова подал голос Трамниц.

Однако Фридер и на этот раз не удостоил его внимания.

– Наутро, как бы ей этого ни хотелось, все равно пришлось идти к стоматологу. Но не к тому, который проводил лечение корневого канала, а к другому, поскольку первый к тому времени уже отказался от своей практики.

– Дурное предзнаменование.

– Можно сказать и так. Так вот, новый зубной врач, точнее врачиха, сделала ей рентген нижней челюсти, и угадайте, что она там увидела?

– Пустынного тушканчика?

– Кончик иглы, причем вросший. Видимо, во время лечения корневого канала он отломился, а этот идиот ей ничего не сказал. Короче, моей бывшей потребовалась операция. Ей необходимо было просверлить челюсть снизу. В общем, настоящий ужас. И не только для человека, как огня боящегося зубных врачей.

В этот момент Трамниц издал звук, похожий на хрюканье.

– Ужасная история, только какое отношение она имеет ко мне?

Трамниц подложил себе подушку под спину и начал устраиваться на кровати поудобнее. Когда он уселся, Фридер продолжил:

– У меня нет детей, но у моего лучшего друга есть сын. Когда ему исполнилось восемь лет, он пропал. Исчез с игровой площадки с аттракционами в городе Шторков. А я сопровождал семью своего друга во время этой злосчастной прогулки. И надо же было такому случиться, что мы потеряли мальчика из виду.

Фридер прокашлялся и сказал:

– Мы искали его два часа. Там есть такое кукурузное поле, сделанное в виде лабиринта, где он и спрятался. И все то время, когда нам о мальчике ничего известно не было, моего друга буквально съедал самый большой в его жизни страх. Его и сейчас бросает в жар, стоит ему только об этом вспомнить.

– Меня скорее разбил бы паралич, – съязвил Трамниц.

– Вот поэтому-то я и рассказал вам историю про зубного врача.

При этом глаза хирурга словно остекленели, и у Трамница возникло ощущение, что, разговаривая с ним, Фридер смотрел сквозь него, полностью погрузившись в свои воспоминания.

– Стоя на этой игровой площадке, когда мы снова и снова выкрикивали имя мальчика, я поклялся, что помогу моему другу убить негодяя, похитившего малыша. Пока ребенка искали, мне довелось хорошо познать, что чувствуют родители, у которых бесследно исчезают их дети, и какую боль им причиняют такие проклятые извращенцы, как вы.

Трамниц делано вздохнул и спросил:

– Почему вы меня не убили, когда я лежал на операционном столе? У вас ведь была такая возможность.

Произнеся это, Трамниц нарисовал пальцами в воздухе знак вопроса.

– Почему вы не совершили «врачебную ошибку», доктор?

– И не говорите, – усмехнулся Фридер и снова встал.

– Чего?

Постепенно до Трамница начало доходить, к чему клонит врач.

– Разве вы не издевались над экспертами, когда морочили им голову утверждением о том, что какие-то темные силы внедрили в ваш мозг чип, чтобы вы могли слышать голоса, отдававшие вам приказы о совершении убийств?

Трамниц промолчал.

– Что ж, теперь там действительно кое-что вшито, – заявил хирург, указав на голову Трамница. – Как вы думаете, что явилось настоящей причиной появления у вас заражения крови? Открою секрет. Я кое-что там забыл. И это что-то практически со стопроцентной вероятностью будет вызывать у вас длительные и невыносимые боли.

– Моя адвокатша порвет вам задницу, – грозно проговорил Трамниц. – И она начнет это делать еще до начала магнитно-резонансной томографии, а потом продолжит во время и после ее проведения. Я подам соответствующее заявление прямо сейчас.

– Подавайте. Но то, что я оставил в вашей голове, обнаружить невозможно. Это не сломанная игла от шприца в челюсти моей бывшей жены. Высветить данное нечто не получится. Не поможет ни ультразвук, ни компьютерная томография, ни рентген.

Трамница бросило в жар, и на лбу у него выступили капельки пота.

– Что же это такое? – спросил он и непроизвольно принялся ощупывать повязку на шее, закрывавшую шов после операции на сонной артерии.

Улыбка на лице Фридера превратилась в настоящую дьявольскую ухмылку.

– Наберитесь терпения, – заявил он. – Вы узнаете об этом достаточно скоро, когда начнете испытывать невыносимые муки. Разве только...

В этот момент Фридер сделал неопределенный жест рукой, как бы говоря, что при определенных обстоятельствах готов удалить этот загадочный предмет.

– Что «разве только»? – уточнил Трамниц.

– Недавно у меня был очень трогательный разговор, и я пообещал несчастному отцу, что сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему.

– О чем, черт возьми, вы говорите?

В ответ Фридер подошел к Трамницу поближе, и у того не осталось никаких сомнений в том, что хирург немного выпил для храбрости в преддверии предстоящего разговора.

– Признайтесь в убийстве Макса Беркхоффа и отведите родителей к телу мальчика.

Глава 18

Тилль

Тилль вышел из изолятора и огляделся. Коридор оказался совсем пустым. Не было видно и доктора Касова. И только чувство какой-то неясной угрозы, которое осталось после его визита, напоминало о том, что он действительно заходил к Беркхоффу.

«Чего хочет от меня этот человек? – подумал Тилль и стал судорожно вспоминать, встречался ли он с врачом раньше. – Нет, прежде мы с ним не пересекались. Его раздражающий голос мне наверняка запомнился бы. Или я ошибаюсь? И почему доктор смотрел на меня с такой ненавистью?»

Беркхофф поглядел сначала налево, а потом направо, как ребенок, желающий перейти на другую сторону улицы. Коридор, по бокам которого располагались комнаты интенсивного кризисного вмешательства, явно был слишком широк для больницы. На его высоком сводчатом потолке виднелись мини-прожекторы, излучавшие теплый свет на стены в кремовых тонах.

Тилль решил идти по коридору в левую сторону, откуда доносилась тихая классическая музыка. Проход закончился помещением, при виде которого у Беркхоффа от удивления невольно отвисла челюсть.

«Теперь понятно, почему в Интернете размещено так мало фотографий внутренних помещений «Каменной клиники», – подумал он.

В принципе, многие граждане были убеждены, что наличие телевизора в тюремной камере и так уже следует относить к области комфорта. Но как бы они отреагировали, узнав, что здесь психически больным преступникам позволялось проводить свободное время в холле, по роскоши которому уступал даже «Адлон»?^[5]

Тилль очутился в овальном зале с колоннами и венчавшей это многоэтажное здание куполообразной, как у кафедрального собора, крышей. На полу, выложенном мраморными плитами, разместилось с

полдюжины диванов и раза в два больше кресел, словно предназначенных для сна, что, собственно, и доказывал расположившийся в одном из них пожилой бородатый мужчина. Он был настолько низкорослым, что газета, которую бородач положил себе на живот перед тем, как вздремнуть, смотрелась как одеяло.

Беркхофф невольно стал искать глазами одетых в ливреи посыльных и официанток, которые, судя по обстановке, должны были бы сновать между гостями с подносами и меню, но никого не увидел. Отсутствовали также санитары и врачи. Пустовала и стойка, располагавшаяся с правой стороны, над которой красовалась скромная табличка с надписью «Выдача лекарств».

В креслах, насколько он мог понять, сидели только пациенты. Среди них были две женщины, напоминавшие своим видом девушек-подростков, которые о чем-то шептались, глядя на огромный камин, огонь которого, вероятно из соображений безопасности, находился за специальным стеклом.

Возле камина в отражении его всполохов прямо на полу пристроилась дама неопределенного возраста, бездумно расчесывавшая свои пепельные волосы и что-то напевавшая себе под нос. Поодаль возле окна стоял высокий мужчина, одетый, как и Тилль, в спортивный костюм, и наблюдал за дождем. Солнце на улице уже зашло, и зажегшиеся ядовито-желтым светом фонари, место которым было в каком-нибудь парке, делали все возможное, чтобы внутренний мир клиники не исчез в черной дыре окружавшего ее пространства. Под их зонтиками в световых конусах, словно комариный рой, танцевали капельки дождя.

Только теперь Беркхофф понял, что они находились в бельэтаже, поскольку за, скорее всего, запертыми на замок окнами просматривалась терраса, с которой в парк клиники спускалась широкая, изогнутая лестница.

Но самым удивительным было не это и даже не классическая музыка, доносившаяся из невидимых динамиков (если Тилль не ошибался, это был Шопен). Самым необычным, что сразу привлекло к себе его внимание при входе в холл, явился вид рождественской елки! Казалось, она росла прямо из мраморного пола и уходила ввысь к куполообразной крыше.

– Я знаю, о чем вы подумали, – раздался сзади дружеский голос.

От неожиданности Тилль, смотревший вверх и старавшийся определить, где заканчивается верхушка елки, вздрогнул. Он обернулся и снова изумился, увидев на халате женщины табличку с фамилией ее обладательницы.

Беркхофф почему-то был уверен, что руководителю «Каменной клиники» профессору Теа Зенгер должно было быть около пятидесяти лет, и никак не рассчитывал увидеть перед собой женщину, которая на первый взгляд казалась никак не старше тридцати пяти. Однако по опыту он знал, насколько трудно определить возраст довольно смуглых людей. Его сильно удивило, что заведующая явно имела азиатские корни.

На профессоре Зенгер с ее ростом в полтора метра был надет очень просторный халат, а на ногах она носила бесформенную полуортопедическую обувь, что явно делала с умыслом, желая замаскировать свою женскую привлекательность. Это действительно являлось неплохой мыслью, ведь четверть всех заключенных клиники составляли лица, совершившие преступления на сексуальной почве. Задумка была хорошей, но малоэффективной. С ее темными миндалевидными глазами и черными, как смоль, волосами она могла нацепить на себя хоть мешок, хоть дерюгу, все равно это не дало бы желаемого эффекта, и она по-прежнему будила бы в некоторых здешних обитателях низменные желания.

– Что вы сказали? – с трудом обретя дар речи, переспросил Тилль.

– Слишком рано для рождественской елки, – ответила руководитель клиники, указав на не украшенное игрушками дерево. – Вы ведь так думаете или я ошибаюсь? Но это часть трудотерапии. Со следующей недели мы все вместе начнем ее украшать. Каждый пациент сможет загадать желание на Новый год и написать его на красиво оформленной записке, а затем повесить эту записку на елку. Руководство клиники прочтет их, и кто знает? Может быть, некоторые мечты и сбудутся?

Беркхофф точно знал, что будет написано в его записке:

«Я хочу знать, что случилось с моим сыном».

Однако это пожелание, чтобы получить ответ, он точно не повесил бы на новогоднюю елку.

– Пойдемте, – сказала руководитель клиники, слегка прикоснувшись к его плечу и указав рукой на коридор,

располагавшийся справа от них. – Я покажу вам наше общежитие.

– Общежитие?

Фрау Зенгер пошла вперед, и Тилль послушно последовал за ней.

– Зал с куполом отделяет западное крыло от восточного. Если бы здесь действительно располагался Белый дом, то мы бы теперь шли по направлению к Овальному кабинету. Однако официально в западном крыле находится третье отделение, точнее, его жилая зона, – по ходу объясняла Зенгер, ни разу не обернувшись.

– Днем вы можете находиться в общественных помещениях, таких как холл, который вы только что видели.

Тем временем они вошли в коридор с высокими сводами, наподобие того, из которого пришел Тилль. Только здесь все двери были открыты, и, проходя мимо, он с любопытством заглядывал в разные комнаты. В одном помещении Беркхофф заметил велосипед и беговую дорожку для оздоровительно-профилактической физкультуры, а в другом перед телевизором сидели трое мужчин и громко смеялись. В последней комнате стояло несколько скамеек перед строгим алтарем.

– Вы видели помещения для занятий спортом и просмотра телевизора, а также молельную комнату, – пояснила фрау Зенгер. – Скажите, вы верите в Бога?

– Больше нет, – пробормотал он.

– Тогда вот этот зал будет представлять для вас особо большой интерес.

С этими словами руководитель клиники открыла в конце коридора тяжелую непроницаемую молочного цвета стеклянную дверь. Сразу же послышался звон столовых приборов и тарелок, а нос уловил аппетитный запах свежеприготовленного шницеля, жареного картофеля и овощей.

– Это наше кафе и столовая, – пояснила фрау Зенгер. – Зал вмещает в себя одновременно до пятидесяти человек. Как вы, наверное, заметили, обстановка здесь очень простая.

В это время послышалось хихиканье двух женщин, сопровождаемое непристойным гортанным хохотом какого-то мужчины. Однако, откуда исходил этот смех, Тилль так и не смог понять – настолько сумбурно стояли здесь стулья. В целом рацион в этой столовой мало отличался от того, каким кормят в большинстве

больниц, однако, судя по запаху, еда была не хуже, чем в кофейнях американской компании «Старбакс».

В интерьере доминировала темная мебель из древесины твердых пород, а с потолка свисали черные пузатые светильники, специально подобранные дизайнерами к мебели по цвету. То тут, то там виднелись даже пузатые мягкие кресла возле низких кофейных столиков.

– А я снова знаю, о чем вы думаете, – с улыбкой произнесла фрау Зенгер. – Пребывание в третьем отделении подразумевает предоставление заключенным в нем пациентам гораздо большей свободы, чем в других стационарах. Но не следует питать ложных иллюзий. Здесь тоже установлены жесткие правила оказания медицинских услуг, и свободный режим не означает полной свободы передвижений. Вы сможете пройти только через те двери, которые мы для вас откроем. Проход в другие отделения, как, например, в восточное крыло клиники, где содержатся рецидивисты, исключен.

Проговорив это, она внимательно на него посмотрела. В этот момент Тиллю на мгновение показалось, что сейчас руководитель клиники достанет из кармана халата такой же блокнотик, что и Касов, и он невольно начал искать глазами всевидящие камеры слежения.

«Как, черт возьми, мне отсюда добраться до Трамница?» – подумал Беркхофф.

– Завтрак с половины восьмого до полдевятого, обед с половины первого до полвторого, а ужин в течение часа после шести часов вечера, – продолжала между тем вводить в курс дела нового пациента фрау Зенгер. – Таким образом, у вас еще есть время на перекус, и вы можете к ним присоединиться.

С этими словами она указала на горстку людей, преимущественно мужчин, стоявших на раздаче еды в ожидании того, когда повариха с добродушным круглым лицом и аккуратно убранными под сеточку волосами положит выбранные ими блюда на тарелку.

– Свободный выход во двор ежедневно с половины второго до половины третьего, – заканчивая ознакомление Тилля с распорядком дня, проговорила фрау Зенгер. – С десяти часов вечера до семи часов утра все пациенты запираются в своих палатах.

– Почему? – спросил Беркхофф.

– Почему мы вас запираем?

– Нет. Я хотел спросить, почему в третьем отделении все чувствуют себя так свободно?

Вместо ответа, она привела его к столу для самообслуживания в центре кафетерия, где наряду с сахаром, молоком и специями можно было налить себе из автомата различные напитки. При этом Тилль обратил внимание на то, что вся посуда, кружки и столовые приборы были сделаны из матового пластика, как для маленьких детей, чтобы те себя не поранили.

Фрау Зенгер взяла кружку, наполнила ее колой и сказала:

– Разрешите задать вам встречный вопрос: зачем вы здесь?

– Вы же читали мое личное дело.

– Я хочу услышать это из ваших уст.

– С чего мне начать?

– С вашего имени.

– Послушайте, это становится смешным.

С этими словами Тилль осмотрелся еще раз и понял, что именно его так удивляло: с тех пор как он покинул комнату интенсивного кризисного вмешательства, ему не встретился ни один санитар или медсестра.

– Здесь, в третьем отделении, содержится двадцать три пациента, – начала пояснять свой вопрос фрау Зенгер. – Трое из них страдают от постоянной или временной амнезии, причем один не помнит даже самого себя. А как с этим у вас?

В ответ Тилль тяжело вздохнул.

«Может быть, меня проверяют?» – подумал он.

Беркхофф собрался с духом и заявил:

– Меня зовут Патрик Винтер, мне сорок один год, по профессии актуарий, и я хочу умереть.

– Почему?

– А зачем мне жить дальше?

– Вот отсюда и начнем, – сказала фрау Зенгер, отпив колу из своей кружки.

Однако в этот момент ситуация полностью вышла из-под контроля. Этого не ожидали ни Тилль, ни, очевидно, сама руководитель клиники. Им не удалось уклониться от нападения, поскольку все произошло слишком быстро.

Глава 19

Пациент выскочил, словно черт из табакерки. В руках у него был нагруженный едой поднос, который он нес перед впалой грудью. Мужчина выглядел по-настоящему больным, причем не только душой, но и телом, выделяясь среди остальных впалыми щеками и изборожденным морщинами высоким лбом.

«Совсем как мертвая голова, обтянутая кожей», – только и успел подумать Тилль, как внезапно с возгласом «Эй, засранец!» мужчина толкнул его плечом.

Одновременно у Беркхоффа возникло ощущение, будто ему в глаз попал кусочек студня. Этот студень был теплым, можно даже сказать, горячим и, что казалось самым неприятным, сладким. Но попробовать на вкус и нюхать, чтобы понять, что это было на самом деле, не потребовалось: Тилль и без того догадался, что мужчина сморкнулся прямо ему на лицо и плюнул в рот.

– Что за?..

Беркхофф утерся рукавом и хотел уже броситься дебилу вслед, чтобы пересчитать придурку все зубы, но профессор Зенгер неожиданно сильным рывком остановила его.

Если бы она повысила голос или даже накричала на него, то только распалила бы его гнев еще больше. Но фрау Зенгер неожиданно перешла на шепот, чем сбила Тилля с толку, и в результате Беркхофф передумал сводить счеты с этим засранцем.

– Так и быть, – заявила она. – Я дам тебе сейчас три совета.

При этом Теа Зенгер придвинулась к нему так близко, что Тилль почувствовал запах миндального шампуня, исходивший от ее волос.

– Во-первых, держись подальше от Касова. Он настоящая сволочь.

Не давая Беркхоффу подумать над тем, почему руководитель клиники ни с того ни с сего перешла с ним на «ты» и стала употреблять в речи крепкие словечки, фрау Зенгер продолжила:

– Во-вторых, идиота, который только что плюнул на тебя, зовут Армин Вольф. Если не будешь внимательным, то он убьет тебя быстрее, чем ты успеешь сообразить.

– Но почему?..

– И последнее по счету, но не по важности. Та тетя, которая приближается к нам...

Тилль обернулся и увидел раскрасневшееся от ярости лицо явно чем-то взбешенной пациентки, двигавшейся по кафетерию широкими быстрыми шагами, крепко сжав руки в кулаки.

– Ты опять за свое! – воскликнула она.

Тут Беркхофф принялся лихорадочно размышлять, что и кого имела в виду эта дама с пучком седых волос на голове. И только тогда, когда она оказалась совсем рядом с ним и до него донесся запах перечной мяты, исходивший от ее дыхания, Тилль понял, что ее слова «С меня хватит!» относятся не к нему, а к фрау Зенгер.

– Верните его мне немедленно! – заявила рассерженная дама.

– На самом деле эта тетя вполне нормальная, – прошептала на ухо Тиллю Теа, которая на самом деле была никакой не Теей и никакой клиникой не руководила.

В отличие от дамы в брючном костюме, которая нависла над ними и потребовала от пациентки, сидевшей рядом с Тиллем:

– Немедленно верните мне мой халат и ступайте в свою палату. И не думайте, что это сойдет вам с рук, фрау Сухарто!

Глава 20

– Я должна перед вами извиниться, господин Винтер, – заявила профессор Теа Зенгер, поправляя стоячий воротничок своего халата, который она забрала у пациентки и снова надела на себя.

Руководитель клиники сидела за своим рабочим столом, перед которым пристроился Тилль. Ее кабинет находился в западном крыле этого закрытого учреждения, и из его окна открывался великолепный вид.

Наружное освещение в этой части клиники было ярче и напоминало свет от прожекторов, что, скорее всего, было связано с вопросами безопасности. Тилля поразила убегавший вдаль парк «Каменной клиники», который располагался этажом ниже и чья слегка холмистая территория походила на картину художника, написанную в романтическом стиле и отображавшую степной ландшафт. С некоторой долей фантазии можно было легко представить, как извилистые тропинки, окаймленные фруктовыми деревьями, спускаются с похожих на дюны земляных валов к морю. Или, в крайнем случае, к озеру, но никак не к бетонной стене, высотой три метра и защищенной колючей проволокой.

Над всем этим великолепием через определенные промежутки времени пролетали взлетающие или садившиеся на находившийся неподалеку аэродром самолеты. Однако толстые окна с противоударными стеклами рев двигателей в помещение практически не пропускали.

– У нас сегодня возникли проблемы. Почва в буквальном смысле слова уходит из-под ног, – сказала Зенгер, повернулась к окну, располагавшемуся у нее за спиной, и указала рукой на раскачивавшиеся под порывами ветра верхушки деревьев. – Возникли проблемы с подъемным механизмом, не удавалось освободить от воды подъездной путь, а наш главный вход вообще оказался затопленным. Вот я и пошла узнать, как дела.

Произнеся это, она тяжело вздохнула и продолжила:

– Этим и воспользовалась ваша собеседница. Она тоже наша пациентка и стащила мой халат из ординаторской. Причем я не

понимаю, как вам, господин Винтер, удалось без присмотра выйти из изолятора.

– Доктор Касов распорядился.

– Да?

Фрау Зенгер не смогла скрыть своего удивления, но потом быстро взяла себя в руки и сказала:

– Да, да, припоминаю, была такая договоренность.

Затем она сделала какую-то пометку на листочке с рекламой фармацевтической компании, оторвала его от блока, положила в карман своего халата и спросила:

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – машинально проговорил Тилль.

Так обычно отвечают на подобный вопрос незнакомому человеку. Но тут до него дошло, что, наверное, было бы лучше схватиться за голову и соорудить мученическую гримасу.

Однако Беркхофф понимал, что руководитель клиники наверняка могла отличить симулянтов от реально больных пациентов и таким поведением он мог только себе навредить. Тем более что ее коллега Касов, похоже, его уже раскусил. При этом Тилль при всем своем желании не имел права раскрывать свои карты и объяснять, как ему удалось попасть в клинику под чужой личиной, да еще в такой короткий срок. В то же время он не забыл, как Касов показал ему запись в своем блокноте, в котором черным по белому было написано:

«СИМУЛЯНТ!»

Поэтому ему следовало побыстрее добраться до мобильного, спрятанного в библиотеке, и позвонить шурина, чтобы сообщить ему о развитии событий, а также уточнить, не знает ли Скания что-либо о Касове и о взаимоотношениях врача с Патриком Винтером.

– Как вы переносите лекарства? – уточнила фрау Зенгер.

– Снотворное?

– Я имела в виду тот укол, который мы сделали вам при поступлении. Это был нейролептик.

– Это что еще за зверь?

Сказав так, Тилль мгновенно прикусил язык, осознав, что непроизвольно отреагировал как неотесанный огнеборец, а не как математик, который, работая в области медицинского страхования, вполне мог знать, о чем говорила врач.

– С его помощью мы воспрепятствовали вашему стремлению нанести себе увечье, – пояснила Зенгер, по-видимому не почувствовав неладное. – Одной такой инъекции часто хватает на целый месяц, что делает ежедневную выдачу лекарств ненужной.

«И исключает, черт побери, попытки ввести врачей в заблуждение», – подумал Тилль.

Раньше Беркхофф надеялся, что после поступления в клинику ему удастся тайно ото всех выплевывать предназначенные для него таблетки, но теперь он мог забыть об этом.

– Скажите, а это принудительное пичканье лекарствами осуществляется в соответствии с судебным решением?

От этого вопроса фрау Зенгер явно смутилась и некоторое время сидела, молча приподняв брови. Затем она снова что-то пометила на листочке рекламного блока и только потом коротко ответила:

– Если вы так ставите вопрос, то можно сказать, что нет.

Произнеся это, руководитель клиники встала и попросила его следовать за ней.

– Как долго меня будут держать здесь? – снова спросил Тилль.

Фрау Зенгер опять не ответила прямо, а, немного поколебавшись, выдала ответ, типичный для психиатра:

– А вы как думаете? Сколько вам придется у нас оставаться?

«До тех пор, пока я не узнаю правду от Трамница, – подумал Тилль. – Кстати, о Трамнице. Конечно, я не могу раскрыть свои истинные намерения и тем более открыться руководителю клиники, но мне требуется как можно быстрее получить информацию об этом извращенце».

Поэтому Тилль решил, что довольно наивный вопрос, возможно, ничего и не прояснит, но и вреда ему тоже не принесет.

– Интересно, а Трамниц тоже содержится в том же отделении, что и я?

Фрау Зенгер нахмурилась и ответила:

– Странно, что именно вы задали этот вопрос. Без комментариев.

«Что она имела в виду под словами «странно» и «именно вы»?» – пронеслось в голове у Беркхоффа.

– Просто по телевизору сообщили, что убийца детей тоже находится здесь, – не отставал Тилль.

– Повторяю еще раз. Я не имею права разговаривать с вами о других пациентах, – твердо заявила фрау Зенгер.

– И все же он рядом со мной?

Однако этот вопрос тоже остался без ответа. Тилль хотел было уже сказать, что его беспокоит возможность нахождения рядом со столь жестоким монстром и перспектива дышать с ним одним воздухом, но, к счастью, вовремя одумался, посчитав, что для человека, только что пытавшегося покончить с собой, такое заявление прозвучало бы не очень правдоподобно.

Между тем они вышли в коридор, и Тилль, следовавший за руководителем клиники, невольно задержался у окна.

– Там, на улице, остановка? – удивился он.

Тогда фрау Зенгер сделала пару шагов назад и, подойдя к Беркхоффу, тоже поглядела в окно.

В этой восточной стороне больничного парка асфальтированные дорожки были шире, чем в западной части, на которую выходили окна кабинета руководителя клиники. Насколько Тиллю удалось разглядеть в свете наружного освещения, в дневное время их должны были затенять большие деревья, как в настоящем парке. Некоторые из этих гигантов уже успели сбросить листву, и теперь, подхваченная порывами ветра, она кружилась над лужайкой, размеры которой поистине ошеломляли.

– Да, это остановка, – подтвердила фрау Зенгер.

– А зачем она здесь?

Зенгер пожала плечами и сделала Тиллю знак следовать дальше.

– Я не сторонник концепции, в духе которой была обустроена эта остановка, но должна признать, что она себя вполне оправдала, – уклончиво пояснила она.

Они двинулись по коридору и свернули направо, где их поджидал темнокожий санитар. Это был один из тех верзил, которые принимали Тилля накануне в приемном покое.

– Что за концепция? – поинтересовался Беркхофф.

– К нам время от времени поступают пациенты с кратковременной потерей памяти, – охотно принялась объяснять фрау Зенгер. – Они не помнят, по какой причине их доставили сюда, и поэтому начинают нервничать, проявлять беспокойство и даже агрессивность. Когда мы замечаем, что они впадают в состояние

сильного возбуждения, то разрешаем им посидеть на остановке. Как бы в ожидании автобуса, который увезет их отсюда.

Голос руководителя клиники звучал столь монотонно, словно ей приходилось рассказывать об этом уже не одну сотню раз.

Между тем встретивший их санитар открыл снабженную электрическим замком дверь, нажав на утопленный в стене специальный выключатель, и они втроем проследовали в лишенный окон коридор, по обе стороны которого располагались комнаты.

– Благодарю вас, Симон, – произнесла фрау Зенгер, познакомив таким образом Тилля с этим дружелюбным на вид мускулистым чернокожим санитаром.

Войдя в коридор, руководитель клиники продолжила разъяснение сути психологического приема с остановкой:

– Уже через несколько минут нахождения на ней пациенты вообще забывают о причине их появления на остановке и о том, куда им хотелось поехать. Они перестают волноваться и спокойно возвращаются назад, в отделение.

– Но автобус никогда не приходит, не так ли?

В это время дверь, открывавшая проход, с шумом захлопнулась, и Тилль непроизвольно вздрогнул.

– Нет, приходит. Не шестьдесят девятый номер, конечно, который идет к главному вокзалу, как указано в расписании, вывешенном на остановке, а наш библиотечный автобус, – как ни в чем не бывало продолжала говорить фрау Зенгер. – Он останавливается там три раза в неделю. Пациенты могут зайти в него и, если есть желание, выбрать себе книгу для чтения.

«Она управляет автобусом», – с трепетом вспомнил Тилль слова своего шурина.

Они проследовали мимо нескольких дверей, защищенных настолько надежно, что взломать их просто не представлялось возможным. В каждой из них было по две открывавшихся наружу створки, одна из которых располагалась на уровне глаз. Нижняя же створка напоминала дверцу для кошек, через которую в камеру можно было просунуть поднос с едой.

– Вы специально наняли для этого автобуса водителя? – делано удивился Тилль.

– Нет. Им управляет одна наша пациентка.

«Седа, – вспомнил Беркхофф имя, которое назвал ему Скания. – Неужели моим единственным связником здесь является одна из пациенток?»

– Знаете, до поступления к нам она делала это профессионально, – пояснила фрау Зенгер. – Эта пациентка была водителем библиотечного автобуса в Штеглице.

Руководитель клиники помолчала немного, а потом добавила:

– Но я боюсь, что после сегодняшней выходки мы лишим ее этой привилегии.

– Выходки? – переспросил Тилль.

– Ну, если ваша сегодняшняя собеседница вам не представилась, то я и так сказала слишком много.

В то же мгновение ему стало ясно, кто именно разыграл его, облачившись в чужой халат.

– У вас есть еще вопросы? – поинтересовалась фрау Зенгер.

«Да, целый миллион», – подумал Тилль, но вслух сказал:

– Пока нет.

– Хорошо. Тогда Симон откроет сейчас вашу палату, а мы с вами увидимся завтра во время утреннего обхода. Доброй ночи.

С этими словами руководитель клиники повернулась и, переваливаясь с боку на бок, словно утка, пошла по коридору туда, откуда они пришли. Санитар же попросил его пройти еще несколько шагов, пока они не остановились возле комнаты под номером 1310.

Симон вытащил из глубины кармана брюк длинный ключ и открыл замок. В нос Тиллю сразу же ударил запах старых носков, пота и дезинфицирующих средств. Он и в нормальных-то условиях терпеть не мог закрытых помещений, а тут ему и вовсе показалось, что невидимые лапы чудовища по имени Клаустрофобия потянулись к его груди. И с каждым новым шагом вглубь этого квадратного помещения этот кошмар только усиливался.

– Вот мы и пришли, – сказал Симон несколько приглушенным голосом.

Тилль не был уверен, но если он правильно понял взгляд и интонацию голоса санитара, то тот оказался несколько озадаченным. Беркхофф и сам несказанно удивился, увидев лежавшего на нижней койке двухъярусной кровати человека, лицо которого пряталось в тени верхнего матраса.

– Разве меня разместили не в одиночной камере? – спросил он.

Вместо ответа, Симон схватил свой мобильник и нажал на кнопку, явно связываясь по прямому вызову со своим начальником.

– Это Симон, – прошептал он. – Один вопрос. Комната номер 1310 действительно предназначена для Патрика Винтера?

Получив ответ, он сказал:

– Понял. Спасибо.

После этого санитар убрал свой телефон и, обращаясь уже к Тиллю, заявил:

– Все в порядке. Ваш сосед по палате уже спит. Вам тоже следует побыстрее лечь отдыхать. Завтра предстоит трудный день, господин Винтер.

– Минуточку. Я хочу в одиночную камеру, – возразил Беркхофф.

– Одноместную палату, – поправил его санитар и сокрушенно покачал головой. – Не получится, как вы уже сами убедились. Из-за наводнения приходится уплотняться.

Дверь за санитаром закрылась на удивление тихо, и только металлическому скрежету многочисленных запоров, казалось, не будет конца. Наконец все стихло. Наступила тишина и в помещении, которое у Тилля назвать палатой не поворачивался язык. Скорее его можно было обозначить как камеру, а еще лучше – застенок. Толстая дверь перекрывала доступ сюда любым звукам снаружи, и только через малюсенькое оконце, располагавшееся в верхней части наружной стены, пробивался слабый шелест дождя.

– Эй, засранец! – внезапно прорезал тишину хриплый голос, показавшийся Тиллю странно знакомым.

Беркхофф посмотрел вниз, увидел присевшего на постели сокамерника и непроизвольно опять стал рукавом вытирать себе лицо, поскольку в памяти все еще оставался свежим тот плевок, которым совсем недавно «наградил» его в столовой этот человек.

«Идиота, который только что плюнул на тебя, зовут Армин Вольф. Если не будешь внимательным, то он убьет тебя быстрее, чем ты успеешь сообразить», – только и смог вспомнить Тилль предостережение Седы, как вдруг получил невероятной силы удар в лицо.

Когда же Беркхофф, падая, больно ударился о твердый бетонный пол, то решетка за окном отбросила на физиономию его противника

зловещую тень. При этом в сумеречном свете камеры голова обидчика еще больше начала напоминать обтянутый кожей череп мертвеца.

Глава 21

У Тилля возникло такое ощущение, как будто у него за сетчаткой глаз лопнул наполненный красной краской мешок. При ударе о пол в глазах у него потемнело от боли, но затем зрение стало возвращаться. Первоначально по центру возникло светлое пятно, которое, постепенно расширяясь, сквозь кровавую пелену позволило увидеть склонившееся над ним лицо.

– Однако стоит признать, что у тебя есть мужество, – заявил Армин Вольф и пнул Беркхоффа в бок ногой. – Я на твоём месте умолял бы перевести меня в другую камеру.

«Но я же не знал, с кем именно они меня запрут. Я и понятия не имел, что мне придется делить камеру с сумасшедшим», – пронеслось у Тилля в голове, но облечь свои мысли в слова он не смог.

Для этого у Беркхоффа не хватало воздуха и сил. К боли в голове, спине и почках добавилось осознание того, что его заперли в узком пространстве наедине с пылающим жаждой убийства психопатом. В результате у него вновь возник приступ клаустрофобии, чьи отвратительные когти держали Тилля словно в струбцине.

– Чего ты хотел от этой потаскухи Зенгер? Ты рассказал ей обо мне?

«О чем? О том, как ты напал на меня в столовой?»

Столь абсурдное предположение помогло Тиллю немного собраться с мыслями. В надежде, что Армин не сломал ему запястье, Беркхофф протянул ему руку, сплюнул кровавый сгусток на пол и прохрипел:

– Нет, нет. О тебе у нас разговора вовсе не было.

Армин сделал шаг в сторону и в столь маленькой камере сразу же очутился возле двери. Он прижал к ней ухо, приложил указательный палец к губам, прислушался, но ничего не услышал.

Явно довольный результатом, Вольф снова направился к Тиллю, который успел отползти к стене и опереться на нее спиной между унитазом и раковиной. При этом Беркхофф судорожно размышлял, стоит ли ему напасть на Армина сзади. Однако Армин Вольф был не только на голову выше, но и намного тренированнее, чем он. После

исчезновения сына Тилль перестал делать физические упражнения, и его тело быстро деградировало. Кроме этого, Вольф двигался кошачьей походкой, как опытный уличный боец, словно паря над бетонным полом. Поэтому надеяться на победу в случае прямого столкновения с ним не приходилось.

– Отлично! – подходя к Тиллю, проговорил Армин, выказывая себя вдобавок ко всему еще и расистом. – Черномазый ушел. Симон смотрит через заслонку каждые сорок пять минут, а это означает, что у нас есть достаточно времени, чтобы поговорить без помех.

Произнеся это, Армин ударил Беркхоффа кулаком в живот. Тилль хотел было закричать, но от боли у него перехватило дыхание. Второй удар пришелся ему в челюсть, и он почувствовал, как у него зашатался зуб.

Такого просто не могло быть! Как могло случиться, что вновь поступившего пациента заперли в камере наедине с жаждущим убийства сумасшедшим?

Его крики о помощи здесь вряд ли кто-нибудь услышит. К тому же для того, чтобы закричать, у него не хватало воздуха, а лежа на полу, он не мог для привлечения внимания дотянуться до какого-нибудь предмета, чтобы опрокинуть его или запустить им в дверь.

Один глаз у него заплыл, и он им больше не видел, но вторым с ужасом заметил, как Армин снял с себя носок, чтобы, скорее всего, заткнуть ему рот.

– Стой! – выдохнул Тилль, но его возглас больше походил на непонятное хрюканье, чем на членораздельную речь.

Между тем Вольф начал приближаться, и среди всех обрывков мыслей, кружившихся у Тилля в голове, почему-то все отчетливее стал проступать образ контролера в метро, который на вопрос корреспондента телевидения о том, что бы он мог посоветовать пассажирам, подвергшимся нападению хулигана в общественном транспорте, ответил: «Необходимо сбить противника с толку!»

– Твоя мать! – прохрипел Тилль настолько громко, насколько смог.

Его хрип больше походил на шепот. Но тем не менее это бессмысленное восклицание возымело действие и действительно сбilo обидчика с толку.

– Что? – переспросил Армин, и его сжатая в кулак рука остановилась, не дойдя до лица Тилля. – Что там насчет моей матери?

Наступил тот самый момент, который по совету контролера надо было использовать, чтобы сбежать от нападавшего. Однако такой возможности у Тилля не было, и он решил спасти свою жизнь не бегством, а разговором.

– Я отвечу, скажи мне только почему, – заявил он.

– Что почему?

– Что ты имеешь против меня?

– За один только этот вопрос ты заслуживаешь смерти!

С этими словами Армин схватил Тилля за повязку, нагнул его голову назад и собирался уже запихать в качестве кляпа носок в его окровавленный рот. Однако Беркхоффу все же удалось задать Вольфу очередной вопрос:

– И вообще, откуда ты меня знаешь?

Эта фраза, казалось, сбила Армина с толку еще больше, чем упоминание о его матери.

– Я знаю всех таких типов, как ты, – наконец ответил он. – Всех вас, засранцев, во всем мире. Все вы одинаковы!

– И все же откуда?

– Откуда я тебя знаю?

Тилль кивнул.

К его облегчению, вопросы, казалось, возымели действие, и Армин вторично был сбит с толку. Он отпустил голову Беркхоффа и даже отступил на шаг. Вольф почесал шею и нахмурил лоб, словно всерьез задумался над ответом, а когда его произнес, то смысл сказанного Тилль не понял.

– Мой отец был исследователем, – заявил Армин.

– Кем? – переспросил Тилль и тут же чуть было не откусил себе язык.

«Хватит трепаться, идиот! – мысленно сказал он сам себе. – Дай ему возможность говорить! Не прерывай его!»

Вольф на секунду рассмеялся, а затем зло сказал:

– Ты понятия не имеешь, о чем я говорю, да? Хорошо, сейчас я помогу тебе прочистить мозги!

С этими словами он ударил Тилля ногой в промежность, и Беркхоффа пронзила такая острая боль, которая не шла ни в какое сравнение с той, что могла бы возникнуть, если бы на него вылили зажигательную смесь и подожгли ее. Боль походила на запертое дикое

животное, пытавшееся в панике вырваться на свободу, бросаясь во все стороны.

У него перехватило дыхание. Он взвыл и захрипел одновременно, стараясь прижать ладони к больному месту, но это помогало так же, как опрыскивание водой из маленького пульверизатора в борьбе с огненным валом пожара, бушевавшего во всей нижней части его живота. Не помогли ни руки, ни попытка придать себе другую позу. Здесь мог выручить только укол обезболивающего прямо в яички.

– Вот это правильно! – захохотал Армин. – Подержись в последний раз за свои яйца, ведь они тебе, Винтер, больше никогда не понадобятся. А пока ты обжимаешь свои мягкие части, возможно, тебе будет проще понять, как мне пришлось страдать из-за таких засранцев, как ты.

Мир, и без того сузившийся для Тилля до размеров камеры площадью в девять квадратных метров, наполнился неопикуемыми мучениями и начал, ко всему прочему, вращаться, как вагончик в карусели. Во рту он ощущал привкус соляной кислоты, что, вероятно, было связано с тем, что его только что стошнило. Однако это было только предположением.

Его собственное «Я» расщепилось на две половинки, причем одна из них плавала в море боли, а другая витала где-то рядом. При этом, словно шум прибоя, откуда-то издалека до него доносился голос Армина Вольфа:

– Как я уже говорил, мой отец был исследователем, и основной областью его исследований являлась боль. Он хотел выяснить, насколько его сын может противостоять ей. Из университета его выгнали, поскольку папаша проявлял слишком большой интерес к различным частям трупов при изучении патологии. Даже бундесвер не захотел видеть его в качестве студента-медика. Поэтому ему пришлось учиться на дому, а самым его любимым учебным объектом был я.

Тут Армин Вольф наклонился к Тиллю и даже ухмыльнулся.

– Ну что, боль утихает? – спросил он и по-отцовски похлопал Беркхоффа по плечу.

Тилль же лежал на боку и учащенно дышал, испытывая что-то наподобие схваток при родах.

– А вот мой папа не давал боли утихать, – продолжал откровенничать Армин. – В частности, он хотел

поэкспериментировать, как долго его мальчик сможет выдержать, не ходя в туалет. Для этого папа привел меня в свою мастерскую в подвале, привязал к железной кровати и перетянул мой маленький член проклятым шпагатом.

Сказав это, Армин распрямылся и принялся ходить взад-вперед перед Тиллем, который в тот момент был уверен, что больше в своей жизни не сможет сделать ни шагу.

– Через день я сходил от боли с ума и кричал, зовя свою мать. Но она не пришла, а через шестьдесят три часа мой мочевого пузырь лопнул.

«О боже!» – подумал Тилль.

Если то, что сказал этот сумасшедший, являлось правдой, то те муки, которые Беркхофф только что пережил, не шли ни в какое сравнение с тем, что довелось испытать Армину, когда он был маленьким мальчиком.

– С тех пор не проходит ни одного дня, чтобы я не вспоминал о своем дорогом отце, – между тем продолжал говорить Вольф. – Точнее, три раза на дню по три четверти часа. Ровно столько времени уходит на то, чтобы опорожнить мой больной мочевого пузырь.

Пока Вольф говорил, Тиллю удалось отползти к внешней стене и даже сесть прямо, вытянув ноги.

– Я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне, – прохрипел Беркхофф и сплюнул кровавой сгусток на пол.

«Когда же наконец вернется Симон?» – с тоской подумал он, понимая, что сорок пять минут могут продлиться еще очень долго, и чувствуя себя постаревшим сразу на несколько лет.

– Я ненавижу всех мучителей детей, – вместо ответа на вопрос Тилля заявил Вольф.

– И что?

– А вот что! – воскликнул совсем потерявший рассудок мужчина и вновь пнул Беркхоффа ногой в бок, правда, уже не столь сильно.

«Эй, эй! Я люблю детей. У меня есть свои, и я бы никогда ничего плохого им не сделал!» – хотел уже сказать Тилль, но потом вспомнил, что должен говорить не за себя, а за Патрика Винтера, то есть за человека, о жизни которого он толком ничего не знал.

«Скания, под какой личиной ты меня сюда доставил?» – подумал Беркхофф, и тут ему вспомнились слова руководителя клиники, когда

он спросил ее насчет Трамница.

А сказала она так: «Странно, что именно вы задали этот вопрос».

Тогда Тилль решил прояснить этот вопрос у Вольфа.

– Что я сделал? – спросил он Армина.

– Ты что, чокнутый? – удивился Вольф и постучал себя по лбу, по-видимому не осознавая всей комичности ситуации.

Действительно, ставить такой вопрос в психиатрической лечебнице было по меньшей мере странно. В этот момент в глазах Тилля стало темно, и он решил солгать:

– Я... я... Доктор Зенгер говорит, что у меня амнезия.

– Чего?

– Лекарства. У меня непереносимость уколов с успокаивающими средствами, – продолжал сочинять Тилль дальше. – Я больше ничего не помню о том, что предшествовало моему здесь появлению.

– И не знаешь, почему ты здесь? – спросил Армин, посмотрев на Беркхоффа так, как смотрит отец на сына, уличив его во лжи.

– Не совсем так. Я помню, что пытался себя сжечь, только теперь не знаю, что явилось причиной этого.

– Гм.

Армин посмотрел в окно, где, словно мухи, попавшие на ветровое стекло мчащегося автомобиля, плющились капли дождя размером с монету, и отошел. Он молчал довольно долго, и в камере слышались только завывания ветра снаружи и тяжелое дыхание Тилля. Затем Вольф произнес:

– Хорошо, у тебя есть пять минут.

– На что?

– Чтобы прочесть это.

С этими словами Армин снял с себя спортивные штаны, затем трусы и широко расставил ноги. Потом он наклонился и засунул пальцы себе в анальное отверстие. Через мгновение у него в руках оказался презерватив, который в тусклом свете смотрелся как заплесневелая сосиска. Тогда Вольф раздвинул резиновое кольцо, вытащил наружу напоминавший сигарету свернутый в трубочку листок бумаги и протянул его Тиллю.

Преодолевая отвращение, Беркхофф начал кропотливо разворачивать теплый и влажный на ощупь листок.

– Что это, черт возьми? – не выдержал Тилль.

– Не доставай меня! – фыркнул Армин. – У тебя пять минут. Читай! А после я покажу тебе, что такое настоящая боль!

Глава 22

Текст на листе бумаги оказался напечатанным мелким шрифтом, причем в левом верхнем углу виднелась последовательность букв и цифр, смотревшаяся на первый взгляд как сложный пароль: PW12_7hJg+JusA. На самом деле это была маркировка материала дела, о чем Тилль сразу же догадался, едва взглянув на заголовок:

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПАТРИКА ВИНТЕРА».

Из-за отсутствия первой страницы текст начинался с середины предложения. Странным являлось и то, что протокол содержал дословные показания обвиняемого. Обычно в таких документах приводится общее изложение содержания допроса, составленное в форме косвенной речи, но здесь было иначе. Тут ответы обвиняемого Патрика Винтера на вопросы прокурора приводились полностью, слово в слово. В тусклом свете, попадавшем в камеру от фонарей внешнего освещения парка, Тиллю хотя и с трудом, но все же удалось разобрать следующее:

«...попросил стакан воды. После короткого перерыва допрос был продолжен.

Патрик Винтер: Прошу прощения.

Прокурор: Нет проблем. Господин Винтер, давайте еще раз вернемся к послеобеденному времени 20 июля. Как долго вы замыслили совершить преступление?

Патрик Винтер: Долго. Практически с момента его рождения.

Прокурор: Почему?

Патрик Винтер: Простите?

Прокурор: Какой у вас был мотив? В конце концов, у вас уже была пятилетняя дочь Фрида. Причем все ваше окружение в суде охарактеризовало вас как любящего и заботливого отца. В чем причина столь кардинальной перемены образа мыслей, господин Винтер?

Патрик Винтер: Ответ на этот вопрос в материалах дела уже есть.

Прокурор: И все же?

Патрик Винтер: У меня с моей женой была договоренность. Линда отводила детей в садик утром, чтобы мне начинать работу

пораньше, а во второй половине дня, когда меня на работе уже ничто не задерживало, я их забирал.

Прокурор: А задерживаться вам приходилось часто?

Патрик Винтер: Да, в последнее время это происходило все чаще.

Прокурор: Вы работаете в качестве актуария. Не могли бы вы коротко описать суду сферу вашей деятельности?

Патрик Винтер: Коротко? Хорошо. Для своего нынешнего работодателя, фирмы «Ксантия», я рассчитываю модели страхования и размеры страховой премии. Например, на основании демографических прогнозов произвожу расчеты алгоритмов риска.

Прокурор: Можете привести конкретный пример?

Патрик Винтер: Конечно. Если у человека в возрасте «х» вероятность ($q(x)$) умереть в следующем году является высокой, что соответствует параметрам « $\omega(0)$ », то есть установленному практикой максимальному возрасту жизни, рассчитываемому по формуле больше или равно $(\omega(0) - q(x) = 0)$ f. a. X, и если случайный остаток жизни ($T(x)$)...

Прокурор: Спасибо. Я имел в виду пример, который мы все здесь сможем понять».

В этот момент Тилль зрительно представил, как на скамейках для зрителей, если на это судебное заседание вообще были допущены представители общественности, раздались смешки, и подумал:

«Боже! Этот Патрик Винтер действительно был гением! Если я переживу эту ночь, то мне придется притворяться «человеком дождя».

Затем Беркхофф продолжил чтение документа:

«*Прокурор:* Позвольте задать вам другой вопрос. Вы брали иногда работу на дом?

Патрик Винтер: Это не возбранялось. В договоре с работодателем есть соответствующая оговорка.

Прокурор: Скажите, а накануне 20 июля вы тоже брали работу на дом?

Патрик Винтер: Да.

Прокурор: Вы можете объяснить суду, какое отношение к рассматриваемому делу имеет тот факт, что вы взяли работу на дом?

Патрик Винтер: Конечно, хотя нет. Не знаю. Это сложно.

Прокурор: А вы не спешите с ответом».

В этот момент руки у Тилля задрожали, но он не стал поднимать глаз от листка бумаги из опасения, что Армин может расценить это как то, что Беркхофф закончил чтение. А в том, что должно было произойти после этого, его сокамерник сомнений не оставил.

– После я покажу тебе, что такое настоящая боль! – заявил он совсем недавно.

В то же время желание читать дальше у Тилля совсем пропало. При этом он не понимал, что именно в столь небольшом уже прочтенном им отрывке так глубоко тронуло его душу, заставив учащенно биться сердце в груди. Беркхофф боялся дальнейших показаний Патрика Винтера, поскольку предполагал, что они раскроют одну из самых страшных историй в этом мире. Тем не менее другого выбора у него не оставалось, и поэтому он вновь сосредоточился на том месте, где прервался:

«Прокурор: Что содержалось в последнем документе из тех, которые вы взяли с собой домой?»

Патрик Винтер: Я полагал, что в нем содержится новый порядок расчетов вероятности наступления смерти в пределах одной популяции для особо рискованных страховых случаев.

Прокурор: Но этой информации вы в нем не нашли?

Патрик Винтер: Нет.

Прокурор: Что же вы обнаружили?

Патрик Винтер: Там была кое-какая информация обо мне.

Прокурор: Какая именно информация о вас, господин Винтер?

Патрик Винтер: О том, что я сделал.

Прокурор: Нельзя ли более конкретно?

Патрик Винтер: Эти желания возникли у меня сразу после его рождения. С момента появления на свет Йонаса. Это были ужасные и неестественные желания.

Прокурор: И в этом документе говорилось о ваших желаниях?

Патрик Винтер: Да, о моих желаниях и поступках. Ужасных поступках».

Тут Тилля словно прострелило.

«Черт возьми, Скания! – подумал он. – Такого не может быть! У Патрика Винтера есть еще один ребенок! Или был?»

В этом месте в тексте записи было отмечено, что Винтеру стало плохо, и допрос был продолжен после перерыва:

«Патрик Винтер: Для меня является загадкой, откуда неизвестному мне сослуживцу из фирмы «Ксантия» стало известно о моих грехах. Сам я никогда никому об этом не рассказывал и исключаю возможность того, чтобы кто-то из страховщиков смог бы собрать подобные сведения. Тем не менее, когда я открыл папку с документами, мне показалось, что мысли были записаны прямо из моей головы.

Прокурор: Вы хотите сказать, что прочитали не только о том, что уже совершили, но и о своих мыслях?

Патрик Винтер: Да, это походило на то, что кому-то удалось заглянуть в самые потаенные и мрачные места моей души.

Прокурор: Не могли бы вы изложить это суду более подробно?

Патрик Винтер: Я прочитал о том, что произошло в один конкретный осенний день. После обеда, точнее, в половине третьего, Линда находилась в плавательном бассейне. Йонасу тогда было всего год, и я пошел вместе с ним в подвал. Должен вам доложить, что у нас есть небольшая сауна. И с ней постоянно возникали проблемы, поскольку дверь заклинивало. Дело заключалось в том, что предыдущий владелец дома не заботился о ее обслуживании и профилактике, в результате чего сауна перестала соответствовать общепринятым стандартам безопасности. Так вот, я включил печь подогрева на полную мощность и через полчаса направился в сауну. Температура в ней поднялась до девяноста градусов. Я подождал до пятнадцати минут четвертого, то есть до того времени, когда уроки по плаванию закончатся, поскольку знал, что после этого Линда всегда ездила по магазинам, чтобы сделать необходимые закупки для ведения домашнего хозяйства. Таким образом, в моем распоряжении оставался примерно час.

Прокурор: Для чего?

Патрик Винтер: Чтобы прикрутить внутреннюю дверную ручку, которая ослабла.

Прокурор: Зачем?

Патрик Винтер: Чтобы сауна больше не открывалась, пока в ней находились бы мы с Йонасом.

Прокурор: Вы вошли в сауну вместе с ним?

Патрик Винтер: Конечно. Все должно было выглядеть реально. Как несчастный случай».

В этом месте Тилль прервал чтение и закрыл глаза, и перед его мысленным взором возникла картина, как отец с сыном в буквальном смысле стали задыхаться на девяностоградусной жаре, умирая от жажды и слабея с каждой минутой.

«Колебался ли Патрик, когда закрывал дверь? – спросил он самого себя. – Может быть, в последнюю минуту он изменил свое решение, но впал в панику и начал, как одержимый, молотить в запертую дверь, выплескивая смертельный страх, в то время как на нестерпимо горячем воздухе головка его маленького сынишки становилась все краснее и краснее?»

Тилль отогнал от себя страшное видение и продолжил чтение:

«Прокурор: Вы намеренно пошли с тринадцатимесячным ребенком в неисправную сауну?

Патрик Винтер: Йонас был немного простужен, а кроме того, в тот день в нашем доме отопление работало плохо. С ним в начале отопительного сезона всегда возникали проблемы. Поэтому мне легко было бы объяснить Линде, что я хотел всего лишь согреть нас обоих, но совершил при этом непоправимую ужасную ошибку.

Прокурор: Разве вы не боялись за свою собственную жизнь?

Патрик Винтер: У меня не было сомнений в том, что Линда в первую очередь понесет покупки в подвал и найдет нас. Будучи взрослым, в течение часа я, скорее всего, выдержал бы эту жару и остался в живых. А вот Йонас наверняка бы ее не перенес. Уже через несколько минут он замолчал, а через четверть часа и вовсе стал ко всему безразличным. Жара была просто дикой, а я еще положил его на верхнюю полку и поближе к печке.

Прокурор: Но ваш план не удался?»

В этот момент Тилль, который, сам того не замечая, начал потеть, испытал огромное облегчение. У него возникло чувство, будто бы его окатили холодной водой.

«Слава богу! – подумал он. – Он не убил его. Патрик Винтер только попытался это сделать. Скания не отправил меня в психушку с репутацией безумного убийцы маленьких детей!»

С этими мыслями Тилль продолжил читать текст документа:

«Патрик Винтер: На следующий день наша экономка должна была идти в отпуск. Обычно она приходила к нам по средам, но перед отпуском ей захотелось нас порадовать, постирав в стиральной

машине и погладив мои рубашки. Поэтому в порядке исключения прислуга появилась во вторник.

Прокурор: А придя, она обнаружила вас в сауне?

Патрик Винтер: Да. Через двадцать минут после того, как мы оказались запертыми. Она думала, что спасла нам жизнь. Я щедро вознаградил ее и попросил ничего Линде не говорить. Тем более что с малышом ничего не случилось – он снова ревел как резаный. Зачем же было расстраивать Линду и вселять в нее кошмары? Конечно, я обещал заменить старую дверь сауны, что и сделал. Теперь в запертом состоянии ее держит только магнит.

Прокурор: И все это было написано в деле, которое вы взяли с собой с работы домой и открыли вечером 20 июля?

Патрик Винтер: Да. В нем содержалось подробное описание моей неудавшейся попытки убийства.

Прокурор: И что вы подумали, читая это?

Патрик Винтер: Я был в шоке.

Прокурор: Когда вы читали этот документ, у вас возникло желание его съесть?»

Дочитав до этого места, Тилль чуть было не ухмыльнулся. Настолько неуклюжей казалась попытка прокурора проверить, не является ли обвиняемый симулянтом. Как-то раз в журнале «Шпигель» ему довелось прочитать статью о том, как психиатры разоблачают мошенников. В ней говорилось, что люди, притворяясь сумасшедшими, обычно склонны признавать свои странности. На месте Патрика Винтера они непременно воскликнули бы: «Конечно, я хотел съесть этот документ! И лучше всего с кетчупом!» А вот настоящему больные психи не стали бы выказывать какие-либо дополнительные симптомы или особенности в поведении.

Вот и получалось, что Патрик Винтер либо был знаком с таким приемом, либо на самом деле страдал психическим расстройством. Во всяком случае, именно к такому выводу подталкивало дальнейшее чтение текста протокола:

«*Патрик Винтер:* Зачем мне было есть этот документ?

Прокурор: А что вы захотели предпринять, прочитав его? *Патрик Винтер:* То, что он мне приказал.

Прокурор: Документ что-то приказал вам?

Патрик Винтер: Да. На последней странице. Там имелась подробная инструкция.

Прокурор: И что было написано в этой инструкции?»

В этом месте у Тилля задергался глаз, а во рту пересохло, поскольку в протоколе было записано следующее:

«*Патрик Винтер:* В ней содержались указания о том, каким образом я могу убить своего сына Йонаса. Но на этот раз так, чтобы никто не смог мне помешать. Чтобы все получилось».

Глава 23

– Сколько? – не отрываясь от листа бумаги, спросил Тилль.

Его поведение напоминало действия маленького ребенка, который держит руки перед лицом в надежде сделаться невидимым для окружающих. Между тем Армин, усевшийся на свою кровать, пока Беркхофф читал, по-видимому, решил дать ему отсрочку от экзекуции. Во всяком случае, он не нанес удара, а только переспросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Сколько денег тебе заплатят за то, что ты меня пытаешь? – уточнил Тилль и, внимательно посмотрев на Армина, подчеркнул: – Обычно подобные вещи сюда вовнутрь с воли не попадают. Следовательно, сей документ тебе кто-то дал. Кто приказал тебе меня убить?

Армин ничего не ответил, а только встал.

Тогда Беркхофф, которого не оставляло чувство, что его совсем недавно кастрировали при помощи двух кирпичей, выпрямился и быстро, словно пулемет, проговорил:

– Ты ведь здесь пожизненно? Верно? Так что тебе нечего терять. Мне тоже.

– И что?

Тогда Тилль решился попытать свою удачу, несмотря на возможность попасть пальцем в небо.

– А как насчет твоего отца? Он еще жив?

– Почему это тебя интересует?

– Просто если он еще жив, то я могу внести в это некоторые коррективы.

– Ты? – переспросил Армин и громко захохотал, схватившись руками за поясницу, словно старик, мучившийся болью в спине. – Ты даже не выйдешь из этой камеры живым! Чего уж говорить о возможности приблизиться к дому престарелых!

«В доме престарелых, говоришь, – подумал Тилль. – Отлично, значит, его старик еще жив».

– Тем не менее я могу его убить, – заявил Беркхофф, решив сразу все поставить на одну карту.

Он сильно рисковал, поскольку если Армина вопросы мести больше не интересовали, то он зря израсходовал бы свой единственный джокер, так и не добившись примирения с этим психопатом.

– Как? – поинтересовался Вольф, и Тилль облегченно вздохнул.

– У меня есть нужные контакты. Контакты и деньги.

– Дерьмо у тебя, а не контакты, если ты даже не можешь организовать здесь для себя одноместную палату.

Произнеся это, Армин схватил левую руку Беркхоффа и вывернул пальцы так, что Тилль вынужден был развернуться на девяносто градусов и присесть на колени, чтобы не дать ему сломать их.

– Стой, стой, клянусь тебе, – завопил он. – У меня есть телефон!

– Чепуха!

– И все же! Когда поедет автобус?

– Чего?

– Библиотечный автобус. Когда он придет?

– Ты издеваешься надо мной?

– Нет! Мои люди спрятали в этом автобусе мобильник. Могу тебе его показать. Мы вместе сделаем один звонок и с твоим отцо-о-о-о...

Тут Тилль не выдержал и закричал. Два его пальца оказались неестественно скручены – еще бы на один миллиметр дальше, и оба сломались бы, как зубочистки.

– Мобильник? Здесь? На острове?

– Да!

– И он работает?

– Клянусь!

– Настоящий?

Хватка Армина немного ослабла. Вольф скептически ухмыльнулся, но в то же время призадумался. Это явилось еще одной передышкой для Тилля, который из опасения повредить себе пальцы боялся даже вздохнуть. Тем не менее он продолжал говорить:

– Да, да, это правда! И он работает!

– Хорошо. На эту ночь я даю тебе отсрочку, а за это ты завтра отдашь мне свой телефон.

– Договорились, – заявил Тилль.

– Но я все равно сломаю тебе пальцы.

Пульс у Беркхоффа участился еще больше, а на лбу выступили капельки пота.

– Нет, нет! Подожди! Пожалуйста! Если я пострадаю, то завтра меня переведут от тебя. Не делай глупостей! Одумайся!

Однако в ответ Армин только усмехнулся и сказал:

– А мне наплевать. Риск того стоит. Я все равно тебя достану, ублюдок. Даже вне своей камеры. Ты – детоубийца! А потом, сломаны ведь будут всего только два из десяти. Так что расслабься!

В этот миг Тилль услышал сухой треск, а через мгновение его пронзила острая боль, которая, казалось, родилась в глубине самого сердца.

Глава 24

Седа

Спала Седа крепко, но не из-за лекарств, которые ей давали. Причина была не в них. Она и раньше, словно нажав на кнопку выключателя, легко могла погрузиться в царство грез. Такую способность ей удалось выработать у себя с детства, чтобы отключаться от звуков и не видеть всего того, что происходило в жилом вагончике – грязно-желтом прицепе, использовавшемся ее матерью одновременно в качестве столовой, гостиной, спальни и «комнаты для гостей». Причем так называемые «гости» больше часа у них не задерживались.

Днем ей разрешалось поиграть в лесу. При этом девочке постоянно приходилось быть внимательной, чтобы не поскользнуться на каком-нибудь презервативе или не вляпаться в кучу дерьма, поскольку туалета на парковке, располагавшейся на трассе В-213, не было. Здесь, правда, имелась одна развалюха, но от нее воняло так, что водители предпочитали справить нужду где-нибудь между деревьев.

Некоторые останавливались здесь, чтобы немного передохнуть, но большинство тормозили на стоянке, заметив мигающее красное сердечко над дверью жилого вагончика. Когда становилось уже поздно и у Седы пропадало желание мерзнуть в темноте, она заходила внутрь и засыпала под столом, пока ее мама ублажала очередного «гостя» в койке.

Были и такие «гости», которые даже изъявляли желание заплатить дополнительные деньги с условием, чтобы восьмилетняя девочка смотрела на их забавы, но таких типов ее мать всегда вышвыривала на улицу. Иногда матери приходилось прибегать к кулакам, а порой и к баллончику с перечным газом. Однако ни один из визитеров никогда не прикасался к Седе, не говоря уже о том, чтобы каким-то образом ее притеснить. Во всяком случае, такого она не помнила.

Седа спала как убитая в своей одиночной палате и после пробуждения не сразу сообразила, как долго доктор Касов держал

свою руку в ее трусиках.

– Черт! Чего ты хочешь? – испуганно выдохнула она, снова натягивая одеяло на ноги и с отвращением отползая к изголовью кровати.

Дверь одиночной палаты, представлявшей собой, по сути, тюремную камеру, в которой Седе приходилось проводить ночи, оказалась запертой изнутри, и у молодой женщины стало складываться впечатление, что главный врач решил в этом помещении обосноваться.

В отличие от палат, в которых содержались мужчины и располагавшихся в следующем корпусе, в женском отделении в палатах имелись отдельные ваннные комнаты. А поскольку у Седы время от времени возникали проблемы с ориентацией в пространстве, и в первые секунды при пробуждении она не понимала, где находится, то, чтобы не испугаться, ей пришлось оставить подсветку зеркала над раковиной в ванной комнате включенной. Теперь же кромка света, пробивавшаяся через приоткрытую дверь, рождала мрачные тени на стенах, на фоне которых доктор Касов казался намного больше, чем был на самом деле.

– У меня есть новенький для тебя, – произнес Касов своим отвратительно скрипучим голосом.

От этих слов желудок у Седы начал сжиматься, ведь согласно их договоренности она должна была обслуживать в неделю двоих, максимум троих клиентов. Однако у нее образовалась задолженность, и поэтому ее льготный период подошел к концу.

– Кто? – выдохнула она.

– Гвидо Трамниц, – проскрипел Касов.

Седа внутренне напряглась и спросила:

– Почему это имя кажется мне таким знакомым?

– Потому что в последнее время о нем часто писали в газетах.

– Погодите, уж не детоубийца ли это?

В ответ Касов прищелкнул языком и скорчил такую физиономию, как будто Седа была непослушным ребенком и произнесла что-то непристойное, а ему приходилось ставить ее на место.

– Каждый человек заслуживает второго шанса. Ведь в этом и заключается цель данного заведения, не так ли? Наша задача состоит в том, чтобы вылечить таких людей, как ты, как Трамниц, и вернуть вас к полноценной общественной жизни, – заявил он.

При таких словах доктора Седа почувствовала, что ее бросило в жар, и ей почему-то вспомнились слова матери.

– Гнев подобен воде, – говаривала она. – Он хочет течь и ищет себе пути выхода наружу.

В этот момент с ней происходило нечто похожее – вспыхнувшая в ней ярость шла своим путем, как стремительный поток горной воды.

– Не ставь меня с такой мразью на одну доску! – воскликнула Седа.

В ответ Касов рассмеялся и сел к ней на кровать.

– Не думаю, что тебе придется становиться с ним на одну доску. У него есть и другие дополнительные пожелания, – проскрипел врач гнусным голосом.

– Ты, наверное, псих! – постучав себя по лбу, заявила Седа. – Я не стану к нему даже приближаться!

– Ты сделаешь именно то, что я скажу, маленькая шлюха.

В этот момент Седа сжала пальцы в кулак, но она не успела даже пошевелиться, как Касов так крепко схватил ее, что рука у женщины посинела.

– Не ошибись, милая, последствия тебе известны! – прошипел он.

Тут в ней вспыхнуло огромное желание изо всех сил нанести удар головой по его крючковатому носу, однако больше всего ей хотелось наказать саму себя. И этот гнев, направленный против себя, перевесил все остальное.

Седа не могла простить себе три ошибки, которые и привели ее к столь дерьмовому положению, в котором теперь ей приходилось пребывать. Первая заключалась в том, что в свои четырнадцать лет она поверила парню, уверявшему ее, что зависимость от героина появляется только тогда, когда им колются.

Вторая ошибка состояла в том, что своим сутенером она избрала настоящее исчадие ада. Когда десять лет спустя Седе пришлось оставить работу в качестве водителя автобуса в Штеглицкой городской библиотеке, тягу к наркотикам ей пришлось удовлетворять за счет торговли своим телом. А третья, и самая большая, можно даже сказать, решающая ошибка заключалась в нарушении ею старинного правила их ремесла, которое формулировалось так: «Не доверяй никакому мужчине».

В борделе возле аэропорта Шенефельд Касов пообещал ей стабильный доход, наговорив с три короба о благах, которые ее ожидают. И надо признать, что многое из своих обещаний он выполнил. Касов на самом деле организовал «побочный заработок», наладив поставку в большинство больниц Берлина «сексуально-терапевтических частных услуг», как он это называл. Кроме того, у него действительно имелись деньги и связи, благодаря которым ему удалось выкупить Седу у ее сутенеров и поместить в закрытое учреждение с хорошими условиями проживания. Однако здесь, внутри этого режимного заведения, у него появилась возможность подсадить ее на лекарства, подчинить себе и заставить морально разлагаться в изолированной камере.

В таких условиях Седе не оставалось ничего иного, как глубоко вздохнуть и повиноваться приказу Касова в надежде, что когда-нибудь придет и ее день. День, когда она за все оплатит этой «чертовой вороне», отомстив сполна за все свои унижения. Но пока все козыри были на руках у него.

– Если Трамниц помешан на детях, то чего он хочет от меня? – спросила Седа, отчаянно пытаясь все же отвести от себя то, что навязывал ей Касов.

– Разнообразия! – усмехнулся Касов и ущипнул ее через ночную рубашку за правый сосок.

Он ущипнул ее так больно, что на глазах у женщины выступили слезы, и она вновь вспомнила слова своей матери.

– Есть вещи, к которым никогда не привыкаешь, Седа, – как-то раз сказала ее мать. – И это не зависит от того, как часто они с тобой уже случались.

– Твое свидание с ним послезавтра в шестнадцать часов. Я сам отведу тебя к нему в лазарет. Договорились?

Седа посмотрела на Касова и согласно кивнула. Иного выбора у нее не было. Он понаблюдал за ней еще некоторое время, но она сумела выдержать его коварный взгляд. Наконец он тяжело вздохнул и сказал:

– Хорошо. А теперь расскажи мне, как все прошло с Патриком Винтером. Что тебе удалось выведать? Он что-нибудь рассказал обо мне?

Глава 25

Тилль

Тиллю не был знаком ни офис, ни автостоянка, на которую он тарасился. И даже его собственное имя выскочило у него из памяти, как это часто случалось с ним во сне.

Беркхофф не понимал также, что все его мысли и все, что он видел, чувствовал, пробовал на вкус, нюхал и слышал, происходило только в его голове. Он находился на такой большой высоте, откуда невозможно было видеть поблескивающий асфальт на парковке, не говоря уже о возможности почувствовать какой-либо исходивший от нее запах. И в то же время легкий приятный аромат напоминал ему о лете, отпуске... И о смерти!

Причем Тилль не мог понять почему. Насколько он помнил, ему ни разу не доводилось бывать в автокатастрофах. Беркхофф даже никогда серьезно не падал с велосипеда. И было непонятно, почему в пропитанном пылью воздухе его преследовали мысли о восковой коже, о голубоватом поблескивании, характерном для трупов, и о сладковато-приторном запахе мяса, разлагающегося на солнце.

Единственное, что он мог объяснить себе на данный момент, было то, почему эта невероятная жара, которая все больше и больше наполняла его, берет свое начало в правой руке. Тилль старался не шевелить ею, хотя во сне все время пытался найти возможность переключить кондиционер на большую мощность или как-то распахнуть окно. Однако в том высотном здании, в котором он себя ощущал, это вряд ли было возможным.

Армин сломал ему два пальца на правой руке, и осознание этого он и взял с собой в свой лихорадочный и пропитанный холодным потом сон, в который ему удалось провалиться после долгой фазы отчаяния.

По вполне понятным причинам желание Тилля, чтобы его немедленно отселили от этого сумасшедшего, было настолько сильным, что он несколько раз хотел позвать на помощь или подать

знак Симону во время его обходов. У него возникло жгучее желание показать санитару свои сине-фиолетовые опухшие и неестественно скрученные пальцы и сказать:

– Вот посмотри! Видишь, что сделал со мной этот сумасшедший, с кем-то меня перепутав. Вам ни в коем случае нельзя оставлять меня с ним наедине!

Однако, когда Тилль уже собрался постучать кулаком здоровой руки в дверь – к счастью, Беркхофф являлся левшой, – он вовремя вспомнил о том, что прошептал ему Ар-мин. А прошептал его сокамерник вот что:

– Ты знаешь, что они делают с мучителями детей, если те подвергаются нападению со стороны сокамерников? Они сажают в изолятор не нападавших, а их жертвы.

При этом Вольф рассмеялся и принялся красноречиво описывать, как плохо будет Тиллю в грязной одиночной камере. Не смог Беркхофф забыть и те два слова, которые обрушил Армин на его голову. Эти два слова преследовали его даже во сне. И слова эти были: «мучитель детей» и «одиночное заключение».

«Неужели на совести Патрика Винтера действительно был ребенок?» – мучил Тилля вопрос.

Это был вопрос, на который он не мог ответить. И уж тем более не получалось у него найти на него ответ во сне, в котором, находясь на каком-то невысказанно высоком этаже, он словно намертво прирос к окну, наблюдая за сновавшими внизу крошечными человечками и маленькими, словно игрушечными автомобилями. В этом сне он ощущал только смолисто-асфальтовый запах смерти, хотя и понимал, что в ночном видении его нос ощущать никаких ароматов просто не может. И тем не менее запах тления был столь же интенсивным, как и уверенность Тилля в том, что ему ни на один день нельзя оказаться изолированным от остальных пациентов, находившихся в здешнем режимном учреждении.

Ни на один день! И ни при каких обстоятельствах!

Конечно, в камере с Армином он не собирался оставаться дольше, чем это было необходимо. Да Тилль этого и не вынес бы. Но и помещение его в изолятор означало бы, что он начисто лишался всех шансов подобраться к Трамницу поближе.

Поэтому он не стал бить тревогу и доносить на Армина, а дождался, когда дыхание психопата, лежавшего на нижней койке, стало ровным и спокойным. Проигнорировал Тилль и регулярное открытие дверной заглушки, когда Симон смотрел, все ли в порядке. Одновременно Беркхофф старался не обращать внимания на поднимавшееся от страдавшего метеоризмом Вольфа зловоние. В результате, несмотря на ощущение, будто бы его правая рука раздулась до размеров тыквы, ему удалось забыться в кошмарном сне, в видениях которого отсутствовал всякий смысл.

Не было понятно также, почему в его видениях неожиданно повсюду появилось имя Йонас. Оно возникло на неоновой рекламе на крыше отеля «Ритц-Карлтон», на огромном тенте, закрывавшем строительные леса напротив торгового центра, и даже на стяге, который тянул за собой маленький самолет, летевший в направлении берлинской Красной ратуши. Везде стояло: «Йонас».

«Какое красивое имя! Какую ужасную участь приготовил ему его отец? Что сотворил с ним Патрик такого, что в клинике даже сумасшедшие наподобие Армина стали его заклятыми врагами?» – не переставал спрашивать себя Тилль даже во сне.

Не давали ему покоя и вопросы. «Кто снабдил соседа по камере материалами из судебного дела Патрика Винтера? Кто ненавидит Патрика так сильно, что желает ему смерти?»

Почему-то даже в своих грезах Беркхофф был уверен, что в реальной жизни он знал ответы на все эти вопросы. Однако во сне он всего лишь подошел к окну поближе, оперся на него и вновь услышал знакомый ужасный хруст. Только на сей раз треск оказался гораздо громче, чем тогда, когда сломались его пальцы. Теперь треснуло что-то достаточно большое. Вначале на стекле, о которое Тилль оперся плечом, появилась всего лишь одна микроскопическая трещина, а затем они пошли по всей поверхности. Безопасное стекло раскрошилось на мелкие осколки и стало осыпаться, словно конфетти, которое, подхваченное порывом всепроникающего и горячего, как в сауне, ветра, больно хлестнуло Тилля по лицу.

Беркхофф зажмурил и без того закрытые глаза, но от этого видимость только улучшилась. Он ясно узрел, насколько высоко стоял, возвышаясь на сотни метров над Берлином, и сколь глубока была открывшаяся перед ним пропасть.

– Прыгай! – сказал какой-то мужчина, отвечавший за все происходящее, но чье имя Тилль никак не мог припомнить.

Однако страх перед падением оказался настолько велик, что Беркхофф изо всех сил уцепился за оконную раму. Это оказалось большой ошибкой: боль от поврежденной руки стрельнула ему прямо в мозг и вызвала в нем пульсирующий огонь, сопровождаемый звуком скрежещущей по металлу циркулярной пилы.

– ПРЫГАЙ! – вторично приказал ему голос.

В этот момент Тиллю показалось, что разверзшаяся перед ним пропасть магически притягивает его к себе. Конечно, он боялся удара внизу о мостовую, но что-то в нем одновременно радовалось перспективе сделать последний решительный шаг и ощутить пьянящую прелесть свободного падения до того момента, когда его тело расплющится.

Расплющится там, внизу, на горячем асфальте, запах которого Тилль уже ощущал.

Внезапно Беркхофф почувствовал толчок. Нет, это был не толчок, а настоящий удар. Кто-то принялся трясти его и подталкивать вперед. К пропасти!

И это был не тот человек, который нанял Армина Вольфа, поставив перед ним задачу сделать все, чтобы Патрик Винтер не пережил ночь. Этот человек не кричал: «ПРЫГАЙ!» Он вопил совершенно противоположное: «НЕТ!»

Тилль открыл глаза и увидел растерянное лицо Симона, изо всех сил прижимавшего его к верхней койке, откуда Беркхофф каждую секунду угрожал свалиться – настолько интенсивно он ворочался и наносил удары руками и ногами по воздуху.

– Черт возьми! – испуганно воскликнул темнокожий санитар, когда Тилль успокоился и вновь осознал, где находится. – Проклятье! Что у вас с рукой, господин Винтер?

Глава 26

– Несчастный случай? – переспросила профессор Зенгер, даже не пытаясь скрыть сомнение.

Она одарила Тилля таким взглядом, который ясно говорил: «Неужели я выгляжу настолько глупой?» Этот взгляд был Беркхоффу хорошо знаком, поскольку именно так раньше, приподняв брови, прижав подбородок к шее и плотно сжав губы, смотрела на него мать, когда маленький Тилль пытался придумать глупое оправдание плохой отметке в школе или потере кошелька, а также слишком позднему возвращению после вечеринки.

– Я споткнулся в темноте и неудачно приземлился возле туалета при падении, – повторил Тилль то, что прежде сказал младшему ординатору, когда тот делал рентген его среднего и безымянного пальцев и накладывал шину.

Беркхофф сидел напротив фрау Зенгер, смотревшей на него из-за своего письменного стола, на котором стояла включенная настольная лампа. Несмотря на множество стеклянных окон в этом новом здании, в кабинете с самого утра горела не только уже упомянутая лампа, но и напольный светильник – настолько сильно затмили небо нависшие над Берлином грозные облака.

– А глазом я ударился о раковину.

– Что вы говорите?

Сразу же после его пробуждения в половине седьмого Симон доставил Тилля в стационар, располагавшийся в мансардном этаже восточного флигеля. Добраться туда можно было только на лифте, оснащенный биометрическим запором и приходившем в движение лишь после подтверждения права доступа посредством электронного ключа, а также осуществления сканирования радужной оболочки глаз.

– Значит, господин Винтер, ваши переломы и синяк никакого отношения к вашему соседу по палате не имеют?

В ответ Тилль только покачал головой, не смея смотреть в глаза руководителю клиники. Он сфокусировался на окне за ее спиной и наблюдал за раскачивавшейся во дворе под дождем верхушкой

плакучей ивы, которая, казалось, давала снаружи знак: «Нет! Ничего не говори! Держи рот на замке!»

Примерно так же выразился и Армин, и поэтому Беркхофф решил прислушаться к своей интуиции.

– Нет, ничего подобного, – заявил он. – Это был просто глупый несчастный случай.

Фрау Зенгер тяжело вздохнула, сделала какую-то пометку в своем календаре и сказала:

– Хорошо, но я вас все равно переведу в другую палату.

В это мгновение в голове Тилля вновь раздался хриплый голос Армина, который, насколько он помнил, звучал так, как будто во время разговора Вольф пытался выкашлянуть из легких накопившуюся в них грязь. Беркхофф хорошо помнил то, что сказал Армин перед тем, как залезть в свою постель:

– Ты купил себе одну ночь, Винтер. Если завтра тебя переведут в другую палату, а ты не отдашь мне мобильник, то я подожду следующей возможности и так надеру тебе задницу, что твоя прямая кишка из нее сама вывалится.

Мысли Тилля прервал шквал дождя, который ударил так, как будто кто-то снаружи выплеснул на оконное стекло ведро воды. От этого он даже вздрогнул. Памятуя о предупреждении Вольфа, Беркхофф попытался слабо протестовать против своего перевода в другую палату. Но в то же время ему было понятно, что в любом случае, даже если Армин и заполучит его мобильник, от мысли пытать своего соседа он все равно не откажется. Поэтому некоторый выигрыш по времени и расстоянию от Вольфа для него был бы не лишним.

Главное заключалось в том, что изолировать его не собирались. Поэтому, поломавшись для виду еще немного, он сдался.

– Что ж, если вы считаете это необходимым, то переводите.

Тогда фрау Зенгер еще раз вынула из его личного дела рентгеновский снимок, который, естественно, был помечен теперешними именем и фамилией Тилля «Патрик Винтер», и тяжело вздохнула.

– Ваше счастье, что переломы у вас не сложные и операции не потребуются.

– Не хватает персонала? – поинтересовался Беркхофф.

– Нет, больничных коек.

С этими словами руководитель клиники указала большим пальцем руки через плечо на окно и пояснила:

– Первый этаж западного крыла из-за непрекращающегося ливня затопило, и нам пришлось этот флигель эвакуировать, распределив пациентов по другим отделениям. Это и является причиной, почему по отношению к вам вчера было сделано исключение из правил.

– Понятно.

Из сказанного руководителем клиники вытекало, что помещение его в одну камеру с Армином изначально не планировалось. Это и объясняло неожиданную реакцию Симона, когда, увидев Вольфа, санитар решил подстраховаться и уточнить по телефону, правильно ли он привел Тилля.

«Знать бы еще, у кого?» – подумал Беркхофф.

Тилль хотел было спросить у фрау Зенгер о том, кто являлся ответственным за распределение мест, но потом понял, что такой вопрос мог вызвать ненужные подозрения. Ведь если о том, что Армин является его врагом, знала даже пациентка Седа, то это наводило на мысль, что подобное обсуждалось и среди персонала. А отсюда следовало, что у Беркхоффа в клинике имелся противник, который намеренно позаботился, чтобы Патрика Винтера заперли в тесной камере с психопатом Вольфом. И если Тилль не слишком ошибался, то этот враг уже показал свое лицо и даже открыто угрожал ему во время своего визита в комнату интенсивного кризисного вмешательства. В отличие от видений ночного сна Беркхофф хорошо помнил фамилию данного человека – это был доктор Касов.

– Господин Винтер, вы меня слышите? – оторвал Тилля от раздумий голос фрау Зенгер.

Он посмотрел на нее и осознал, что, задумавшись, не заметил, как она встала из-за стола. Увидев, что пациент вновь обратил на нее внимание, руководитель клиники протянула ему записку с номером.

– Идите к месту раздачи лекарств. Персонал там уже предупрежден и выдаст вам что-нибудь обезболивающее. Если вам потребуется средство посильнее, то обратитесь туда еще раз.

– Я все понял.

С этими словами Тилль схватил записку здоровой левой рукой, поскольку боль в правой руке все еще заметно пульсировала, хотя и была приглушена местноанестезирующим средством.

– В принципе, я предусматривала сегодня это время для проведения индивидуальной беседы с вами, но теперь ее придется перенести, так как мы уже не успеваем до группового сеанса, который состоится в два часа.

– Ясно, а где он будет проходить?

– В порядке исключения в холле, поскольку большой зал нам нужен для проведения собрания сотрудников. Доктор Возняк тоже не станет сегодня проводить сеанс в течение целого часа, чтобы успеть на собрание хотя бы под конец.

– Понятно, – отозвался Тилль, которому одновременно стало ясно, что времени для установления контакта с шурином до начала сеанса остается слишком мало. При этом Беркхоффу требовалось задать Скании несколько жизненно важных вопросов. Среди них первым являлся такой: что конкретно сотворил Винтер со своим маленьким сыном? Необходимо было также выяснить, по какому его делу проходил судебный процесс? И наконец, почему у него имелась возможность прогуляться до детского сада, чтобы поджечь себя в нем, как живой факел?

– Вам нужно что-нибудь еще? – спросила фрау Зенгер, заметив нерешительность молча переминавшегося с ноги на ногу Тилля.

– Вчера вы упомянули о библиотечном автобусе, – после недолгого колебания произнес он.

В ответ фрау Зенгер покачала головой и сказала:

– Мне очень жаль, но сейчас он временно не ходит. Слишком опасно.

С этими словами она рукой указала на окно, а Тилль почувствовал, как у него опять поднимается температура, что происходило и накануне, когда он не видел способа вырваться из общей камеры с Армином. Постепенно Беркхофф начал привыкать к тому, что возникавший внутри его и стремительно разгоравшийся жар был связан с его наибольшими опасениями.

«Без библиотеки мне не удастся получить свой телефон, а без мобильного я оказываюсь отрезанным от внешнего мира», – с ужасом подумал он.

И это не считая той вспышки ярости, которую следовало ожидать со стороны Армина, если Тилль попытается оправдаться перед ним. В таких условиях Беркхофф впервые серьезно задумался над тем, чтобы

отказаться от своей затеи. На какое непродуманное безумие он посмел отважиться! А ведь Скания предупреждал его, что он недооценивает всю серьезность ситуации. Из-за своей глупой идеи совершенно здоровый Тилль оказался заключенным в клинику для душевнобольных, из которых по крайней мере один почему-то жаждал его смерти.

Почему-то!

– В такую погоду запрещены и прогулки, – пояснила фрау Зенгер. – Наш советник проинформировал нас сегодня утром, что страховая компания отказывается от любой ответственности, если кого-нибудь убьет упавшей веткой. Именно поэтому мы и проводим внеочередное собрание сотрудников. Надо принять необходимые меры, поскольку из-за непогоды будет еще хуже.

– А как бы мне получить книгу? – несколько нервозно для столь безобидного вопроса спросил Тилль.

– Нет проблем, – ответила руководитель клиники. – Автобус стоит на крытой парковке, которая все еще доступна. Если вы сообщите мне название, то я распорядюсь, чтобы ее принесли в вашу палату.

Тут лицо фрау Зенгер расплылось в улыбке, и она добавила:

– Конечно, если такая книга у нас есть.

«Естественно, такая книга у вас есть, – пронеслось в голове у Беркхоффа. – Полка номер три, второй ряд. Прямо за Библиями».

Тилль неосознанно проглотил подступивший к горлу комок и почесал себе затылок, судорожно размышляя, стоит ли ему рисковать. А вдруг по дороге в палату посыльный откроет книгу? Вдруг по пути он обнаружит подозрительный шорох или телефон выпадет из нее?

Затем ему пришло в голову, что он даже не сможет объяснить, откуда ему известно о том, что интересующая его книга стоит именно во втором ряду позади остальных. Поэтому он отважился на просьбу:

– Если возможно, то в автобусе я хотел бы выбрать себе книгу сам.

– Это еще почему?

– Мне нравится запах книг, он меня успокаивает, – ответил Тилль, несколько не соврав при этом. – Если автобус все еще доступен, как вы говорили, то, возможно, с вашего разрешения его для меня откроют? Это несложно?

Тогда фрау Зенгер начала постукивать пальцами по доске Патрика Винтера, словно играя на невидимом пианино, но по выражению ее лица понять, что она думает о неожиданном предложении своего пациента, было невозможно.

– Вы хотите найти какую-то конкретную книгу? – наконец уточнила она.

– Я люблю Джеймса Джойса, – услышал Тилль свой собственный голос.

Ему пришлось назвать автора нужной книги, потому что другого выбора у него не было. Он во что бы то ни стало должен был поговорить с шурином и выяснить, под какой личиной здесь оказался. А кроме того, ему требовалось обговорить время с Армином, чтобы хотя бы показать Вольфу телефон. Поэтому Беркхофф добавил:

– Мне нравится его произведение под названием «Улисс».

Если фрау Зенгер и поразил столь необычный выбор пациентом этого классика мировой литературы, то виду она не показала.

– Хорошо, я сейчас проверю, есть ли у нас такая, и передам вам ответ.

Тилль поблагодарил и уже повернулся лицом к двери, как вдруг руководитель клиники окликнула его:

– Кстати! Сегодня химия назначена на полчетвертого!

Услышав такое, Беркхофф остановился, не в силах даже пошевелиться, буквально парализованный от внезапно появившегося ужаса. Охватившая Тилля паника достигла новой ступени, и он почувствовал, что его начало бросать то в жар, то в холод, как это бывает перед вспышкой острого озноба.

– Что вы сказали?

В ответ фрау Зенгер улыбнулась и ответила ему таким тоном, словно опасалась, что пациент хочет разыграть ее:

– Мы, естественно, продолжим лечение с того места, на котором оно было прервано до инцидента.

«О боже! Нет! Патрик Винтер, оказывается, был не только больным психически!»

Тут, словно в подтверждение его опасений, фрау Зенгер произнесла:

– Видимо, от пережитого волнения вы забыли о своем раке, господин Винтер.

Глава 27

Трамниц

Трамниц подождал, пока толстый мужчина в шлепанцах для бассейна обзовет на улице свою беспутную жену глупой шлюхой, выключил телевизор и с похотливой ухмылкой посмотрел на неожиданного визитера.

– Здравствуйте, госпожа адвокат! – поприветствовал он стройную блондинку с короткой стрижкой, семенившую по линолеуму на своих высоких семисантиметровых каблуках-шпильках.

– Добрый день, господин Трамниц. Как ваши дела?

– Хорошо. Однако я не ожидал вас так скоро.

– Учитывая особые обстоятельства, мне было нетрудно добиться свидания с вами, – сказала адвокат и подошла к кровати, на которой после завтрака перед телевизором в положении полусидя уютно устроился Трамниц.

Он беззастенчиво посмотрел на ее декольте и уже не в первый раз представил себе картину, в которой заставляет ее отрезать себе сосок на груди и съесть его.

– К тому же вы перенесли серьезную операцию, – ответила женщина, проделавшая на судебном заседании отличную работу.

Если бы не Пиа Вольфайл, то сейчас он сидел бы не здесь, в «Белом доме», а в Тегельской мужской тюрьме, где с людьми его сексуальных предпочтений обходились не с таким пониманием, с каким относились к нему эти глупцы, мнившие себя светилами психиатрии. Это она порекомендовала ему во время допросов упомянуть о якобы вшитом в голову предмете, отдававшем приказы. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в гильдии адвокатов Пиа считалась одной из самых высокооплачиваемых. Но это того стоило.

– Я должна лично убедиться, что вы себя хорошо чувствуете, – заявила Пиа и, наклонившись к Трамницу, прошептала ему на ухо: – И все ли еще в порядке?

При этом ее рука начала шаловливо блуждать под одеялом и схватила его пенис. Трамниц сладострастно застонал.

– Не волнуйся, красавчик, – прошептала Пиа, поддев Гвидо за подбородок двумя пальчиками и поворачивая к себе его голову, когда он попытался посмотреть на входную дверь.

Она поцеловала его, открыв губы и просунув язык ему в рот.

– Время адвоката является священным. Нам никто не имеет права помешать, – промурлыкала она.

В этот миг Трамницу вновь пришла в голову мысль о том, что его адвокат еще более нуждается в принудительном лечении в режимной психиатрической клинике, чем он сам.

Действительно, какая нормальная здоровая женщина влюбилась бы в серийного убийцу?

Конечно, ему доводилось слышать о невменяемых женщинах, которые свято верили, что такие мужчины, как он, нуждаются в любви и привязанности, которые не получили от собственной матери. В таком случае они якобы могли бы встать на путь истинный и перестали бы живьем сдирать кожу с младенцев. Какая ерунда!

Пиа тоже страдала синдромом добряка. Ведь она призналась, что влюбилась в него уже при первой их встрече. Глупая корова!

Причем его адвокатша была не единственной, кто раздавал ему авансы. По почте он еженедельно получал письма от разных сумасшедших шлюх, и некоторые из них выглядели совсем неплохо.

– О, Пиа, ты даже не знаешь, как хорошо ты мне делаешь. Без тебя я бы здесь долго не выдержал, – солгал он.

– Ах ты мой сладкий! – улыбнулась она в ответ. – Я знаю, насколько сильно мы нужны друг другу.

– Особенно сейчас, – засмеялся он, притягивая ее к себе. – Иди сюда, мне нужна твоя близость, а то я уже почти совсем разучился.

– Ах ты, негодник! – смущенно, как школьница, улыбнулась она.

С возрастом такая улыбка нравилась Трамницу все больше. Это было просто какое-то безумие, когда вроде бы успешные женщины в присутствии таких мужчин, как он, превращались в покорных самок.

– Скоро я снова активно займусь тобой, – прошептала Пиа, нежно сжимая его яички. – Но теперь, дорогой, мы должны использовать отведенное нам время, чтобы обсудить кое-что очень важное.

Трамниц тяжело вздохнул. Его пенис напрягся, и терпеть ему становилось уже невмозможным. К счастью, у корыстного заведомо он заказал на следующий день для себя проститутку. Столько ему еще удастся перетерпеть, тем более что появившаяся у него инфекция ослабляла его желание. Несмотря на антибиотики, при малейшем физическом усилии Гвидо потел, словно свинья, что он смертельно ненавидел.

– Я навела справки относительно доктора Хартмута Фри-дера.

– И что? – блеснув глазами, нетерпеливо спросил он.

Сразу же после визита хирурга Трамниц потребовал, чтобы его соединили с адвокатом, и рассказал ей, что этот педик утверждал, будто бы намеренно забыл во время операции в его теле какой-то инородный предмет.

– Ты ни в чем не должен сознаваться. Он блефует.

– Я тоже так думаю, – произнес Трамниц, непроизвольно касаясь рукой перебинтованного горла.

Никакого инородного тела в нем быть не могло. Хотя... Может быть, ему просто казалось, что послеоперационный шов стал еще больше пульсировать, чем накануне?

– Фридер находится в отчаянном положении, – заявила Пиа. – Он уже несколько месяцев не посещал собрания анонимных алкоголиков и наверняка опять стал прикладываться к бутылке. Это вопрос времени, пока он снова кого-нибудь не зарежет на операционном столе.

– Я в этом тоже убежден, – заметил Трамниц, утерев выступившие на лбу капельки пота.

«Может быть, в палате просто жарко или мне опять стало хуже?» – подумал он.

Немного помолчав, Трамниц произнес:

– Однако факт остается фактом. У меня после операции возникло заражение крови. Что, если он на самом деле намеренно заразил меня? Если это вирус или микроб, то Фри-деру нетрудно будет влиять на мое самочувствие.

– Может быть, мне стоит подать заявление, чтобы тебя перевели в другое место?

– Чтобы я оказался в каком-нибудь дерьмовом заведении для семидесятилетних маразматиков? – покачал головой Трамниц. – Ни в

кчем случае. Здесь у меня установлен великолепный контакт с Касовым, и глупо этим не воспользоваться.

– Ты, дружок, должен был слушаться меня и никого не провоцировать, – вздохнула Пиа.

С этими словами она указала рукой на тумбочку, на которой до операции стояла фигурка Люка Скайуокера, и добавила:

– Тебе обязательно было насмеяться над всеми?

– Ты лишаешь меня даже маленького удовольствия, – делано усмехнулся он, не препятствуя ей гладить его под одеялом по брюшному прессу. – Ты подумала насчет моей тетради?

– Естественно, – ответила адвокатша и вытащила из своего портфеля коричневую тетрадь, завязанную сбоку на тесемку.

– Ты прелесть! – воскликнул Трамниц, погладив тетрадку по глянцевої обложке.

– Послушай, ты уверен, что хочешь оставить свой дневник при себе?

До сих пор Трамниц делал в нем записи только в присутствии адвокатши, и после завершения своего визита Пиа вновь уносила дневник с собой, чтобы его в клинике не нашли.

– Не думаю, что они будут обыскивать мою палату. Здесь, в стационаре, контроль не столь жесткий, как во флигеле повышенной безопасности. Если бы я хотел, то мог бы даже совершенно свободно передвигаться по всему отделению, почти как в колонии-поселении.

Трамниц помолчал немного, кивком указав в сторону решетчатых окон, и добавил:

– Правда, выходы здесь так же надежно защищены, как и везде.

– Хорошо, я смогу навестить тебя не раньше чем через три дня. Постарайся до того не наделать глупостей!

С этими словами она смахнула волосы со своего покрасневшегося лица, а потом прошептала:

– Да, и вот что еще. С недавнего времени мы связаны с тобой еще более тесно.

– Что ты имеешь в виду?

От предчувствия плохих новостей желудок у него сжался.

– Мне кажется, что ты и так все понял, – ответила Пиа и, одарив его долгим страстным поцелуем на прощание, заявила: – Наши шуры-

муры в конференц-зале не прошли бесследно. Я беременна. И клянусь, что еще до рождения нашего ребенка вытащу тебя на свободу.

Глава 28

Тилль

Новых друзей Тилля звали: Беззубая, Бесштаный и Безрукий.

Все они сидели в холле большого купольного зала не в удобных креслах, а, к сожалению, на практичных складных стульях, расставленных полукругом перед окнами, выходящими в парк.

Причем Беззубая являлась единственной женщиной среди них. На вид ей было не более двадцати пяти лет, но выглядела она как человек, вышедший по болезни на пенсию раньше времени. Когда-то Тиллю довелось посмотреть по телевизору немало репортажей, рассказывавших о наркоманах, и он сразу понял причину такой ее физической деградации.

Впереди и немного наискосок от нее сидел Бесштаный. Это был человек, которому в театре при распределении ролей обязательно дали бы сыграть стареющего аристократа – настолько импозантной являлась его внешность с характерным острым подбородком, седыми висками и высоким, как у мыслителя, лбом. На нем был даже костюм в полоску, в котором не хватало только одной маленькой детали – штанов.

Как бы то ни было, в ходе групповой терапии Тилль воспользовался возможностью не обращать внимания на его тощие, обросшие волосами ноги, избрав для себя другую точку для обозрения. Он смотрел на руководителя группы доктора Возняка, сидевшего спиной к парку, где массивные фонари наружного освещения были единственными предметами, не развевавшимися под натиском проливного дождя, словно флаги.

Дувший со стороны озера ураганный ветер гнул кустарники и деревья так, как будто они являлись вылитыми из эластичной резины, а на стеклах огромных сводчатых окон «Белого дома» вдребезги разбивались крупные капли, как это бывает во время езды автомобиля на большой скорости.

– Начну с себя, – заявил руководитель группы. – Меня зовут доктор Кшиштоф Возняк. Я врач «Каменной клиники» и руковожу занятиями по групповой вербальной терапии.

Своими нечесаными и закрывавшими уши светлыми волосами доктор Возняк производил такое впечатление, как будто только что встал с постели.

– С некоторыми из вас мы уже познакомились на занятиях по музыкальной терапии в помещении номер пять, где слушали Бетховена, – сказал доктор.

Он говорил с приятным мелодичным акцентом поляка, владеющего немецким, как родным языком, но не желающего забывать о своих корнях. При этом он постоянно стремился установить зрительный контакт с каждым пациентом из группы.

Слева от Тилля разместился Безрукий, который постоянно ощупывал единственной рукой свою культю, как будто хотел убедиться в том, что его левое предплечье внезапно не стало заново отрастать.

– Сегодня среди нас появился новенький, и поэтому я предлагаю, чтобы мы все по очереди представились, – заявил Возняк и кивнул своему соседу, как бы прося его начать.

– Меня зовут Тарек Боде, – тихим голосом произнес Безрукий. – Раньше у меня была заправка. Может быть, кто-нибудь ее помнит – она располагалась на углу Моммзен-штрассе и Бляйбтройштрассе. Однако сейчас там стоит жилой дом. Ах да, я страдаю от В.И.И.Д. и ксеномелии^[6].

Возняк ободряюще улыбнулся пациенту и сказал:

– Для лучшего понимания, В.И.И.Д. – это Body Integrity Identity Disorder или синдром нарушения целостности восприятия собственного тела. Не могли бы вы, господин Боде, своими словами пояснить группе, что вы подразумеваете под этим?

– Да, э-э-э, – прочистил горло Безрукий. – Я чувствую, что некоторые части тела мне не принадлежат, и рассматриваю их как инородное тело. У меня появляется срочное желание от них избавиться.

– Почему бы тебе не начать с головы? – заметил опоздавший пациент, чей приход никто в группе не заметил.

Даже доктор Возняк вздрогнул от неожиданности, когда из-за елки внезапно появился этот мужчина. У Тилля же вообще возникло

желание убежать, когда он увидел, кто протиснулся к пустому стулу и уселся позади него.

– Господин Вольф, вы могли бы хоть раз прийти вовремя? – рассердился Возняк. – Сейчас вам предоставлена привилегия в дневное время свободно передвигаться в пределах жилого флигеля. Однако этой привилегии мы легко можем снова вас лишить.

– Да понял я, понял, – осклабился Армин улыбкой черепа, обтянутого кожей, и подмигнул Тиллю, когда тот ненадолго к нему повернулся.

– Ну хорошо, – оттаял Возняк. – Итак, кто же продолжит рассказ о себе?

С этими словами он оглядел присутствовавших и остановил взгляд на Тилле:

– Может быть, вы?

Испытывая огромное желание раствориться в воздухе, Беркхофф согласно кивнул. По крайней мере, здесь все было организовано не так, как у анонимных алкоголиков, и вставать ему не пришлось.

– Меня зовут Патрик Винтер, – нерешительно начал он, непроизвольно притронувшись забинтованной рукой к опухшему глазу. – Я актуарий...

– Кто? – переспросил сидевший за ним Армин, хотя и должен был хорошо его слышать.

В этом холле действительно была первоклассная акустика.

– Актуарий – это математик в страховании, – начал пояснять Тилль. – В мои обязанности входил расчет страховых премий и рисков...

– Вот это голова! Как у мистера Супербрейна! – прервала его Беззубая и, сложив губы бантиком, уважительно присвистнула.

– Нет, нет, я бы так не сказал, – пролепетал Беркхофф, одновременно мысленно спрашивая себя, почему при представлении математик явно вызвал к себе гораздо больший интерес, чем какой-то безумец, резавший себя на ломтики, как колбасу.

Словно прочитав его мысли, Возняк пояснил:

– Мы только позавчера все вместе посмотрели фильм «Умница Уилл Хантинг», и, по всей видимости, группа оказалась очень впечатленной историей уборщика мусора, оказавшегося математическим вундеркиндом.

«Вот это да!» – подумал Тилль, который, естественно, тоже смотрел такую классику с Мэттом Деймоном и Робинот Уильямсом в главных ролях.

– Ну что вы! Мои навыки не так впечатляющи, – попытался успокоить возраставшее любопытство окружающих Беркхофф.

Однако Армин не дал ему это сделать.

– Эй, ты единственный из присутствующих здесь обитателей клиники, кто учился. А для нас, психов, такой тип уже сам по себе подпадает под категорию «гений», – заявил он. – Как насчет теста?

Услышав такое, Тилль снова повернулся к Вольфу, но никакой дьявольской подоплеки в глазах Армина не увидел. Этот черт, скорее всего, был хорошим актером, способным обвести вокруг пальца даже Возняка.

– Пожалуйста, господин доктор, – между тем продолжил Армин. – Вы ведь сами говорили о том, насколько важно добиться социального взаимодействия внутри группы. Позвольте, я задам нашему математику маленькую головоломку. С его уровнем интеллекта решить ее будет несложно.

– Слушайте, слушайте задачку! – воскликнул Бештанный.

Остальные же пациенты в группе восторженно загудели. Одни из них принялись тупо раскачиваться, а другие скалиться беззубыми улыбками. В этот момент Тилль всерьез задумался над тем, какой способ избежать подобной экзекуции ему лучше выбрать – притворно упасть в обморок или с криком броситься прочь. Последнее явно было предпочтительнее, поскольку такое поведение вряд ли вызвало бы большое удивление у местных обитателей.

– Ну хорошо, – сдался Возняк. – Должен признать, что я и сам с нетерпением жду результата.

Армин не стал дожидаться повторного разрешения и лицемерно проговорил:

– Патрик, я ведь могу обращаться к тебе на «ты»? Могу? Хорошо! Итак, тебе необходимо преодолеть расстояние в сто километров. В один конец на своем новеньком автомобиле ты мчишься со скоростью ровно сто километров в час, но на обратном пути ты не спешишь и едешь в два раза медленнее, то есть со скоростью пятьдесят километров в час. Какова по возвращении будет твоя средняя скорость?

– Сто километров в час туда, пятьдесят назад? – повторил Безрукий.

– Это просто, как два пальца об асфальт, – прошепелявила Беззубая. – Сто плюс пятьдесят и делим на два. Получаем семьдесят пять.

– Бумс, – симитировал Армин зуммер из известного телешоу, означавший ошибку.

Тем самым он, сам того не желая, помог Тиллю, первая мысль у которого была дать точно такой же ответ. Теперь же он с облегчением улыбнулся. В запарке Беркхофф чуть было не забыл, что читал об этой загадке в Интернете. Теперь Тилль четко вспомнил ответ.

– Средняя скорость составляет примерно шестьдесят шесть целых и шесть десятых километров в час, – заявил он с видом, что сразу так и подумал.

Все пациенты в холле с криком вскочили со своих мест, а мнимый Патрик Винтер пояснил:

– Так как маршрут не изменился, мне нужно для обратного пути в два раза больше времени, а это влияет на среднюю скорость.

Армин позади него принялся громко хлопать в ладоши и продолжал изображать бурный восторг до тех пор, пока Возняк не призвал его к порядку. Затем доктор предложил представиться следующему пациенту.

После того как Беззубая рассказала, что ее зовут Дороте-ей и раньше она работала в аптеке, Тилль уже ее не слушал. Беркхофф просто радовался возможности выйти сухим из воды и благодарил судьбу за то, что ему задали единственную математическую головоломку, ответ на которую он знал.

В ожидании того момента, когда его сердцебиение вновь придет в норму, Тилль настолько ушел в себя, что даже не заметил, как Возняк опять с ним заговорил.

– Или нет, господин Винтер? – услышал он конец обращенной к нему фразы.

– Э-э-э, простите, что вы сказали?

– Я сказал, что это просто здорово, что фрау Шпрингер играет на фортепиано так же хорошо, как вы.

«Как я?» – мысленно изумился Тилль.

Однако виду он не подал и только произнес:

– Да, да, это замечательно.

– Вы ведь левша, не так ли?

– Верно, – подтвердил Беркхофф, совершенно не догадываясь, куда клонит врач.

– Отлично! Тогда вы сможете использовать вашу здоровую руку и завтра утром на занятиях по музыкальной терапии сыграть вдвоем, – ободряюще улыбнулся ему Возняк.

– Э-э-э... Не знаю... Боюсь, что из-за болезни для этого я еще не гожусь.

– Не скромничайте, господин Винтер. В вашем деле значит, что еще подростком вы завоевали награду «молодых симфонистов» за исполнение Сонаты си минор Франца Листа. Поэтому с «Аппассионатой», я думаю, у вас проблем не будет. Тем более что подыгрывать вам будет фрау Шпрингер.

Тиллю стало нехорошо. Он посмотрел на мерцавший в камине огонь, и его непроизвольно бросило в жар.

– Само собой, – выдавил из себя Беркхофф, хотя не знал даже, на какие клавиши надо нажимать, чтобы хотя бы одной рукой наиграть известную детскую песенку «Веселые утята».

«Завтра утром?» – мысленно ужаснулся он.

Перед Тиллем явно возникло противоречие: с одной стороны, Беркхофф не знал, как ему продержаться в клинике так долго из-за Армина, буквально дышавшего ему в спину, а с другой стороны, испытывал острый дефицит времени, которого явно не хватало, чтобы добраться до Трамница.

Тилль судорожно подыскивал нужные слова и придумывал отговорки, как увильнуть от занятий по музыкальной терапии, и тут появился Симон. От предчувствия, что впервые за день его ожидают хорошие вести, сердце у Беркхоффа учащенно забилося.

– Извините за беспокойство, доктор Возняк, – сказал санитар и передал врачу записку.

Когда Симон снова удалился, Возняк решил использовать информацию, содержащуюся в записке, в интересах сплочения всей группы.

– У меня хорошая новость для всех библиофилов среди нас, – заявил он. – Профессор фрау Зенгер разрешила сегодня после обеда воспользоваться библиотечным автобусом. Кому это интересно,

сообщаю, что доступ к нему на парковке будет открыт с семнадцати часов.

«Только с семнадцати часов? Черт побери! Почему так поздно?» – пронеслось в голове у Тилля.

Беркхофф с досадой подумал: «А смогу ли я вообще из-за возникновения возможных побочных эффектов после первого сеанса химиотерапии заняться поисками мобильного в автобусе?»

Глава 29

Зенгер

– Вы хотели поговорить со мной? – спросил Касов, распространяя в кабинете руководителя клиники ужасно тяжелый запах лосьона после бритья.

И хотя фрау Зенгер не нравился ни сам доктор, ни исходящий от него аромат, она подавила возникшее в ней отвращение.

– Собственно, я просто хотела передать вам кое-что, – сказала профессор и протянула ему через стол письмо.

– Что это?

– Предупреждение.

– Не понял, – удивился Касов и, потеряв кончик своего крючковатого носа, улыбнулся, словно услышал от нее какую-то шутку.

От такой его реакции у руководителя клиники, возмущенной снисходительно-высокомерной манерой поведения своего подчиненного, возникло острое желание сделать Касову еще одно предупреждение.

– По-видимому, возникло какое-то недоразумение...

Однако фрау Зенгер прервала его и, сделав рукой отталкивающее движение, заявила:

– Не трудитесь зря. Как вы объясните то обстоятельство, что в нарушение моих инструкций разрешили вчера Патрику Винтеру досрочно покинуть комнату интенсивного кризисного вмешательства?

В ответ он пожал плечами, открыл письмо и произнес:

– Пришло время, а вы были недоступны.

– Даже если мне и потребовалось из-за наводнения отойти, то вы все равно не имели права принимать самовольные решения. Не мне вам объяснять, насколько важен первый контакт после иммобилизации, – строго сказала фрау Зенгер, а про себя подумала: «И насколько мала у вас квалификация для этого».

При этом у Зенгер возникло ощущение, что не она наказывает своего подчиненного, а это он накладывает на нее дисциплинарное взыскание.

– А кроме того, судя по всему, вы решили вчера провести день открытых дверей, – продолжила выговаривать Касову фрау Зенгер. – Проход к нашим кабинетам оказался незапертым, чем и воспользовалась Седа, стащив мой халат и выдав себя Винтеру за руководителя клиники.

– Оплошность, – усмехнулся Касов.

Однако фрау Зенгер еще не закончила свой разнос.

– И что на вас нашло, когда вы распорядились оставить прошлой ночью Винтера в одной палате с Вольфом?

– Вам же известно, что мы испытываем дефицит в наличии койко-мест, – попытался отговориться Касов, даже не заботясь о том, чтобы его слова звучали правдоподобно, и никоим образом не осознавая своей вины.

– Да, это мне известно, но я также знаю всех особо опасных психопатов.

В ответ Касов криво ухмыльнулся и надменно спросил:

– Это все?

От такой наглости Зенгер пришла в ярость, и у нее начало дергаться правое веко. Тем не менее ей было известно, что в настоящий момент она ничего подделать с Касовым не сможет.

Дело заключалось в том, что в дополнение к приведению в исполнение лечебно-исправительных мер наказания, определяемых решением суда, «Каменная клиника» занималась и лечением пациентов с серьезными психическими расстройствами, которые не были осуждены в уголовном порядке. Последнее осуществлялось за счет привлечения средств частных инвесторов, а этот вопрос как раз и находился в ведении Касова. У него имелись необходимые связи с владельцами клиники, а кроме того, он уже много лет занимался сбором столь необходимых спонсорских средств. В результате Касов пользовался в клинике практически неограниченной свободой. И тем не менее ей не хотелось позволять этому пижону вить из себя веревки.

– Нет, не все, – ответила фрау Зенгер на наглое заявление Касова. – Посмотрите-ка на это.

С этими словами она повернула свой ноутбук на столе так, чтобы Касову был виден экран.

– Что там? – со скучающим видом спросил он.

На первый взгляд в записи встречи Касова и Винтера в комнате интенсивного кризисного вмешательства не было ничего примечательного. Касов стоял к камере спиной и почти полностью закрывал своим телом Винтера.

– Что вы там делаете? – остановив запись, поинтересовалась фрау Зенгер. – Ваши руки как-то странно согнуты, как будто вы что-то держите.

– И что же это может быть?

– Понятия не имею, поэтому и спрашиваю. Если бы мне пришлось угадывать, то я подумала бы, что вы держите перед животом фотоаппарат и делаете снимки пациента.

– У вас очень буйная фантазия, коллега.

– Может быть, – ответила руководитель клиники, стараясь заглянуть Касову в глаза. – Но я тоже обладаю достаточным знанием людей и, как только вы появились здесь в первый раз, сразу поняла, что вы за гусь. Таких типов я не переношу, и если бы не ваш отец в наблюдательном совете, то вы бы уже давно собрали свои вещи. Для меня вы не что иное, как избалованный маменькин сынок, не способный добиться чего-либо самостоятельно и всегда зависящий от своих всемогущих родителей.

В этот момент фрау Зенгер в упор поглядела на врача и жестко произнесла:

– Но когда-нибудь их защита кончится, и тогда, клянусь, стоит только вам совершить малейшую оплошность, как я немедленно надеру вам задницу.

В ответ Касов без разрешения схватил с письменного стола Зенгер шариковую ручку и папку с зажимом для бумаг.

– Знаете, в чем разница между нами? – спокойно заявил он, всовывая полученное предупреждение под зажим. – Вы стоите клинике денег. С вашими устаревшими методами, с вашей глупой речевой, экспрессивной и музыкальной терапией. А я? Я деньги приношу.

Произнеся это, Касов посмотрел на руководителя клиники, держа в одной руке ручку, а в другой – папку с зажимом для бумаг, словно

художник, оценивающий объект, портрет с которого ему предстоит писать, затем взял и перечеркнул текст полученного предупреждения.

Касов еще раз презрительно посмотрел на фрау Зенгер и заявил:

– Благодаря клиническим испытаниям лекарств, которые я регулярно организую, клиника имеет доход. И вам никогда не удастся от меня избавиться. Да вы, если честно ответите себе самой, этого и не хотите. Ведь если вы избавитесь от меня, то лишитесь существенной части бюджета клиники. А это в конечном счете приведет к потере вашего кресла, фрау Зенгер.

Заявив такое, он вручил ей папку с зажимом для бумаг и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

– Подлец, – прошептала она, едва за ним закрылась дверь.

А когда прочитала, что он написал на сделанном ему предупреждении, то громко воскликнула:

– Засранец!

Да другой реакции от нее и ожидать было нельзя, поскольку рядом с ее подписью заглавными буквами с тремя восклицательными знаками стояла надпись:

«ПОШЛА К ЧЕРТУ!!!»

В любом учреждении такого было достаточно, чтобы сотрудника немедленно с треском уволили, но Касов был прав. Она могла делать ему предупреждения и подавать на него жалобы сколько угодно, но козыри на руках были у него. И своим вульгарным оскорблением он это ясно показал.

Фрау Зенгер не стала бить кулаком по письменному столу и не смахнула в ярости вазы с полок только потому, что вместе с папкой Касов вручил ей и кое-что другое.

Он дал ей ответ!

В своем высокомерии этот негодяй разоблачил сам себя!

Зенгер отмотала запись назад и в сотый раз проследила за движением рук Касова. Теперь у нее появилась уверенность: если бы она смотрела на него со спины, когда он царапал свои оскорбления на папке с зажимом для бумаг, то манипуляции его рук были бы точно такими же, как на записи.

«Ты общался с Винтером и дал ему что-то прочитать. То, чего не мог сказать вслух», – пришла к выводу руководитель клиники.

Теперь Зенгер знала это точно. Она даже догадывалась, что Касов угрожал Винтеру. Другого объяснения столь скрытному поведению перед видеокамерами просто не существовало. Пока руководитель клиники не знала, в чем именно заключалась угроза, но решила непременно это выяснить.

Глава 30

Тилль

– Я подумал об этом еще раз, – неожиданно раздался голос Безрукого, который разбудил Тилля, задремавшего было в комнате для инъекций.

Настолько удобным оказалось регулируемое кожаное кресло.

Если бы не торчавшая из локтевого сгиба игла для инъекций, отравлявшая его организм, то он легко мог бы себе представить, что дремлет в комнате отдыха какого-нибудь спортивно-оздоровительного комплекса. Свет был затемнен, жалюзи закрыты, а душистая свеча источала аромат рождественской елки. При этом из прикрепленных к потолку динамиков лилась тихая классическая музыка, под которую из капельницы в вену Тилля капля за каплей поступали цитостатические средства от рака.

– Пожалуй, я не стану отрезать себе ногу, – известил Беркхоффа Безрукий, который уже лежал под капельницей, когда двадцать минут назад Симон привел Тилля в комнату для инъекций.

– Правильно, – коротко бросил Тилль в надежде, что Безрукий догадается о его нежелании вести разговоры.

Исключение мог составить только тот случай, если бы этот пациент с тягой к самоуничтожению стал бы рассказывать Беркхоффу, от какого именно рака тому предстояло лечиться. Самому же Тиллю расспрашивать об этом не стоило, иначе он рисковал разоблачить себя. А ведь ему даже не было известно, какой именно препарат в него вводят, чтобы убить предполагаемые раковые клетки.

– Нет никакого смысла ампутировать мне ногу, – опять подал голос Безрукий.

– Конечно!

– Надо удалить сразу все бедро.

Услышав такое заявление, Тилль поглядел направо, где, закрыв глаза, сам с собой беседовал Безрукий. Капельница у него тоже не была помечена, и определить, подвергался ли Безрукий сеансу

химиотерапии или получал только витамины, было невозможно. Но это, как слышал Тилль, вполне могли оказаться и лекарственные препараты, изменяющие сознание.

Внезапно Безрукий задал Беркхоффу, казалось, совершенно бессмысленный вопрос:

– А как насчет тебя, ты уже подумал?

– Над чем?

– Ты можешь это выяснить?

– Что именно?

– Насчет нелегальных пациентов?

Тилль снова посмотрел направо, и ему опять показалось, что Безрукий разговаривает во сне.

– Не пойму, о чем ты?

Ответ поразил его еще больше, чем вопрос, с которого и начался этот странный диалог.

– Хорошо. Хорошо. Извини. Я уважаю это, – произнес Безрукий.

Однако Тиллю, который уже был уверен, что Безрукого пичкают наркотиками, так и не удалось выяснить, что тот имел в виду. В этот момент дверь в процедурный кабинет открылась, и к ним приблизился Симон.

– Как вы себя чувствуете? Хорошо? – поинтересовался он, убирая пустую капельницу.

Когда санитар вытаскивал иглу, Тилль почувствовал боль и подумал, что на следующий день на локтевом изгибе появится синяк.

– А вы, господин Боде, к сожалению, должны еще немного потерпеть, – сказал Симон.

Проверив, все ли в порядке с Безруким, санитар вновь обратился к Тиллю:

– Ваш следующий сеанс через три дня, господин Винтер. Давайте сразу уточним с вами время. Скажем... Простите.

Симон извиняющимся взглядом посмотрел на Тилля и достал из кармана своего синего халата жужжащий мобильник.

– Слушаю! Да! Как? Одну минуту, фрау Зенгер, здесь плохо слышно.

Санитар жестом показал Беркхоффу, что сейчас вернется, положил использованные материалы в специально предусмотренное

для этого мусорное ведро рядом с выходом из кабинета и исчез в коридоре.

Сердце в груди у Тилля подпрыгнуло, как маленький резиновый мячик на трамплине. Ему стало плохо, но он не думал, что это уже начали сказываться побочные результаты химиотерапии. Такое состояние, граничащее с тошнотой, было вызвано его волнением.

«Стоит ли?» – вставая, спросил он самого себя.

Бегло взглянув на Безрукого, Беркхофф убедился, что пациент по-прежнему держал глаза закрытыми. Внутреннее чутье подсказывало ему, что настал решающий момент.

«Сейчас или никогда, – подумал он. – Такого шанса в клинике больше может и не представиться».

И Тилль решил отважиться на осуществление столь внезапно возникшего у него плана. Он поспешил к шкафу с выдвижными ящиками, стоявшему рядом с дверью, где возле раковины помещалась желтая пластиковая коробка. Мусорное ведро с использованными шприцами было переполнено, из-за чего крышка, которую медсестры и уборщицы во избежание получения травм во время выноса мусора обязаны были держать в закрытом состоянии, оказалась полуоткрытой.

Тилль сунул туда руку и сразу же почувствовал резкую боль. Спрятать найденный такой ценой предмет в кармане своих спортивных штанов ему удалось как раз перед самым возвращением Симона. Санитар удивился, что пациент уже ждал его рядом с дверью, и окинул кабинет беглым взглядом. Однако Симон не заметил в комнате ничего подозрительного, удовлетворившись лишь тем, что толстенная игла, которую он небрежно положил на пластиковую крышку перед выходом в коридор для телефонного разговора, никуда не исчезла. Ему было невдомек, что пропала не она, а игла от предыдущих процедур, кончик которой из щели мусорного ведра больше не высывался.

Именно эта игла лежала теперь в кармане Тилля и в будущем могла оказаться в его руках грозным оружием.

Глава 31

В «Каменной клинике» действовало непреклонное правило, которое гласило: «Пациент плюс один». Это означало, что, куда бы пациент ни направлялся, его всегда должен был сопровождать сотрудник из числа обслуживающего персонала. И уж тем более не разрешалось прогуливаться в одиночку по парку. Поэтому, вероятно, легче было убежать из северокорейского трудового лагеря, чем преодолеть забор по внешнему периметру клиники.

К входу на парковку на первом этаже Тилля тоже сопровождал мускулистый санитар. Одноэтажный зеленый автобус, рассчитанный как минимум на пятьдесят пассажиров, действительно стоял прямо на подъездной дороге, напоминая своим видом междугородние автобусы, на которых в детстве Беркхоффу приходилось ездить в школу. Отличие состояло, пожалуй, лишь в том, что окна у него были заклеены непроницаемой плотной черной пленкой.

– У вас есть десять минут, – сказал санитар и выудил из кармана непромокаемой куртки, надетой прямо поверх халата, пачку сигарет.

Они находились на территории, которая явно предназначалась для разгрузки поставляемых в клинику лекарств и медицинского оборудования, но никак не для нахождения здесь пациентов. Это место было защищено от дождя, который бушевал снаружи с такой силой, что складывалось впечатление, будто кто-то обрабатывал здание при помощи пескоструйного аппарата. Стоял такой шум, что он заглушал даже рев взлетающих и приземляющихся поблизости самолетов. И когда санитар, приложив ладони к специальному замку, работавшему по принципу сканирования отпечатков пальцев, открыл застекленную наружную дверь, свист ветра оказался настолько сильным, что Тилль засомневался в том, что его сопровождающему удастся прикурить.

Несмотря на то что подъездная дорога в том месте, где стоял автобус, находилась под крышей, к машине ему пришлось идти по лужам. По-видимому, ливневки не справлялись со столь обильными дождевыми потоками, и вода сама искала себе пути выхода.

– Десять минут, – повторил санитар, стараясь перекричать завывания ветра.

Затем он набрал код на автобусе, и водительская дверь с шипением, характерным для гидравлики, открылась. Не успел Тилль войти, как она снова захлопнулась, отчего его невольно бросило в дрожь.

Беркхофф впервые за все последнее время, которое уже казалось ему вечностью, остался один!

Это было непередаваемое чувство, вызвавшее приятный душевный трепет, так хорошо знакомый ему с детства. Оно напоминало те минуты, когда, укрывшись от ненастья в своей уютной теплой комнате, маленький Тилль дрожал от нетерпения, предвкушая удовольствие от чтения увлекательного романа. И запах старых книг в нагретом автобусе только усиливал эти воспоминания. Здесь на полках, оборудованных вдоль окон вместо сидений, стояли сотни книг.

Чего тут только не было – и научно-популярные издания, и бульварные романы, и атласы, и дешевые детективы. Однако временем на то, чтобы оценить их все по достоинству, Тилль не располагал. В свете галогеновых ламп он принялся лихорадочно искать нужное ему место, скользя пальцем по переплетам и изучая названия.

«Всего десять минут?» – с сожалением подумал Беркхофф.

Здесь он с удовольствием мог провести несколько часов, пристроившись на единственном оставленном в конце салона диванчике с чашечкой горячего кофе в руках и прислонив голову к стеклу. Его не беспокоили бы даже завывания ветра, свирепствовавшего снаружи, который, с одной стороны, был так близок, а с другой – так же далек, как и те миры, в которые можно было перенестись с помощью этих книг.

Единственным, что нарушало идиллию этой уютной атмосферы, были рыдания. Они шли из того места задней части автобуса, где обычно располагался туалет.

– Кто там?! – воскликнул Тилль и стал приближаться к источнику звуков, походивших на попытку какой-то женщины подавить свои слезы.

Его снова охватила дрожь. Но теперь она выступала в качестве предвестника зарождающегося страха. Тем не менее, держа руку в кармане и обхватив добытую недавно иглу, Тилль стал медленно приближаться к тому месту, откуда слышались рыдания. Когда же он оказался в непосредственной близости от заднего выхода и смог

различить того, кто сидел на ступеньках, то его удивлению не было конца.

– Седа?

В ответ на его восклицание пациентка, разыгравшая его в первый день, обернулась. Ее темные глаза опухли от слез, а сама она выглядела так, как будто только что побывала под дождем, – лицо Седы было мокрым от слез, капельки которых стекали с подбородка прямо ей на грудь.

– Что случилось? – спросил Беркхофф.

– Все хорошо, все хорошо, – покачав головой, ответила она и встала.

– Они тебя здесь заперли?

– Нет, нет. – Губы Седы скривились в жалком подобии улыбки. – Мне разрешено находиться здесь одной. По крайней мере, тогда, когда я на работе.

Тилль огляделся и спросил:

– Значит, ты здесь работаешь?

– Да, ведь когда-то я была кем-то вроде библиотекаря, – заявила она, подтверждая тем самым информацию, которую он получил от фрау Зенгер.

– И почему ты здесь? Как оказалась в клинике?

– Ты же знаешь, мы, пациенты, не любим говорить об этом.

– И о том, почему ты плакала?

К его удивлению, Седа подняла руку и провела ею по его голове. Вначале Тилль попытался было ее остановить, но прикосновение было настолько ласковым и нежным, что вызвало в нем, с одной стороны, болезненное, а с другой – приятное воспоминание.

Он вспомнил о Рикарде.

«Сколько времени прошло с тех пор, как меня так трогали?» – подумал он.

– Полка номер три, второй ряд? – внезапно спросила Седа, нарушив ту интимную обстановку, которая начала было складываться.

– Что? Да, правильно.

В этот момент Тилль вспомнил, что Седа являлась платным агентом Скании и была посвящена в его намерения и цели. Но возникал вопрос: какую работу она выполняла для человека, доверять

которому стоило меньше всего? Ведь проинформировать Касова о том, что Беркхофф являлся симулянтом, могла только она.

Тогда Тилль отошел от нее и начал искать соответствующую полку. Книга Джеймса Джойса под названием «Улисс» оказалась там, где и обговаривалось, – во втором ряду, сразу за Библиями. И найти ее было просто. Беркхофф спокойно вытащил этот фолиант и потряс его. Пролистав книгу до страницы восемьдесят четыре, он обнаружил телефон. Убедившись, что Седа за ним не наблюдает, Тилль включил его и нажал кнопку быстрого набора.

Глава 32

– Слава богу!

– Тилль?

– А кто еще может звонить по этому телефону?

Беркхофф пристроился на заднем сиденье, стараясь как можно дальше находиться от Седы, которая заняла место водителя и листала иллюстрированный журнал, слушая музыку через наушники. И хотя он не предполагал, что она может его подслушивать, все равно старался говорить шепотом.

– Что случилось? Как твои дела? – поинтересовался Скания.

– Дерьмово. Под каким обличьем, черт возьми, ты меня сюда засунул? Кто я?

– Что-то не так, Тилль?

– Да все не так! Мне плохо! Сейчас я чувствую себя гораздо хуже, чем раньше. Все эти неприятности с того момента, когда похитили Макса, только нарастают.

– Возьми себя в руки и успокойся! Успокоился? А теперь подробно расскажи мне, что случилось.

От тяжелого дыхания Тилля на пленке, которой было обклеено стекло, появилась испарина. Тогда Беркхофф нарисовал на ней указательным пальцем вопросительный знак и вздохнул.

– Не знаю даже, с чего и начать.

– Начни с самого начала.

В этот момент от сильного порыва ветра автобус затрясся, напомнив Тиллю первые минуты его появления в клинике.

– Мне казалось, что надо дать им повод думать, будто перед ними настоящий сумасшедший, и поэтому я заявил, что проглотил бомбу.

– Понятно, – ничуть не удивившись, спокойно отреагировал Скания.

– Проблема в том, что мне удалось убедить в своей потенциальной опасности только часть персонала. Меня усыпили, а когда я очнулся в комнате интенсивного кризисного вмешательства, меня навел врач по фамилии Касов и заявил мне прямо в лицо, что считает меня симулянтом.

– Интересно.

– Мне кажется, что это скорее опасно, – разозлился Тилль. – Потому что по какой-то причине этот Касов желает моей смерти. Он распорядился, чтобы меня заперли в одной палате с жестоким и здоровенным психопатом Армином Вольфом.

– Не в одиночке? Это странно.

– Верно. Однако по официальной версии причиной такой странности является тот факт, что здесь затопило целый флигель, и поэтому не хватает койко-мест. Но я клянусь, именно этот Касов виноват в том, что Армин сломал мне два пальца.

– Что он сделал? – явно расстроившись, переспросил Скания.

– Он хотел сломать мне еще больше, а Седа утверждает, что Армин даже жаждет меня убить.

– Значит, ты все-таки познакомился с Седой. Это хорошо.

Тилль яростно затряс головой, одновременно чувствуя, как синяк под глазом начал тупо пульсировать.

– Ничего хорошего. Она тоже явно чокнутая. Это – пациентка, скотина ты этакая. И библиотечный автобус она больше не водит, поскольку территорию затопило.

С этими словами он поглядел на Седу, но та при упоминании ее имени даже не встрепенулась.

– Как же ты добрался до телефона? – поинтересовался Скания.

– Это долгая история. Лучше скажи мне, в чьей шкуре я здесь нахожусь. У меня такое впечатление, что ты выбрал самую худшую из всех личностей, которую только можно представить.

– Извини, – раздраженно ответил Скания. – К сожалению, у нас был не такой уж и большой выбор, когда потребовалось срочно доставить пациента в «Каменную клинику».

– Я знаю. Но это обязательно должен был быть игравший на пианино и математически одаренный мучитель детей с опухолью головного мозга?

– Не понял, повтори.

– Все ты правильно понял.

Возникла пауза, и в телефоне послышался шум атмосферных разрядов, словно ветер дул и в эфире. Затем прозвучал негодующий голос Скании:

– Бред какой-то. Патрик Винтер не являлся мучителем детей, и об опухоли мне ничего не известно.

– Тогда ты плохо проинформирован, – повысил голос Тилль. – Мне только что сделали первый сеанс химиотерапии. Старик, я здесь сам себя отравлю.

В эту секунду Седа посмотрела на него, кивнула и постучала пальцами по воображаемым часам на запястье. Это был знак, что отведенные ему десять минут скоро закончатся. Скания тоже хотел прекратить этот разговор, и не только его.

– Все! Эксперимент закончен! Я вытащу тебя оттуда!

– Стой! Подожди!

– Никаких «подожди»! Решение бесповоротное. Я немедленно начну тебя вытаскивать, черт подери! Я не позволю, чтобы ты с переломанной рукой и с отравой в крови лежал в беспомощном состоянии в лазарете чуть ли не нос к носу с Трамницем.

Тилль, уже было поднявшийся, буквально рухнул обратно на сиденье.

– Повтори, что ты сказал?

Скания не стал кочевряжиться и почти дословно повторил сказанное. При слове «лазарет» Тиллю словно кто-то стукнул молотком по голове.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросил он.

– Ты сам мне рассказал о сломанных пальцах и химиотерапии. Где же после этого ты должен быть?

Тилль развернулся в сторону так, как это делает школьник, не желающий давать списывать своему соседу по парте. Затем он поднес здоровую руку ко рту, придав ладони форму рупора, и, удерживая телефон больной рукой, прошептал:

– Я хотел знать, откуда тебе известно, что Трамниц находится в лазарете. Он ведь давно должен был вернуться в свою палату.

– Сегодня по радио передали, – пояснил Скания. – Якобы из-за послеоперационного заражения крови. Их беспокоят вопросы обеспечения безопасности, пока его снова не переведут обратно. Ведь в больничном корпусе можно передвигаться относительно свободно.

– Дай мне еще немного времени, Оливер! – умоляюще произнес Тилль.

– Чтобы тебя там убили? Я не позволю, чтобы ты пострадал еще больше. Так что не проси!

– До этого дело не дойдет. Клянусь! – скороговоркой проговорил Беркхофф. – Сегодня ночью в новой палате я буду один, и там со мной ничего не случится. А днем я сам могу позаботиться о себе. Дай мне еще два дня. Если за это время мне не удастся ничего прояснить, то на этом мы и закончим.

В разговоре вновь возникла пауза, и снова послышался шум ветра. Но на этот раз он доносился уже извне через открывавшуюся водительскую дверь.

– Хорошо, – наконец сказал Скания. – Даю тебе на все про все двадцать четыре часа. У тебя ровно сутки, Тилль.

– Спасибо. За это время я постараюсь узнать правду.

– Гм, – крикнул Скания. – погоди! Не вешай трубку, пожалуйста. С тобой хочет коротко переговорить твоя жена.

Только сейчас, правда, уже слишком поздно, Тилль понял, что в автобусе есть еще один посетитель, который неизвестно сколько времени слушал его разговор, а теперь приближался к нему с угрюмым взглядом.

Глава 33

– «Улисс», – насмешливо произнес Касов таким тоном, словно пародировал манеру общения гомосексуалистов. – Наш дорогой господин Винтер – настоящая книжная сова и, естественно, читает только возвышенную литературу. Джеймс Джойс! Кто бы мог подумать? Можно взглянуть?

С этими словами он схватил книгу и буквально вырвал из рук Тилля это специальное издание в кожаном переплете.

Пока Касов, втянув голову в плечи, протискивался к заднему ряду сидений, Беркхофф успел незаметно опустить мобильник в карман своих спортивных брюк, хотя и не был уверен в том, что подозрительный врач этого не увидел. Однако времени на то, чтобы поставить выдолбленную книгу обратно на полку, у него уже не оставалось, и теперь она находилась в руках этого неприятного человека.

– Вам нравится содержание? – поинтересовался Касов.

При этом иронический тон и сама двусмысленность вопроса усилили у Тилля ощущение того, что главный врач третьего отделения просто играет с ним в кошки-мышки.

«Что этот сукин сын обо мне знает?» – подумал Беркхофф и посмотрел на Седу, стоявшую в проходе автобуса позади Касова. Она тихонько покачивала головой, словно давая Тиллю понять: «Я и сама не знаю, какие недобрые намерения у него в голове».

– Я еще не прочитал эту книгу, – ответил Тилль на вопрос Касова.

Тут где-то в недрах автобуса послышался приглушенный гул, свидетельствовавший, скорее всего, о том, что включилась система автономного обогрева салона.

– Я полагаю, вы хотите взять «Улисса» с собой в палату? – продолжал между тем задавать вопросы Касов.

При этом, держа фолиант обеими руками, он принялся трясти книгу, как ребенок, пытающийся угадать содержимое рождественского подарка.

– Я еще думаю, – ответил Тилль, моля в душе о том, чтобы Рикарда не повесила трубку.

Одновременно он заклинал Бога, чтобы Касову не пришла в голову мысль открыть книгу. Поэтому, решив отвлечь врача от этого намерения, Беркхофф спросил:

– Чего вы от меня хотите?

– Я просто хотел поинтересоваться, как ваша рука, – ответил Касов с насмешливой улыбкой, даже не стараясь скрыть свою ложь.

Он указал на светло-синюю повязку, наложенную Тиллю на пальцы, затем на его опухший глаз и добавил:

– Я слышал, что прошедшей ночью вы оказались несколько неловким.

– Да, кто-то допустил ошибку, – отозвался Беркхофф, сознательно идя на провокацию, а сам подумал: «Мы оба прекрасно знаем, что ты специально распорядился запереть меня с Армином. Осталось только выяснить зачем».

Тилль старался не смотреть на книгу, которую врач постоянно теребил в руках, к счастью не глядя на нее. В противном случае Касов мог бы обнаружить пустоту в теле фолианта и догадаться, что это был тайник.

«И тогда он меня обыщет», – со страхом подумал Тилль.

– Кто-то совершил ошибку? – между тем переспросил Касов с леденящей улыбкой и заявил: – Боюсь, что этот кто-то может причинить себе еще больший вред, если не заткнется. Мы поняли друг друга?

«Нет, – мысленно ответил ему Беркхофф. – Однако подозреваю, что настоящий Патрик Винтер наверняка знал бы истинные причины, по которым он имел в твоём лице врага. Поэтому я лучше промолчу».

Тилль кивнул и постарался смиренно посмотреть на врача. Однако долго покорность ему изображать не пришлось, потому что Касов открыл книгу. От этого у Беркхоффа перехватило дыхание и помутнело в голове, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Между тем Касов, по-садистски косясь на Тилля, медленно перевернул обложку, словно она была выполнена из свинца, и если при этом он и удивился тому, что фолиант оказался слишком легким, то причина была им вскоре найдена. Врач провел пальцами по страницам и начал их листать. Касов переворачивал страницу за страницей, пока не добрался до выдолбленного в книге места.

Того самого, где совсем недавно был спрятан мобильник!

Глава 34

Касов даже бровью не повел. Он не выглядел рассерженным и не начал кричать. Не стал и хватать Тилля за руку, чтобы вывести его наружу. Поэтому у Беркхоффа промелькнула мысль, что его станут обыскивать прямо в автобусе. А тогда будет обнаружен не только мобильник, но и игла для инъекций, которую он с таким трудом раздобыл.

Доктор оставался спокойным, но это спокойствие было явно напускным. От него веяло ледяным холодом, хотя он и не двигался, по-прежнему держа в руках раскрытую книгу Джеймса Джойса именно на тех страницах, где раньше был тайник.

У Тилля возникло ощущение, что Касов выдыхал не углекислый газ, а пары охлаждающей жидкости, отчего температура в салоне библиотечного автобуса начала заметно снижаться.

«Великий Боже! НЕТ!» – мысленно восклицал Беркхофф, отчетливо осознавая, что если у него отберут мобильник, то единственная ниточка, связывавшая его с внешним миром, будет разорвана.

Тилль лихорадочно размышлял, стоит ли ему употребить иглу в качестве оружия против Касова. Но он хорошо понимал, что такое принесет ему только вред – за это его в лучшем случае посадят в изолятор. Однако более вероятной была перспектива с треском вылететь из клиники, ведь фрау Зенгер наверняка вызвала бы полицию, а Беркхофф даже не знал, какой состав преступления ему могли вменить уже сейчас и без нападения на Касова. Наверняка таких пунктов было несколько. Кроме того, Тилля беспокоил вопрос о том, какое наказание ожидало Седу, все еще стоявшую в проходе, словно каменное изваяние. Ведь от нее не могло укрыться то, что пациент звонил по телефону в ее присутствии.

В этот момент Касов поднял голову, и Тилль впервые заметил, что брови у врача шли к вискам, завиваясь, словно усы. Тогда ему вновь стало плохо.

«Неужели все должно закончиться именно так? – пронеслось у него в голове. – Обидно, ведь несмотря на то, что продвинулся я не так

уж и далеко, все же мне удалось проникнуть в клинику и даже пережить здесь ночь. Хотя и не очень удачно».

Действительно, он преодолел достаточно серьезные препятствия и наверняка добрался бы до Трамница. Правда, при одном условии.

Если бы у него было больше времени.

Неужели он так и не попрощается со своим сыном из-за этого засранца?

Неужели все было напрасно?

– Я могу все объяснить, – заявил Тилль, не зная, что именно ему сказать, ведь у него не было запасного плана на случай, если его разоблачат.

В принципе, у него вообще не было никакого плана, за исключением намерения добраться до дневника Трамница, что уже само по себе было делом отчаянным, если не безнадежным.

– Меня это не интересует, – сказал Касов, отчего Тиллю стало еще хуже, ведь, возможно, именно сейчас Беркхоффу предстояло узнать, что именно намеревался предпринять врач по отношению к Патрику Винтеру.

«Или в отношении меня, если по какой-то причине он знает, кем я являюсь на самом деле», – подумал Тилль.

– Я тоже удивился такому состоянию книги, – пролепетал Беркхофф.

Однако дальнейшие слова сами застряли у него в глотке, и перехватило дыхание, когда Касов начал говорить. Ведь то, что сказал врач, было не только непонятно, но и внушало тревогу.

– Даю вам еще пять минут, – заявил Касов, криво ухмыльнулся и добавил: – Желаю весело провести это время.

С этими словами Касов захлопнул фолиант, вручил его Тиллю, повернулся к Беркхоффу спиной и вышел из автобуса через водительскую дверь, ни разу не обернувшись и даже не попрощавшись с Седой.

Глава 35

– Рикарда! Ты слышишь меня?

Ответа не последовало, но по знакомому до боли дыханию можно было понять, что она все еще оставалась на связи. По крайней мере, ему казалось, что он ее узнает. Ведь они прожили вместе столько лет!

Он по-прежнему узнавал это дыхание!

Значит, она все еще оставалась на линии. Какое счастье, что Рикарда не повесила трубку! Возможно, ей даже удалось услышать разговор Тилля с врачом и осознать, в каком трудном положении он здесь находится. В положении совершенно непредсказуемом, ведь Беркхофф так и не понял, почему Касов не стал уличать его и нарочно отпустил ситуацию.

Тот факт, что врач не подверг его обыску в поисках запрещенных предметов, да и само поведение Касова не поддавались никакому объяснению. Это был какой-то абсурд, что само по себе таило угрозу. Но еще больше пугало Тилля то, что Рикарда намеревалась ему сказать.

– Прости, любимая, – прошептал он по мобильнику, вкладывая в эти слова все, что можно было сказать.

Они подразумевали просьбу о прощении и за то, что он не посвятил ее в свои планы, отважившись на столь явное безумство, и за то, что позволил Максиму пойти к соседке.

– Значит, твой брат все-таки рассказал тебе, где я сейчас нахожусь?

– Да.

Она произнесла всего одно слово, да и то задыхаясь от слез. Всего одно, но очень короткое, состоявшее лишь из двух букв. И по нему невозможно было понять, что оно подразумевало – понимание или отторжение? Согласие или обвинение? Любовь или... ненависть?

– Ему не следовало этого делать. Я не хотел, чтобы ты волновалась.

– Он мой брат, – ответила Рикарда.

Это было уже больше, чем одно слово, – целое предложение, но и по нему Тилль не смог определить душевное состояние своей жены.

Однако она не стала его мучить, сказав:

– Я так горжусь тобой.

Услышав такие слова, Тилль посмотрел в потолок, обтянутый серой тканью, вытер набежавшие на глаза слезы, а потом заревел навзрыд. Это был эмоциональный выход пережитого им страха и возникшего от слов Рикарды чувства облегчения. Прошло несколько драгоценных секунд, пока он снова смог продолжить разговор.

– Прости, – повторил Беркхофф.

– Нет, это ты меня прости. Я знаю, что незаслуженно накричала на тебя, обозвала неудачником за то, что ты позволяешь так обращаться с тобой, за то, что ты ничего не предпринимаешь, хотя и сама не знала, что надо делать.

– Я понимаю твои чувства, – ответил Тилль, прислонив голову к стеклу.

Он был благодарен жене за каждое слово. Беркхофф был бы счастлив, даже если бы она кричала на него и осыпала оскорблениями. Ведь это все равно было лучше той ситуации, когда она, молча, взяла ребенка и ушла, оставив его в ужасном одиночестве. Он и мечтать не мог о том, чтобы Рикарда говорила с ним так ласково, извиняясь даже за свое прошлое поведение.

– Я была в бешенстве, – заявила Рикарда. – Пылала ненавистью. Ненавистью в отношении того дьявола, который отнял у нас все. До него было не дотянуться, а моему гневу требовался выход. Я не могла, как ты, сидеть дома, просматривая все газеты и публикации в Интернете в поисках информации о Максе, и при этом держать все в себе. Мне требовалось что-то предпринять, совершить активные действия, не важно какие. Только я не знала, куда пойти и что делать.

Тилль промолчал. Он слишком долго не слышал тепла и любви в голосе Рикарды, и ему не хотелось нарушать волшебную музыку ее слов даже малейшим своим замечанием.

– Тогда я выплеснула все, что у меня накопилось, на тебя, взяла Эмилию и сбежала. Мне так жаль. Прости меня за это, – заявила Рикарда.

– Я все исправлю, – прошептал он в ответ.

– Нет, – энергично, но без тени упрека возразила Рикарда. – У тебя не получится. Ничего исправить ты уже не сможешь, потому что никакие действия не вернут нам Макса.

– Я знаю.

– Но ты можешь восстановить справедливость.

В ответ Тилль понимающе кивнул. Он знал, что она имела в виду: к ним в дом проникло само вселенское зло и материализовалось возле палисадника в образе Трамница, украв у них большую часть смысла их жизни. А поскольку оставалась еще Эмилия, то это являлось весьма веской причиной не пускать пулю себе в лоб. Тем более что существующее в природе равновесие сил было и без того нарушено, а его требовалось восстановить. Справедливость требовала отмщения.

– Я убью его! – пообещал Тилль.

Однако, когда в ответ на такое заявление Рикарда сказала, как сильно его любит и по нему скучает, Беркхофф понимал, что его жена совсем не имела в виду ту незапятнанную и чистую любовь, которая привела их к алтарю. Понимал он также и то, что прошлого не вернешь и в будущем никогда уже не будет так, как было прежде.

Но одновременно Тилль почувствовал, что в их отношениях что-то изменилось к лучшему.

– Заставь его страдать, – сказала Рикарда, и он впервые за столь долгие месяцы смог себе представить, как будет хорошо, когда они снова смогут обнять друг друга.

Просто обнять. О большем он и не мечтал. Обнять друг друга хотя бы в будущем. После того, как ему удастся подобраться к Трамницу.

Охваченный такими мыслями, Тилль непроизвольно нащупал в кармане своих спортивных брюк иглу. Ведь его загадочный враг Касов, непонятно по какой причине, давал ему такой шанс. Что ж, он найдет способ им воспользоваться.

И каким бы болезненным для него ни оказался этот путь, после телефонного разговора с Рикардой Тилль уже не сомневался в том, что сможет выдержать все те мучения, которые ему еще наверняка предстояли.

Глава 36

Едва Тилль вошел в кафетерий, как все разговоры и даже звон столовых приборов немедленно смолкли, и у него непроизвольно сложилось впечатление, что у присутствовавших там пациентов, распивавших кофе, имелись какие-то внутренние антенны, позволявшие им улавливать исходившие от Беркхоффа угрожающие вибрации.

Правда, и пациентов-то было всего шестеро. Куда-то подевались все санитары, медсестры и врачи. Видимо, это объяснялось тем, что стрелки часов не добрались до восемнадцати, и до ужина еще оставалось время. К тому же кофе из титана был не таким вкусным, чтобы привлечь к себе остальных обитателей клиники.

Армина Вольфа Тиллю долго искать не пришлось. Слегка ссутулившись, что присуще большинству высоких людей, он сидел с пузатой чашкой и читал одну из тех газет, которые состояли в основном из заголовков и фотографий.

Армин, казалось, был единственным, кто не обратил внимания на Тилля. Он до последней секунды притворялся, что не заметил его.

– Эй, – окликнул его Беркхофф.

Только тогда Армин отвел взгляд от газеты и, скривившись, посмотрел на Тилля, приложив руку к глазам, словно на ярком солнце.

– Где телефон? – спросил он.

– Нет телефона, – ответил Тилль, решивший оставить мобильник в автобусе, поскольку посчитал, что хранить его в книге будет безопаснее, чем в камере, где возможности для скрытного использования аппарата отсутствовали.

– Тогда ты покойник, – заявил Армин.

– Или ты, – ответил Тилль и ударил его иглой.

Армин вскочил и закричал, но больше не от боли в плече, а от неожиданности.

– Какого черта?.. Что это было? – взвился Армин и сжал кулаки, но потом, видимо устранившись видеокамер на потолке, просто схватил Тилля за толстовку.

– Игла, – спокойно ответил Беркхофф.

Тогда Вольф схватил Тилля за руку, разжал ему пальцы и забрал иглу.

– Ты подписал себе смертный приговор, Винтер! – злобно прошипел он.

С этими словами Армин повернулся так, чтобы камеры слежения оказались у него за спиной, научившись этому, видимо, у Касова. Теперь он держал иглу прямо перед глазами Тилля, который был на голову его ниже.

– В следующий раз я загоню эту вещицу прямо тебе в глаз и буду нажимать на нее, пока она не проткнет тебе мозг, кретин, – прошипел Армин и оттолкнул Беркхоффа от себя, намереваясь снова сесть.

– У меня СПИД, – тихо проговорил Тилль.

– Что? – побледнев как смерть, переспросил Вольф.

– Теперь и у тебя тоже, – все так же спокойно ответил Тилль.

Он подождал, пока Армин не схватился рукой за стул, а потом повернулся к нему спиной и, направляясь к выходу, стал производить про себя обратный отсчет, начиная от десяти.

На счете восемь он приблизился к выходу на два шага, на счете семь почувствовал на затылке движение воздуха, а примерно на счете шесть с половиной сильнейший удар стулом пробил ему череп.

Глава 37

Зенгер

– Фронтобазальный перелом с разрывом в височную кость, – прокомментировала профессор фрау Зенгер изображение МРТ на своем мониторе.

– Картина походила на поле боя, – подтвердил Симон, которого она вызвала к себе, несмотря на поздний час.

Санитар выглядел явно уставшим.

– Я поскользнулся в луже крови Винтера. Скажите, это была мозговая жидкость, что выступила у него из носа?

– Судя по снимкам, у него нет вторичных кровотечений. Не наблюдается и трещин в твердой мозговой оболочке. Фри-деру потребуется лишь покрыть дефекты костным клеем.

Симон посмотрел на руководителя клиники грустными глазами, выдохнул и спросил:

– Вам будет лучше, если я сам подам заявление об увольнении?

При этом, несмотря на свою темную кожу, он заметно побледнел. В ответ фрау Зенгер, взявшись рукой за шею, чтобы ослабить напряжение, посмотрела на него так, как будто он спросил ее о погоде на Марсе.

– С чего это вам пришло в голову? – задала она вопрос. Симон тяжело вздохнул и ответил:

– По моей халатности Винтер завладел иглой для инъекций. По моему недосмотру. Если бы не моя невнимательность, то этого бы не случилось.

Симон нервно поскреб указательным пальцем кожу у ногтя большого пальца. Такое чувство долга и ответственности, наблюдавшееся у Симона не в первый раз, вновь удивило фрау Зенгер. Когда она нанимала этого сенегальского беженца на работу, он едва мог говорить по-немецки. Однако это не помешало ему устанавливать эмоциональный контакт с пациентами гораздо быстрее, чем это получалось у многих его немецких коллег. Просто Симон обращал

внимание на малейшие изменения в мимике и жестах пациентов и благодаря искреннему сочувствию своим подопечным замечал малейшие колебания в их настроении. Однако на сей раз, принимая озабоченный взгляд и глухой голос руководителя на свой счет и полагая, что она волнуется из-за того, что ей придется объявить о его увольнении, он ошибся.

– Все мы допускаем оплошности, и мне, к сожалению, придется доложить о случившемся. Однако у меня и в мыслях не было увольнять вас. Совсем наоборот. Вы всегда являлись для меня хорошим советником, а сегодня мне нужно знать ваше мнение больше, чем когда-либо.

Тогда Симон посмотрел на руководителя клиники сначала выжидательно, а когда понял, что она не шутит, то улыбнулся так широко, что фрау Зенгер стала даже опасаться, как бы уголки его рта не коснулись ушей.

Такая манера поведения являлась типичной для ее лучшего санитаря. После допущенных ошибок он не занимался самобичеванием дни и ночи напролет, а осознав, в чем состоял его промах, вскоре снова был способен радоваться от всего сердца хорошим новостям.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он.

– Видите эту гору? – задала вопрос фрау Зенгер, закрывая свой ноутбук и указывая на две большие стопки документов рядом с письменным столом.

Одна из них была высотой в полметра, а другая чуть меньше.

– Это документы, которые удалось собрать о господине Винтере, – пояснила фрау Зенгер.

– Так много? – уважительно присвистнул Симон.

– За последний день я еще раз прочитала все доступные нам материалы о Патрике Винтере. Это медицинские заключения, протоколы суда и показания свидетелей.

С этими словами она тяжело вздохнула, посмотрела Симону прямо в глаза и добавила:

– Однако я все равно чего-то не понимаю, ведь мне не дано читать его мысли.

– Со мною происходит то же самое в отношении многих находящихся здесь пациентов, – сказал Симон.

– Знаю, – улыбнулась фрау Зенгер. – Простите за неудачную формулировку. Но он что-то явно задумал, но только что? Вот в чем вопрос!

– Вы меня об этом спрашиваете?

Фрау Зенгер не ответила, а встала из-за стола и подошла к окну. Уже давно ей не требовалось закрывать жалюзи. Слабые лучи света, которыми солнце обычно одаривало Берлин в ноябре, сейчас при такой погоде приходилось уже с самого раннего утра возмещать искусственным освещением.

Сейчас же, незадолго до полуночи, на территории клиники не горели даже уличные фонари, и она посмотрела в дождливую темноту окна, в стеклах которого отражался только ее образ и убранство кабинета.

– Хотела бы я знать, что он задумал, – проговорила фрау Зенгер, прижимая ладонь к оконному стеклу.

Прохлада окна передалась и ее руке. С каким удовольствием она распахнула бы его створки и, распустив свою строгую прическу, подставила голову под струи дождя, бившие прямо по зданию.

«Но это все равно не успокоило бы поднявшуюся бурю в моей голове», – подумала она.

Фрау Зенгер немного постояла, глядя в темноту ночи, а потом, обернувшись к Симону, сказала:

– Винтер спрашивал меня про Трамница. Вы можете найти этому объяснение?

– Я... я... не знаю, – виновато ответил санитар, сложив свои натруженные руки в замок.

– Но у вас наверняка есть какое-то предположение или я ошибаюсь?

В ответ Симон посмотрел на своего руководителя и сказал:

– Ну, вы же сами видели запись камеры видеонаблюдения и выслушали показания свидетелей. Все выглядит так, как будто Винтер сам спровоцировал нападение Вольфа.

– Не только это, – согласно кивнула фрау Зенгер. – Он повернулся к Вольфу спиной и, похоже, делал обратный отсчет. Я поняла это по движениям его губ, просматривая запись на большом экране.

– Обратный отсчет, – повторил Симон больше для себя. – Получается, он знал, что произойдет.

В этот момент вдали послышался раскат грома. Фрау Зенгер выждала, пока вновь наступит относительное затишье, и сказала:

– По крайней мере, Винтер рассчитывал на нападение. Он сознательно шел на то, чтобы получить травмы. А теперь он лежит в лазарете, как и Трамниц, о котором спрашивал незадолго до этого.

– И что бы это значило?

Она заговорщически посмотрела на Симона, а потом заявила:

– Понятия не имею. Ясно только одно: нам необходимо быть бдительными, как никогда прежде. Иначе скоро мы все вместе окажемся в чертовски большой беде.

Глава 38

Тилль

Запах горячей смолы вновь напомнил ему о преисподней на Земле, привратник которой давно знал Тилля по имени, ведь он бывал в ней так часто. И снова адом оказалась парковка, выжигаемая знойными лучами солнца в летнюю жару. Он парил над этой геенной огненной из берлинского асфальта на высоте небоскреба, неотрывно смотря вниз.

Новой деталью его сна являлся автомобиль – черный внедорожник с блестящей крышей, в которой отражался небоскреб в духе фильма «Скайлайн». Внедорожник сиротливо стоял на огромной, заброшенной всеми парковке.

Тиллю казалось, что он ощущает сильнейшую боль, поднимавшуюся откуда-то снизу вместе с дрожащим от жары воздухом. Ему захотелось отойти от окна, и во сне, лежа в постели, он непроизвольно пошевелил плечами, а возможно, и головой. Тогда работавший от аккумулятора шуруповерт, сверливший ему череп, вновь погрузил Беркхоффа в сон.

Так прошло еще какое-то время.

Кругом была чернота, мучили жара, запах смолы и боль. И в этом мире боли Тилль кружился, выписывая петлю ожидания, словно самолет перед посадкой, находясь между мучительным пробуждением и кошмарным сном. Внезапно им овладел такой могучий страх перед перспективой навеки оказаться в подобном положении, что Беркхофф изо всех сил напрягся и открыл глаза.

Это было ошибкой.

Большой ошибкой!

Матовый свет от потолочной лампы ударил ему прямо в глаза и вызвал слезы. Он немедленно снова прикрыл веки, но совершил еще одну ошибку, попытавшись протереть уголки глаз. Сначала Тилль почувствовал легкое покалывание в сломанных пальцах, а потом, когда

стал ощупывать повязку на голове, возникло ощущение, словно кто-то нанес ему удар бейсбольной битой.

Боль не шла ни в какое сравнение с той, какую он перенес, когда ему бинтовали голову перед отправкой в клинику. На этот раз Тилль оказался ранен серьезно. И боль была очень сильной, заставляя Беркхоффа думать о том, что если с него снимут повязку, то голова сразу же развалится на две половинки, лишившись скреплявшей их повязки.

Представив это, Тилль почувствовал себя еще хуже.

Его затошнило, и он с трудом сдержал подкативший к горлу приступ рвоты, поскольку понимал, что от этого ему станет еще хуже.

«Помогите!» – мысленно закричал он и сразу же вспомнил, что в лазарете у кровати, как правило, располагается красная кнопка, при помощи которой можно вызвать медсестру, а возможно, и заказать вагон болеутоляющих средств, лучше всего морфий.

При одном условии, конечно: если Тилль в лазарете!

Однако, поскольку Беркхофф продолжал лежать с закрытыми глазами, он не был полностью в этом уверен. В то же время куда еще его могли отвезти? Подробности Тилль не помнил. В памяти сохранилось только то, что он спровоцировал Армина в кафетерии, полностью отдавая себе отчет, что это может закончиться не только лазаретом, но и смертью. Но поскольку у него болело все, что может болеть, то это означало только одно: он не отправился в мир иной.

Хотя... До конца быть уверенным в этом он тоже не мог!

Может быть, самоубийства вообще не имеют никакого смысла?

А что, если все ошибаются и боль со смертью совсем не заканчивается, а продолжает нарастать?

Столь ужасная мысль сподвигла Тилля ко второй попытке открыть глаза, что он и сделал. Только на этот раз очень медленно, почти как в замедленной съемке. Однако такая осторожность все равно не смогла предотвратить новый страх, вызвавший непроизвольные судороги. Несмотря на сопутствующие этому болевые ощущения, сознание Беркхоффа смогло зарегистрировать сразу несколько важных моментов. Во-первых, он лежал в окрашенной в белый цвет комнате под теплым одеялом на больничной койке с ручкой над головой. А во-вторых, он увидел, как тень, стоявшая возле кровати и напугавшая его,

проследовала мимо встроенного шкафа и тихо проскользнула в приоткрытую дверь.

– Эй! – прохрипел Тилль вслед тени, имевшей округлые женские формы, в надежде, что эта тень, а скорее всего, медсестра вернется и снабдит его обезболивающими средствами.

При попытке распрямиться он не сделал резких движений и только чуть-чуть повернул голову в сторону двери.

В глазах у него все расплывалось, а кроме этого, его обзору мешал край какого-то металлического предмета, и Тиллю понадобилось некоторое время, чтобы понять, что это была подставка для лотка на откидном ночном столике. Еще дольше он силился понять, что означал прямоугольный предмет, тоже лежавший на столике, но потом разглядел кожаный переплет специального издания «Улисса» Джеймса Джойса. Тогда Беркхофф догадался, что за тень стояла возле его кровати, а потом бесшумно выскользнула из комнаты.

– Седа! – прохрипел он чуть громче, но и эта попытка не принесла результата.

Тогда Тилль протянул здоровую левую руку к книге, что далось ему на удивление легко, раскрыл ее, но от накатившей боли вновь закрыл глаза. Тем не менее пальцы у него чувствительности не потеряли, и он с облегчением убедился, что мобильный телефон по-прежнему на месте.

«Седа принесла мне телефон! – с благодарностью и одновременно обеспокоенно подумал он. – Интересно, знала ли она о его существовании или просто решила принести мне книгу, которую я долго листал у нее в автобусе? Нет, таких совпадений не бывает!»

Первым желанием изнуренного от пережитого Тилля явилось стремление снова провалиться в сон. Затем ему захотелось позвонить Скании. Однако как первое, так и второе было слишком рискованным.

«Ко мне могут прийти с обходом и обнаружить телефон, – обеспокоенно решил он. – Это может случиться как во время сна, так и при разговоре с шурином. Нет, следует подождать, пока в голове снова прояснится и когда я буду точно знать, где можно позвонить и сколько времени у меня на это будет».

Требовалось срочно спрятать телефон, а лучше всю книгу, но возникал вопрос: как это сделать и куда их деть?

«Может быть, попросить Седу отнести книгу с мобильником снова в автобус?» – подумал Тилль.

Ход его мыслей сводился к тому, что если она все еще была в лазарете, то вреда от разговора с ней все равно не будет. Ведь Седа, несмотря на то что Скания предупреждал Тилля о том, что ей нельзя доверять, являлась здесь его единственным помощником.

«К тому же, похоже, у нее есть доступ во все отделения клиники, – мелькнуло в голове у Беркхоффа. – Возможно, она знает, где Трамниц».

Волнение вернуло Тиллю способность ясно мыслить, хотя он и чувствовал себя так, как будто недавно пытался остановить головой поезд. Тем не менее всплеск адреналина подавил чувство тошноты и придал ему уверенности. Беркхофф решил, что сдаваться рано, и одним рывком откинул одеяло.

Он посчитал, что книгу с телефоном нельзя оставлять на всеобщем обозрении и лучше всего пока убрать в верхний ящик тумбочки.

После этого Тилль сжал зубы, схватил ручку над головой и приподнялся. При этом в голове у него что-то начало перекатываться от одной стороны к другой, а когда он спускал ноги на пол, серая ночная пижама вообще соскользнула.

Как только голые пальцы ног коснулись пола, ему стало холодно. Напрасно Беркхофф пытался подавить дрожь – с каждым шагом лихорадочный озноб только усиливался. К счастью, комната была небольшой, и Тилль смог придерживаться здоровой рукой сначала за кровать, а затем, опираясь на стул и ручки стенного шкафа, двигаться к двери.

С удивлением он обнаружил, что в больничной палате имелась даже собственная ванная комната.

«Как это сочетается со словами фрау Зенгер?» – удивился Тилль, вспомнив ее заявление о нехватке койко-мест, ведь здесь он лежал в комфортабельном одноместном номере.

Беркхофф посмотрел на окно в тщетной попытке определить время суток и смог понять только то, что ночь еще не наступила. Большого залитое дождем стекло разобрать ему не позволило. Судя по приглушенному серому свету, сейчас могли быть и утренние сумерки, и вечерние закатные часы. В общем, типичный берлинский осенне-

зимний день с проливным дождем. Тиллю даже почудилось, что в палате тоже начал распространяться затхлый запах сырости.

Даже ручка на входной двери показалась ему влажной. Он надавил на нее, но она не пошевелилась.

«Заперто, конечно, – подумал он. – Хотя... Минуточку».

В этот момент Тилль смутно вспомнил, что правила содержания пациентов в больничном корпусе были не столь строгими, как в закрытых отделениях. Может быть, дело заключалось вовсе не в том, что эта проклятая дверь была запертой, – она могла оказаться слишком тяжелой, и у него просто не хватало сил. Вконец обессиленный, он, дрожа, прислонился к двери и чуть было не вылетел в коридор.

«Какой я идиот! – подумал Тилль. – Дверь-то открывалась наружу, а мне почему-то пришло в голову тянуть ее на себя».

Это было сделано специально для того, чтобы персонал мог открыть ее в случае, если с пациентом внутри палаты что-то произойдет, и он потеряет подвижность.

Коридор был пуст. Беркхофф с трудом держался на ногах, и если бы не ручки, приделанные к стенам на уровне инвалидной коляски, то он рухнул бы на жесткий линолеум. Вспышки молний перед глазами усиливались с каждым шагом. Да иначе и быть не могло, ведь воздействие обезболивающих средств заметно ослабло. Его голова начала напоминать закрытый крышкой перегретый котел, поскольку боль не могла найти выхода. Но как бы ни была сильна эта боль, она не могла сравниться с теми мучениями, которые Тилль пережил с момента исчезновения Макса и продолжал испытывать до сих пор.

Макс!

Одна только мысль о сыне помогала ему не кричать и не привлекать к себе внимание персонала. Тилль укусил себя за неповрежденный кулак и с трудом справился с желанием громко заскулить. Он подождал, пока яркие вспышки боли в виде молний не перешли в слабое мерцание, а затем шаг за шагом снова двинулся вперед, с трудом переставляя ноги.

Беркхофф, проследовав мимо еще одной закрытой двери, шел по небольшому коридору, где находилась его палата, держа курс на главный проход, видневшийся впереди. Перед выходом в этот коридор он заметил то, что заставило учащенно забиться его сердце.

Там стоял стеллаж на колесиках.

Такой, на котором в больницах пациентам обычно развозят еду. Отличие заключалось лишь в том, что полки на нем были загружены книгами.

– *Седа!* – попытался позвать ее Тилль.

Она явно все еще находилась на территории лазарета и, по-видимому, развозила лежавшим здесь больным выбранную ими литературу.

Беркхофф, обливаясь потом, добрался до стеллажа, стоявшего прямо возле пересечения коридоров в каком-то полуметре от двери, на которой был нарисован номер двести семнадцать и виднелась небольшая табличка с надписью «Размещать не более одного пациента».

Седы нигде не было видно, и Тилль предположил, что она вошла в эту одноместную палату. Внезапно у него возник вопрос: не наблюдают ли за ним, и он принялся искать видеокамеры на потолке. Их Беркхофф не обнаружил, зато обратил внимание на двух мужчин, стоявших в конце главного коридора возле лифтов, оборудованных биометрической системой защиты.

Вначале Тиллю не удалось рассмотреть, кто это был, но, протерев слезившиеся от боли глаза, он увидел человека, при взгляде на которого ему захотелось спрятаться, и ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы не закричать, выпуская наружу отчаяние, которое в нем накопилось.

Тилль застыл как статуя, но ненадолго. Он стоял так до тех пор, пока Касов не начал поворачиваться в его сторону, а затем то же самое сделал и Трамниц.

Как будто оба они догадались, что за ними тайно наблюдают!

Глава 39

Трамниц

– Что случилось? – спросил Трамниц, удивившись тому, что Касов неожиданно замолчал, даже не закончив начатую фразу, и повернулся к нему спиной.

– Сам не знаю, – пожав плечами, ответил ему врач.

Тогда Трамниц вслед за Касовом оглядел коридор, но никого не увидел. Проход, за исключением стоявшей тележки с книгами, был пуст.

– Мне показалось, что там кто-то стоял.

– Седа? – предположил Трамниц, с похотливой улыбкой запуская руку себе между ног.

– Нет, – мотнул головой Касов. – Эта шлюха из вашей палаты не выходила. Однако у меня возникло ощущение, что за нами наблюдают.

– Может быть, кто-то решил меня навестить? – разозлился Трамниц.

Трамниц точно помнил, что этот идиот, мнивший себя врачом, пообещал ему, что у себя в палате он сможет попользоваться шалавой без каких-либо помех, и поэтому заметил:

– Я думал, что все на собрании.

– Так и есть, – заверил его Касов.

Воспользовавшись тем, что накануне ночью в южном крыле клиники чуть было не лопнул канализационный трубопровод, Касов распорядился провести второе общее собрание сотрудников с повесткой дня «Наводнения и потопа», и весь персонал, за исключением медсестры для экстренных вызовов и санитара, собрался в холле. Большинство пациентов тоже были переведены в другие корпуса, и, таким образом, в распоряжении Трамница, в принципе, оказался целый этаж.

Исключение составлял лишь один человек с разможенным черепом. Но, по уверениям Касова, он был не в состоянии даже встать с постели.

– Разве вы не позаботились о том, чтобы нам не мешали и дежурный персонал покидал ординаторскую только в случае чрезвычайной ситуации?

– Естественно. Как вы думаете, стал бы я в противном случае столь открыто разгуливать с вами? – заявил Касов. – Но в целях предосторожности вам лучше развлекаться в ванной комнате. Туда-то уж точно никто не заглянет.

С этими словами врач с довольным видом улыбнулся. А чего еще можно было ожидать от человека, которого Гвидо Трамниц сделал богаче на две тысячи пятьсот евро?

Пиа лично привезла «дополнительный заработок» коррумпированному врачу на дом. При этом адвокатша была убеждена, что заплатила Касову деньги за послабление условий содержания Трамница в клинике, улучшение рациона его питания и предоставление возможности совершать более длительные прогулки. Ведь хотя Пиа Вольфайл и отличалась свободным нравом, но за услуги проститутки платить точно бы не стала.

– Вы хотели мне сказать что-то еще? – спросил Трамниц Касова.

– Да. Вы сможете пользоваться моими услугами целый месяц бесплатно.

– Как это следует понимать? – наморщил лоб Трамниц.

– Я предоставлю все, что вам нужно, – кокаин, проститутки, порнуху. В общем, все, что пожелаете.

– И мне ничего не нужно платить?

– Нет, не совсем так.

– В чем же тогда дело?

– Загляните в тайник.

Совсем недавно Касов показал Трамницу укромное место в его палате, где тот мог спрятать свой дневник от посторонних глаз.

– Я туда кое-что положил, – пояснил врач.

– И что же это? – решил уточнить Трамниц, у которого появились некие подозрения.

– Увидите. Используйте это.

– Для чего?

Тут Касов перешел на шепот, и это показалось Трамницу еще более подозрительным, поскольку он слабо представлял, как можно

объяснить случайному наблюдателю подобное шушуканье, выдавая это за обычный разговор врача с пациентом.

– Чтобы решить для меня одну проблему, – между тем заявил Касов.

«Ага. Похоже, мы начинаем говорить о деле», – подумал Трамниц и спросил:

– А как зовут эту проблему?

– Патрик Винтер.

– Это тот, что лежит в двух палатах от меня?

– Да, и сарафанное радио доносит, что он специально раскроил себе череп, чтобы оказаться рядом с вами, – заметил Касов.

– Это же сарафанное радио утверждает, что вы снабдили его сокамерника поддельными протоколами судебного процесса, из которых следует, что Винтер убил своего сына.

– И зачем мне это было делать? – ухмыльнулся Касов.

– С целью разозлить сокамерника так, чтобы он убрал детоубийцу с вашей дороги. Но, по всей видимости, это не сработало, иначе вы не стали бы обращаться ко мне. Верно?

– Без комментариев.

– Это тоже ответ. Что ж, мне понятно, что вы замышляете, доктор. Вот только вопрос: чего хочет этот Патрик Винтер от меня?

В ответ Касов посмотрел на Трамница и с ледяной улыбкой произнес:

– Я бы на вашем месте не стал тратить время на поиск ответа на этот вопрос. Просто решите проблему так, как вам нравится самому.

«Я должен положить его в инкубатор и насадить на садовые ножницы?» – подумал Трамниц и с похотливой улыбкой погладил через штанину свой сразу одревеневший от такой мысли член.

– Ладно, я подумаю об этом. Но сейчас мне надо позаботиться о нашей косоглазой шлюхе. Надеюсь, что Седа способна выдержать достаточно значительную нагрузку.

– Никаких видимых повреждений! – еще раз предостерег Трамница Касов.

Однако Трамниц сделал вид, что не расслышал шепота главного врача третьего отделения, повернулся к нему спиной и пошел к себе в палату.

Глава 40

Тилль

Глаза у Седа округлились, челюсть отвисла, и вообще все выражение ее лица как бы говорило: «Какого черта ты здесь делаешь?»

Точно такой же вопрос хотел задать и Тилль, но этому мешала боль, которая с тех пор, как он вошел в эту палату, подобно раскаленным иглам норовила изнутри проколоть его зрачки.

– Немедленно уходи отсюда! – зашипела Седа.

Тилль кивнул в знак согласия и хотел уже повернуть назад к двери, через которую только что проскользнул в палату, как вдруг у него закружилась голова и он потерял равновесие. Беркхофф стал заваливаться вперед, и ему не оставалось ничего другого, как опереться на Седа, бросившуюся ему на помощь. При этом ее плечевые кости показались Тиллю настолько тонкими, что он испугался сломать их. Однако Седе удалось поддержать его. Она помогла Беркхоффу добраться до постели, куда он и рухнул.

– Тебе нужно немедленно убираться отсюда! – сдавленно произнесла Седа.

При этом дрожь у нее в голосе не оставляла сомнений в том, что ее страх был ничуть не меньше, чем его боль. Это было настолько заметно, что Тилль невольно задался вопросами: «Чего она так боялась? Почему ее взгляд постоянно обращается к двери?»

– Я не могу уйти отсюда, – едва слышно произнес он.

Одновременно в его голове пронеслось:

«По крайней мере, до тех пор, пока Трамниц стоит где-то за дверью. Мне надо здесь спрятаться и переждать. Пусть он уйдет. Сейчас я еще не в состоянии допросить его. Мне необходимо набраться сил и восстановить ясность мысли, чтобы...»

На этом ход мыслей Тилля оборвался, и время, казалось, остановилось.

Беркхофф моргнул. По крайней мере, он постарался сделать это, а затем ему удалось пошевелить губами и даже задать один-

единственный вопрос, ответ на который необходимо было получить, чтобы развеять страшное подозрение, только что пришедшее ему на ум.

– Чья это палата? – прошепелявил он.

«Зачем ты здесь? С накрашенными губами и в полуоткрытой блузке?» – билось у него в голове.

– Ты должен немедленно уйти, – проговорила Седа.

– ЧЬЯ?! – потребовал ответа Тилль.

В ответ Седа так закатила глаза, что он уже было подумал, что она сейчас грохнется в обморок, и заявила:

– Трамница, а теперь убирайся отсюда!

«О боже! – с ужасом подумал Тилль, не подозревая, что произносит слова вслух, хотя и неразборчиво. – Я оказался прямо в логове маньяка! Что, если он видел меня в коридоре? Я в ловушке!»

Цель, которая казалась недостижимой, была достигнута, правда, в неподходящее время. Пока он не мог ни завоевать доверия Трамница, особенно если тот обнаружит его в своей палате в качестве незваного гостя, ни выбить из него правду. Ведь Тилль даже при ходьбе мог в любой момент потерять сознание.

Проклятье!

«Что же делать?» – судорожно соображал Беркхофф.

В этот момент в коридоре слышались шаги. Скрип от резиновых подошв на линолеуме отчетливо позволял понять, что кто-то приближался к палате.

– Проклятье! – выругалась Седа и велела ему подняться с кровати.

Затем она подвинула его в сторону окна и заставила спуститься с матраца. Тилль сжал зубы и скорее скатился с кровати, нежели встал. Опираясь на металлическую раму, он соскользнул вниз, едва не закричав от боли на всю клинику, как раненый зверь.

При этом, когда задница Беркхоффа коснулась пола, ночной халат, свободно завязанный на его спине, распахнулся.

– Сюда, – прошипела Седа, указав на большой шкаф, стоявший рядом с прикроватной тумбочкой.

Тиллю ничего не оставалось, как последовать приказу Седы и заползти за шкаф. Он сел, опершись спиной о стену, и почувствовал, как исходивший от нее холод подействовал на его позвоночник, словно парализующий яд.

Беркхоффа снова бросило в дрожь, но Седа прошептала:

– Не двигайся!

Они успели как раз вовремя. Буквально в следующее мгновение дверь с грохотом распахнулась и в палату ввалился Трамниц.

Обращаясь к Седе, он грубо спросил:

– Почему ты еще не голая?

Глава 41

Голоса, доносившиеся с того момента до Тилля, звучали так, словно на него надели специальные наушники, защищающие уши от холода и плохо пропускающие звук. Причиной этого явилось то, что Трамниц велел Седе отправиться в ванную комнату, а толстая, облицованная пластиком дверь все заглушала. Да и эти шумы ослаблялись из-за жуткой головной боли, создававшей подобие глубоководного давления на барабанные перепонки Беркхоффа.

В результате о том, что происходило в ванной между Седой и Трамницем, он мог только догадываться. Хотя и одежда Седы, и вульгарное, можно даже сказать, бесстыдное поведение Трамница, ясно дававшее понять, что ему нечего опасаться, раскрывали причину появления пациентки в этой палате.

«Но как могло произойти, что Седа согласилась на секс с этим монстром? Да еще добровольно!» – думал Тилль.

Из репортажей по телевидению, повествовавших об интимных отношениях в тюрьмах, ему было известно, что продажная любовь, а иного в данном случае и быть не могло, широко практиковалась во всех сферах государственного аппарата исполнения наказаний. И «Каменная клиника», скорее всего, не являлась исключением.

«Может быть, зная о том, что Седа является проституткой, Скания и предупреждал меня, чтобы я не доверял ей? – думал Тилль. – Хотелось бы знать, какое отношение ко всему этому имеет Касов?»

В животе у него забурлило. По иронии судьбы ему необходимо было срочно посетить именно то место, куда он не мог пойти, – желудок требовал облегчения.

«Мне срочно нужно выбираться отсюда», – решил он.

Однако если бы он попытался сейчас встать и даже если бы это каким-то невероятным образом у него получилось, то Тилль рисковал облегчиться прямо на пол.

Беркхофф посмотрел вверх на тумбочку, проклиная в душе ее гладкую поверхность, не имевшую окантовки, и увидел только лоток для таблеток. Но и он стоял слишком высоко. Не было видно ни одного

подходящего предмета, до которого он мог бы дотянуться. Исключение составлял только...

Выдвижной ящик!

Тумбочка на колесиках была оснащена тремя такими ящиками, нижний из которых и выдвинул Тилль. Он оказался пустым.

Теперь ему требовалось найти себе опору. Однако сам ящик для этого оказался непригодным. Стоило ему только попытаться опереться на него левой рукой, как все сооружение откатилось в сторону, угрожая при этом, что хуже всего, опрокинуться. Лежавший в ящике журнал и две бутылки с водой упали на пол. Хорошо еще, что пол в палате был выложен мягким линолеумом, поглотившим шум удара.

Тем не менее Тилль затаил дыхание, в страхе ожидая, что Трамниц выскочит из ванной и обнаружит его, скорчившегося за шкафом.

Однако единственным звуком, который до него донесся, было животное похрюкивание. Но тут послышался жалобный стон Седы, хотя это могло Тиллю и причудиться.

Тогда Беркхофф подвинул тумбочку к стене, чтобы она не смогла больше откатиться, и попробовал снова встать. Он опять оперся на ящик и сделал попытку подняться. Но у него ничего не получилось.

Затем Тилль услышал, а потом и почувствовал, как под его усилиями днище ящика начало проваливаться, а боковая доска отошла в сторону.

Проклятье! – подумал он.

Беркхофф закусил губу и осторожно вынул левую руку из ящика обратно. К счастью, он не поранился, все пальцы были целы. И тут Тилль увидел это!

Он увидел тетрадь в коричневом переплете, завязанную на ленточку!

В своих неуклюжих попытках использовать тумбочку в качестве опоры он случайно обнаружил тайник. Оказалось, что у ящика имелось двойное дно! Вот и получалось, что «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Тилль сразу понял, что именно он увидел. Значит, не зря, переоценивая свои силы, он, будучи симулянтом, превратился в пациента «Каменной клиники» и, получив переломы пальцев руки и костей черепа, так близко приблизился к Трамницу. В благодарность за

перенесенные мучения его величество Случай все-таки привел Беркхоффа к дневнику маньяка!

Открывая одной рукой двойное дно еще больше, Тилль порезался о кромку ДСП, и кровь стала сочиться из его израненных пальцев. Но ему было на это наплевать.

Наконец Беркхофф вытащил находку и развязал черную тесемку, чтобы открыть дневник.

Дневник выглядел иначе, чем Беркхофф себе его представлял. Тетрадь оказалась новенькой и гладкой. Можно даже сказать, малоиспользуемой. И действительно, когда Тилль открыл дневник, он обнаружил, что исписанной оказалась всего десятая часть страниц.

Если Трамниц заводил для каждой своей жертвы отдельный дневник, тогда Беркхофф держал в своих руках последний том сочинений этого больного садиста. И такую догадку Тилля подтверждало уже первое предложение, сделанное маньяком в дневнике убористым и красивым почерком под стать его внешности киноактера.

Слова, написанные черными чернилами, разрушили у Тилля последнюю веру в справедливость, так как он прочел следующее:

«Сегодня мальчик в инкубаторе сказал мне свое имя. Я едва смог его разобрать – так много крови было у него во рту. Но все же с уверенностью можно сказать, что он назвал себя Максом».

Глава 42

Послышался крик. Но он исходил не от Беркхоффа, который выплеснул бы свои душевные муки гораздо громче. Крик, наполненный телесной болью, шел из ванной комнаты и принадлежал Седе.

Его же молчаливый крик находился внутри его самого, принося невообразимые муки. Руки Тилля дрожали, а по лицу текли слезы горя и страдания.

Беркхофф находился у цели своего пребывания в клинике. Ведь у него в руках были не только доказательства совершенного Трамницем преступления, но и, возможно, подробное описание последних часов жизни его сына. И это он никому бы не отдал до тех пор, пока бы не прочитал о том, что именно произошло с Максом и где было спрятано его тело.

«Долго ли ему пришлось мучиться? Убивал ли Трамниц Максa планомерно и с наслаждением? Или покончил с ним в состоянии аффекта, устав от хныканья мальчика, как тот серийный убийца, о котором Тилль прочитал как-то в Интернете?» – такие и им подобные вопросы вихрем кружились в голове у Беркхоффа.

– Боже мой! – тихо прошептал он. – Рикарда, скорее всего, испугалась бы такой правды. Она наверняка зажала бы уши и выбежала из комнаты, не желая знать, как именно закончил свою жизнь Макс. Но только не я!

Тилль покачал головой и решил узнать всю правду до конца, несмотря на муки, которые она с собой несла. Ему нужна была ясность, пусть самая ужасная и убивающая еще остававшиеся слабые надежды.

Беркхофф должен был попрощаться с сыном и узнать, где находится тело мальчика. Без этого он не мог положить дневник обратно. Но и возможности прочитать записи на месте у него не было.

«Как долго Седа находилась вместе с Трамницем?» – подумал он и посмотрел на дверь в ванную комнату.

Одновременно Тилль почувствовал, что время, еще совсем недавно казавшееся застывшим, с момента, когда он прочел имя сына в

дневнике, полетело стремительно, словно стрела.

В первую очередь ему требовалось подвинуть тумбочку на прежнее место и закрыть ящик, чтобы Трамниц, когда снова уляжется на свою кровать, не сразу понял, что его дневник исчез. Занятый этим делом, Тилль внезапно обратил внимание еще на один маленький металлический сверкающий предмет, находившийся в ящике. И этому предмету явно нечего было делать в прикроватной тумбочке лазарета, в котором находился психопат.

Без лишних раздумий Тилль схватил лезвие бритвы, которое было спрятано в тайнике под дневником.

Затем ему удалось совершить то, что еще несколько секунд назад он считал невозможным. Находка дневника мобилизовала его силы, а ярость, направленная на Трамница, была настолько велика, что ему жутко захотелось ворваться в ванную комнату и разбить голову убийце сына о раковину. Тилль бил бы его снова и снова до тех пор, пока белые зубы маньяка не начали бы плавать в эмалевой раковине, как в супе, набухая от крови, а серая мозговая масса не стала бы просматриваться через пробитую черепную коробку.

Тем не менее всех его чудесным образом появившихся сил хватило лишь на то, чтобы на четвереньках поползти до входной двери. От жуткой боли в голове он едва не ослеп, когда поднялся с пола, открыл дверь и буквально выпал в коридор. На его счастье, он оказался пустым.

В проходе не было ни души!

Какая удача!

Спрятав лезвие бритвы между страницами дневника, здоровой рукой Тилль крепко прижал к себе драгоценную ношу. Если бы счастье продолжало ему улыбаться, то, прежде чем рухнуть без сил и задохнуться в обмороке от рвоты, он мог бы даже добраться до своей палаты. Однако Беркхоффу не удалось даже до угла. Проходя мимо библиотечной тележки Седы, он услышал, как сзади него открылась дверь, и кто-то назвал его вымышленное имя.

Глава 43

– Патрик Винтер! Что здесь происходит?

Тилль спрятал дневник под пижамой и обернулся. При этом он держал руки перед животом таким образом, чтобы прижать тетрадь к себе.

– Я... я заблудился, – прошептал он, наклонившись вперед от боли.

– Вижу, – сказал санитар и широкими шагами быстро направился к мнимому Патрику.

Санитар был на голову ниже Тилля, а темные волосы и изогнутые вверх, как у женщины, брови придавали его лицу дружелюбное и постоянно удивленное выражение. К тому же он говорил не умолкая, как настоящий водопад:

– Но как же так? Почему вы не в постели? Терпение, дружок, терпение! Я, знаете ли, остался один на все отделение и должен был находиться в ординаторской на случай экстренного вызова. Если бы мне не захотелось в туалет, то я бы вас, господин Винтер, не увидел.

С этими словами он протянул Тиллю руку, чтобы оказать помощь.

– Дайте мне что-нибудь от боли, пожалуйста, – искренне взмолился Беркхофф.

– Могу себе представить, как вам больно. В вашем положении я попросил бы то же самое. О небо! Ну почему вы не нажали на кнопку у кровати? Это может плохо кончиться. У меня был один пациент, который в январе перепутал двери и внезапно оказался на улице посреди ночи при температуре минус двенадцать градусов. Конечно, это случилось не здесь, а в Йоханнесштифте. Но тогда на нем было одежды не больше, чем на вас сейчас. Вы сможете дойти сами или мне лучше привезти каталку?

Тилль не отреагировал и, сжав зубы, продолжал шаг за шагом стоически продвигаться назад, в свою палату.

– Подождите, я сейчас вернусь со шприцем обезболивающего, – обнадежил Беркхоффа санитар, едва они добрались до места, и Тилль снова оказался в своей постели. – Это чудесное средство, и вашу боль как рукой снимет. Тогда во сне вы сможете оказаться, где захотите, а

лучше на вилле основателя журнала «Playboy», хотя после смерти Хью Хефнера^[7] там может быть немного скучно.

С этими словами санитар удалился, а так как он не умолкал ни на минуту, то вскоре его голос стал стихать. Чего нельзя было сказать об отбойном молотке, молотившем под черепом Тилля.

Беркхофф воспользовался представившейся возможностью и, собрав последние силы, положил в тумбочку дневник вместе с лезвием бритвы рядом с книгой Джеймса Джойса. Затем, выбивая дробь зубами, он откинул мокрую от пота голову на подушку и постарался успокоиться. Однако пережитая усталость, граничащая с полным истощением, вылилась в острую реакцию организма, которая переросла в настоящий эпилептический припадок, не прекратившийся даже после укола, сделанного санитаром.

Понадобилось довольно много времени, пока дрожь улеглась, а сердце и дыхание успокоились. А по мере того, как лютый холод стал покидать его тело, стала отпускать когти и боль, вцепившаяся в мозг. От того, что ему на самом деле стало лучше, Тилль готов был разрыдаться от счастья, но провалился в сон.

Когда Беркхофф очнулся, то чувствовал себя как побитая собака, но все же далеко не так плохо, как при последнем пробуждении.

«Господи! Какое чудесное средство дал мне санитар, – подумал он. – Оно все еще действует».

Если раньше головная боль затмевала собой все восприятия, то теперь Тилль снова почувствовал пульсацию в травмированной руке и ощутил горький привкус во рту, что его только порадовало. Пропали и симптомы, характерные для человека, страдающего морской болезнью. Все это было так необычно, что даже не верилось, и, боясь нарушить такое состояние, он снова закрыл глаза. К тому же в палате царил приятный полумрак, нарушаемый только светом, исходящим от ночника. В такой обстановке трудно было понять, наступил вечер или занялся новый день и как долго Тилль пролежал без сознания.

Когда Беркхофф снова решился открыть глаза, он увидел на тумбочке рядом с кроватью знакомую книгу Джеймса Джойса «Улисс».

И хотя голова у Тилля работала медленно, но ясность мысли сохранилась. В результате у него возникло нехорошее предчувствие, вызванное осознанием того, что кто-то достал книгу из выдвигного ящика и специально положил ее на тумбочку.

Тогда он начал шарить рукой в ящике в поисках дневника, но там его не оказалось. Зато справа от себя Тилль услышал голос:

– Ты это ищешь?

Беркхофф повернулся на бок и увидел дружелюбно улыбавшегося Трамница, сидевшего возле его кровати на стуле для посетителей.

И самое худшее, что можно было представить, – с раскрытым дневником на коленях!

Глава 44

– Должен сказать, что считаю тебя немного нагловатым. Согласись, с твоей стороны было невежливым без предупреждения войти в мою палату, когда я был занят. В принципе я ничего против твоего визита не имею, но ведь мы даже незнакомы. Или я ошибаюсь?

Тилль с трудом проглотил подступивший к горлу комок и удивился тому, как безобидно может выглядеть зло. Перед ним сидел вполне уравновешенный и дружелюбно улыбавшийся симпатичный молодой человек, в котором ничего не выдавало его грязных мыслей.

Как предостеречь детей об опасности встречи с подобным выродком? С этим извращенным садистом с добрым взглядом и лучезарной улыбкой? Даже хирургический пластырь на его шее выглядел как модный аксессуар! За исключением легкой послеоперационной бледности, ничто не указывало на то, что Трамниц еще несколько дней назад был тяжело болен и находился на пороге смерти.

– Ты кто? – поинтересовался Трамниц и с любопытством наклонился к Тиллю.

В это время в палату через оконные стекла донесся приглушенный рев двигателей заходившего на посадку самолета. Тогда Беркхофф непроизвольно взглянул на входную дверь, толком не осознавая, хочет ли он, чтобы ему на помощь пришел санитар и освободил его от присутствия Трамница, или нет. Ведь другого случая узнать правду могло и не представиться. Раздираемый внутренним противоречием между ненавистью, которая вспыхнула в нем с невиданной ранее силой, и страхом перед возможностью выдать обуревавшие его чувства и тем самым все испортить, он промолчал.

– Смелее! – еще шире улыбнулся детоубийца. – Нам никто не помешает. Касов дал для нашего разговора немного времени. Итак, как тебя зовут?

– Патрик Винтер.

– И ты?..

– Я... – на мгновение задумался Тилль, и тут его озарило. – Я твой поклонник.

– Ну конечно, – весело рассмеялся Трамниц.

– Нет, правда. Я много читал о тебе. Тебя даже по телевизору показывали. Вот мне и захотелось с тобой познакомиться.

Если жизнь после смерти существовала и Макс мог незримо присутствовать при их разговоре, то в этом случае Беркхофф надеялся, что его мальчик сможет прочесть истинные мысли своего отца и понять, как трудно давалась ему эта ложь. Понять, скольких усилий стоило Тиллю сдерживать себя, чтобы с криком не вскочить с кровати, не прыгнуть на Трамница и не разбить его симпатичное лицо. Ну, или хотя бы попробовать это сделать.

– Я восхищаюсь тобой, – между тем продолжал осуществлять внезапно появившийся у него план Беркхофф. – Твоими поступками. Мне хочется быть таким, как ты.

– И ты посчитал, что знакомству со мной поспособствует ситуация, когда тебе размозжат голову стулом? – захихикал Трамниц, смахивая со лба прядь светлых волос.

– Это был единственный способ добраться до тебя. Мы ведь содержимся в разных отделениях. Поэтому мне ничего не оставалось, как попасть в лазарет.

– Значит, ничего не оставалось, говоришь?

– Да. Здесь мы можем передвигаться более свободно. И поговорить. Так, как сейчас. При других условиях это было бы невозможно.

– Поговорить, – повторил Трамниц вслед за Тиллем. – Странная, однако, у тебя манера разговора, выражающаяся в краже дневника у собеседника.

– Он попал ко мне случайно, клянусь, – примирительно поднял руку вверх Тилль.

– Ты случайно взломал мою тумбочку?

– Я споткнулся, честное слово. А потом прочитал начало твоих записей. Дружище, это просто потрясающе. И поскольку весь белый свет горит нетерпением узнать, что ты сделал с Максом, мне не удалось подавить в себе любопытство, о чем весьма сожалею.

В разговоре возникла пауза. Трамниц встал, подошел к окну и нажал на кнопку в стене. С легким шуршанием управляемые с помощью электрического привода внешние жалюзи поднялись вверх, и в палате стало немного светлее.

– Знаешь, что я думаю? – спросил Трамниц, глядя на ключья утреннего тумана, запутавшиеся между деревьями в парке клиники.

Дождь явно прекратился, но низко висевшие облака, несомненно, несли в себе еще достаточно большой запас воды.

– А думаю я, что ты несешь пургу.

С этими словами он резко обернулся и, глядя на Тилля, заявил:

– И знаешь, почему я так думаю? Потому что чувствую запах твоего страха. Он воняет, как понос пенсионера, у которого порвались памперсы для взрослых. Но не волнуйся.

Проговорив это, маньяк вновь подошел к кровати, сел на стул для посетителей и улыбнулся:

– Мне такое нравится.

Трамниц пытливо посмотрел на Тилля, а затем добавил:

– Обожаю страх и его запах. Это то небольшое, что меня возбуждает.

Услышав такое, Тилль сжал левую руку в кулак.

– Ты же мой кумир, – лицемерно проговорил он, почувствовав себя при этом нехорошо. – Чего же удивляться моему состоянию, когда ты столь близко.

В ответ Трамниц склонил голову, скептически поглядел на Тилля и озорно улыбнулся:

– Так ты говоришь правду?

– Да, – кивнул Тилль, но боли при этом на удивление не почувствовал.

Возможно, такое было связано с продолжающимся действием лекарственных средств, а может быть, страх перед Трамницем вытеснял из сознания все остальные негативные чувства.

– Гм, – задумчиво потер подбородок Трамниц. – Тогда получается, что Касов лжет.

– Я не знаю, что сказал тебе главный врач, – пожал плечами Беркхофф.

– Он говорит, что ты симулянт и просто играешь роль. В общем, ты не тот, за кого себя выдаешь.

– Это неправда.

– Почему я должен верить тебе, а не доктору? После вторжения в мою палату твои слова не заслуживают особого доверия.

– Это верно, – сказал Тилль, изо всех сил стараясь выглядеть виноватым.

– Может быть, ты и не поклонник вовсе, а стукач?

– Нет, нет! Ты что? Никакой я не стукач!

– С кем ты тогда разговаривал в автобусе?

– Чего? – сделал Тилль вид, что не понимает, о чем говорит Трамниц.

– Касов слышал твой разговор в библиотечном автобусе и утверждает, что ты сказал следующее: «Этого хватит, чтобы узнать правду».

– Это...

– Тоже ложь? Значит, ты не был в автобусе и сам с собой не разговаривал?

«Нет, я не разговаривал сам с собой, а говорил по телефону», – подумал Тилль.

– Если ты говоришь правду, то я начинаю беспокоиться о душевном состоянии нашего дорогого доктора, – продолжал между тем Трамниц. – Похоже, что мозги у него работают не лучше, чем у его пациентов. А ты как думаешь?

В ответ Тилль тяжело вздохнул. Трамниц тоже на мгновение умолк, а потом заявил:

– Он считает, что ты явился по его душу.

– Не понял.

– Он думает, что ты прибыл раскрыть его маленький секрет, связанный с дополнительным источником дохода за счет продажи услуг проституток. Хочешь заложить его профессору Зенгер?

– Чего? Нет, мне плевать на Касова.

– А вот он видит это совсем по-другому. Может быть, Касов просто параноик? Однако на кону у него поставлено многое. Под угрозой его прекрасный дополнительный заработок.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Правда?

Чем дольше длился этот допрос, тем больше удовольствия получал от него Трамниц. Во всяком случае, так Беркхоффу казалось.

– Теперь, когда мы так хорошо познакомились, я могу сказать тебе больше, – засмеялся маньяк. – Речь идет о миллионах евро, которые выделяются Европейским союзом на исследования фармацевтических

компаний. Естественно, при условии, что производители таблеток смогут доказать целесообразность проведения своих дорогостоящих тестов. Вот тут-то и вступает в игру наш разлюбленный главный врач.

– И каким же образом?

– Касов обеспечивает условия, чтобы средства действовали. Он подсовывает фармацевтическим акулам нужных подопытных кроликов.

«А где Касов находит людей, которые добровольно соглашаются оказаться запертыми в психушке?» – этот вопрос так и вертелся у Беркхоффа на языке.

В волнении Тилль даже не обратил внимания на всю странность этого разговора. Однако Трамниц не дал ему опомниться и сам ответил на напрашивавшиеся вопросы.

– Касов изобретает подходящую легенду и внедряет проституток в клинику. Например, эта штучка Седа принимает таблетки от маниакально-депрессивного психоза, которого у нее на самом деле нет. Единственное отступление от нормы у нее заключается в том, что она слишком чувствительна к боли, когда ее трахают слишком жестко.

От таких слов Беркхоффа бросило в жар, и он откинул одеяло.

– Касов внедряет в клинику здоровых пациентов для проведения над ними незаконных испытаний лекарств?

В принципе, это была хорошо продуманная махинация – когда испытания заканчивались, пациентов выписывали якобы излечившимися от болезней, которыми они никогда и не страдали, а фармацевтическая промышленность получала подтверждение того, что запрашиваемые средства на проведение исследований себя окупают.

– А ко всему прочему он заставляет их еще заниматься и проституцией, чтобы увеличить свою прибыль?

– Очень убедительно, – похвалил Тилля Трамниц. – Можно подумать, что ты слышишь об этих фактах в первый раз.

– А тебе откуда все известно? – удивился Беркхофф.

– Моя адвокатша представляла интересы Касова в подобном деле у его бывшего работодателя.

– Разве она не хранит адвокатскую тайну?

– Только не во время секса.

После всего сказанного такой комментарий Тилля уже не удивил. Однако что-то во всем этом разговоре его сильно насторожило.

– Почему ты мне все это рассказываешь? – спросил он.

– Чтобы узнать, кто из вас пытается меня надуть.

– Я тебя не обманываю, клянусь, – положив руку на грудь, заявил Беркхофф.

– Гм, – хмыкнул Трамниц и сунул руку в карман своих спортивных штанов.

Когда же он ее снова вынул, на ладони у него оказалось лезвие бритвы, которое Тилль нашел в тайнике.

– Эту штуку Касов дал мне для тебя, – пояснил Трамниц.

– Для чего?

В ответ Трамниц закатил глаза и заявил:

– Не надо задавать дурацких вопросов только потому, что мы находимся в психушке. Уж наверное, Касов не просил меня привести в порядок твою мальчишечью бородку.

Тилль невольно схватился за подбородок и попытался поставить ноги на пол, о чем немедленно пожалел, поскольку это движение спровоцировало вспышку боли у него между глаз.

– Послушай, ты совершаешь ошибку. Касов тоже ошибается. Я не знаю, почему подобные мысли втемяшились ему в голову и чего он до меня доколебался. Но ты не должен причинять мне вреда. Эй, посмотри на меня. Я здесь, чтобы быть рядом с тобой.

С этими словами Тилль встал, хотя уже давно не ощущал себя настолько ранимым, – он стоял перед своим заклятым врагом полуголым и босиком. В общем, в одной только ночной сорочке.

– Гм, – принялся вслух размышлять Трамниц и тоже встал со стула. – Я не знаю. До сих пор Касов меня еще ни разу не обманывал. А ты? Ты подглядывал за мной, подслушивал и обокрал. Как мне увериться в том, что, несмотря на все это, ты именно тот, за кого себя выдаешь? Что ты на самом деле Патрик Винтер и мой самый большой почитатель?

Произнося свой монолог, Трамниц наигранно принял позу древнего мыслителя, подперев подбородок кулаком.

– Ах, у меня появилась одна идея. Вот, держи!

С этими словами маньяк подошел к Беркхоффу так близко, что тот почувствовал исходивший от него запах лимонного шампуня, и протянул Тиллю свой дневник.

– Что мне с ним делать? – заикаясь, спросил Беркхофф.

– Читать.

– Зачем?

Вместо ответа, Трамниц открыл свою тонкую тетрадку, и перед глазами Тилля заплясали маленькие рукописные буквы, начертанные на неразлинованных страницах дневника.

– Почитатели хотят знать все о своем кумире, не так ли? Если ты на самом деле так преклоняешься передо мной, как говоришь, Патрик, то вот для тебя настоящее автобиографическое лакомство. Однако для здоровых людей, которые меня справедливо ненавидят, это чтение, скорее всего, окажется невыносимым.

Трамниц постучал пальцем по абзацу, с которого мнимый Винтер должен был начать читать его откровения, и всучил дневник в обе руки Тилля.

– Ты же сам сказал, что не мог оторваться от истории Макса Беркхоффа. Тогда читай. Я с нетерпением жду того, что ты скажешь о последних часах, проведенных мною с этим маленьким шалунишкой.

Глава 45

Дневник, стр. 9.

«Было холодно, очень холодно. Так холодно, что, как бы сказал папа, ссаки на лету замерзли бы. И уже темнело. Не знаю, чего в такую пору забыл малыш на дороге. Ведь мы находились в Буккове, а не в жилой застройке Термометрзидлунг, где родители только радовались, когда вечером при пересчете своего выводка недосчитывались одного карапуза.

Игра с мальчуганом далась мне легко, хотя малыш не был идиотом. «Какое кодовое слово?» – с самым серьезным видом спросил он меня. Видимо, сверхбдительные родители научили эту крошку так говорить в случае, если незнакомый дядя у школьного забора спросит его, не желает ли малютка посмотреть премилых щенков у него дома. К счастью, существует универсальное кодовое слово, и называется оно рогипнол^[8]. Он действует на всех детей, особенно если использовать шприц».

Тилль кивнул, не поднимая глаз от текста, поскольку боялся сразу же выдать монстру свое омерзение.

– Как тебе стиль? – поинтересовался Трамниц. – Я так сразу написал, надеясь в будущем опубликовать свои записи как книгу. Моя адвокатша уже защищает мои права.

«Настоящий извращенец», – подумал Тилль, а вслух сказал:

– Великолепно!

– Оставим словоблудие и перейдем к главному, – самодовольно рассмеялся Трамниц и потер свои красивые сильные руки. – Перелистни страницу и начни со второго абзаца.

– Отсюда? – уточнил Беркхофф, показав садисту соответствующее место в дневнике.

– Верно. Здесь начинается запись памятного протокола нашей с ним первой беседы. Когда Макс в первый раз очнулся.

«– Где я?

– В твоём новом доме.

– Мне, мне... страшно.

Маленький проказник даже не подозревал, какую радость мне доставил своей фразой. О том, какой страх он испытывал, говорили также сопли вокруг его носа и судорожное дерганье маленькой грудной клетки. Но каждый раз, когда мои пациенты признавали это открыто, такое звучало по-разному.

– Что, что это за штука?

– Инкубатор. Мой отец назвал его «Трикси», но я до сих пор не знаю почему. Мне же не захотелось давать инкубатору имя.

– Что такое инкубатор?

– Он дает тебе безопасность, тепло и защиту. Мне будет легко тебя в нем снабжать.

– Чем снабжать?»

В этом месте Трамниц снова прервал и без того трудно дававшееся Тиллю чтение.

– Я не уверен, начал ли Макс громко рыдать в этом месте или позже, когда лечение уже началось. Но из-за его плача было трудно разобрать то, что он говорил. Восстановить диалог по памяти оказалось намного сложнее, чем мне представлялось.

Услышав такое, Тилль был вынужден крепко сжать зубы, чтобы громко не закричать. Он проглотил подступивший к горлу комок в надежде, что Трамниц не заметит, как дрожат его веки и пульсирует сонная артерия на шее. Затем по настоянию убийцы он продолжил чтение:

«– Хочешь выбраться наружу?

– Да.

– Хорошо, нет проблем. Ты что-нибудь слышал о «kangarooing»?^[9]

– О кенгуру?

– Это слово действительно происходит от «кенгуру» и имеет прямое отношение к выхаживанию недоношенных детей. Недоноски – дети особенные и требуют к себе чрезвычайно много внимания. Как и ты, малыш.

– Ты пойдешь со мной в зоопарк?

– Вовсе нет, глупенький. «Kangarooing» означает, что родители время от времени вынимают своих детей из инкубатора и кладут их себе на голую грудь. Делается это для того, чтобы малыши чувствовали себя как детеныши кенгуру в сумке мамы. Подобное тепло родного гнезда имеет большое значение.

Произнеся это, я притушил свет, и освещение стало едва ли ярче, чем в порнографическом фильме. Оно было как в отделении неонатологии в Вирхове, создавая нужное настроение.

Затем я стал медленно раздеваться, а когда был голым, открыл боковые захваты инкубатора, чтобы зафиксировать руки и ноги Макса с помощью кабельных стяжек.

– Ну что, попробуем? – спросил я, хотя ответа и не требовалось.

Все дети любят обниматься. По крайней мере, в таком возрасте. Капризными они становятся уже позже.

Конечно, некоторые из них чувствуют себя неуверенно и бывают беспомощными, боясь нового окружения. Они не привыкли познавать сразу столько много любви. Ведь у них такие родители, которые сами отпускают их на улицу, несмотря на то что уже стемнело. Поэтому и нужны кабельные стяжки, чтобы дети сами себе не сделали больно.

Итак, я вынул Макса из инкубатора. Для своего возраста он оказался довольно тяжелым, но от него так приятно пахло детским шампунем, которым я помыл его, когда малыш еще спал. Детский шампунь в сочетании со страхом создает великолепный аромат, и мне кажется, что им нужно наполнять бутылки и продавать через интернет-магазин «Россманн».

Я помню, как Макс дрожал, и ничего удивительного в этом не было, поскольку холод за пределами инкубатора всегда оказывал на детей шоковое воздействие.

Но в какой-то момент он перестал хныкать и судороги у него прекратились. Наконец, голые, в чем мать родила, мы устроились на шезлонге рядом с инкубатором. Его тельце лежало на моем. И когда кровь начала пульсировать у меня между ног, я запел от радости: «Жил-был отец, у которого было четверо детей – весна, лето, осень и зима».

В этом месте текст обрывался. Тилль пролистал дневник дальше, но остальные страницы оказались девственно чистыми.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Трамниц.

В ответ Тилль сделал над собой нечеловеческое усилие, поднял глаза и, собрав все свои силы в кулак, произнес:

– Какой прекрасный слог. Так поэтично. Как бы мне хотелось при этом присутствовать.

Беркхофф сказал всего двенадцать слов, но и этого оказалось достаточно, чтобы ему показалось, что он плюнул на неизвестную могилу сына.

Больше всего ему хотелось зажать себе рот рукой или закусить до крови губу, чтобы не произносить такое, но он был вынужден сделать это. Тилль предпочел бы по кусочкам отрезать себе внезапно превратившийся в инородное тело язык, чтобы издавать только непонятные крики боли и не иметь возможности говорить членораздельно. Но этого уже не требовалось, поскольку себе самому Беркхофф изменить не мог – его тело само говорило правду.

Его начало трясти, по всему телу пробежала дрожь, и, сколько он ни моргал, все равно помешать выступить слезам из глаз Тилль не смог.

– Ну вот, что и требовалось доказать, – сказал Трамниц и осторожно смахнул Тиллю слезы с лица.

Беркхофф опустил дневник и заплакал еще сильнее, думая про себя: «Я не справился. Я не прошел тест».

– Кто ты на самом деле? – услышал он голос Трамница.

Прекрасно осознавая, что уступает убийце сына по физической силе, Тилль тем не менее сорвал простыню с матраца и накинул ее на голову садиста, не ожидавшего такой реакции Беркхоффа. Он несколько раз обернул простыню, словно канат вокруг швартовой тумбы в порту, потянул ее вниз, а затем нанес удар. Прямо по лицу Трамница, смотревшегося под простыней словно привидение. Раздался треск, и простыня стала окрашиваться кровью, вытекая, видимо, из сломанного носа монстра.

Тилль наносил удар за ударом, все сильнее и сильнее.

Однако...

Беркхофф никак не мог понять, почему Трамниц не сопротивлялся.

Почему маньяк под простыней лишь от души смеялся, причем с каждым ударом этот жуткий смех становился только громче?

Глава 46

Тилль перестал наносить удары, но не из-за того, что его правая рука, которой он держал простыню, отказывалась служить, повязка на пальцах развязалась, а у него самого возникло ощущение, будто Армин снова сломал ему пальцы. Все дело заключалось в том, что он перестал видеть в этом смысл. И такое его мнение только усилилось, когда Трамниц сдернул простыню с головы. Беркхоффу окончательно стало ясно, что тумачами зло из человека выбить нельзя.

Из носа Трамница текла густая кровь, окрашивая в красный цвет его губы, зубы и шею. Но маньяка, казалось, это совсем не беспокоило. Наоборот! Он продолжал хохотать, тряся головой, словно отец, забавлявшийся неуклюжей неудачей своего сына.

– Значит, Касов все-таки был прав, ты не тот, за кого себя выдаешь, и играешь совсем другую игру.

Тилль не ответил, а только отодвинулся от маньяка, бросив окровавленные простыни на пол к своим босым ногам.

«Верно, – подумал он. – Я играю. Но не так, как ты думаешь».

– Тебя зовут не Патрик Винтер, – заметил Трамниц и задрал нос.

Он выплюнул окровавленный слизистый комок изо рта и спросил:

– Кто ты на самом деле?

Теперь, когда Тилль своим неуправляемым поведением сам себя выдал, в дальнейшей лжи не было смысла, и поэтому он прохрипел:

– Тилль. Меня зовут Тилль Беркхофф.

В палате повисла мертвая тишина, и какое-то мгновение казалось, что детоубийца потерял дар речи.

– погоди, ты?.. – наконец опомнившись, начал он, но снова замолчал.

На секунду в помещении снова воцарилась гробовая тишина, но затем Трамниц не выдержал и сказал:

– Так ты отец Макса?

Произнеся это, психопат сел на матрац и, запрокинув голову и похлопывая себя по бедрам, во все горло захохотал.

– Никогда не испытывал чего-либо подобного! Как мило с твоей стороны! – приговаривал он.

При этом его отталкивающий смех был по-настоящему искренним, и в нем ощущалось подлинное удовольствие.

– Признаюсь, я тебя зауважал, – заявил наконец Трамниц. – Ты хочешь сказать, что тебе каким-то образом удалось проникнуть сюда, чтобы меня убить?

В ответ Тилль покачал головой и от боли прижал руки к вискам.

– Нет, – наконец произнес он. – Чтобы узнать правду.

– Что ж, – буркнул себе под нос Трамниц. – В этом есть смысл. И его намного больше, чем в той дурацкой истории про поклонника, которую ты мне сейчас наплел. По крайней мере, это правдоподобно объясняет, почему ты здесь обосновался и даже устроил драку. Только отец способен на такой отчаянный шаг.

– Где Макс?

Тилль больше не хотел ходить вокруг да около, однако Трамница это совсем не интересовало. Ему больше нравилось задавать вопросы, чем отвечать на них.

– Однако это не объясняет, почему Касов хочет твоей смерти, – продолжил он развивать свою мысль, сделав вид, что не слышал вопроса. – Может, ты просто хочешь спасти свою шкуру? Едва я сказал, что Касов протаскивает в клинику здоровых пациентов, как ты заявляешь, что тоже пробрался сюда.

С этими словами Трамниц встал с кровати, одним этим движением заставив Тилля отойти в угол палаты, поскольку он не хотел, чтобы маньяк к нему приближался.

– Я говорю правду, – сказал Тилль.

– Ты точно так же утверждал пять минут назад, и это была ложь.

– Я должен увидеть его. Попрощаться с ним.

– Понимаю, – ответил Трамниц, сверкнув своими белыми зубами, которые явно контрастировали с его окровавленным лицом. – Правда, это я хорошо понимаю. Только вот твой план...

Маньяк остановился на полуслове, потрогал себя за нос и принялся рассматривать окровавленные пальцы.

– Ты считаешь, что все хорошо продумал, начав избивать носителя тайны при первой же подходящей возможности? – наконец произнес он.

«Нет. Это была ошибка. Следствие неконтролируемого импульса», – подумал Тилль.

– Боюсь, что тебе придется найти более убедительные аргументы, поскольку все остальные записи дневника еще здесь, – постучал себя по лбу Трамниц. – Слабого удара кулаком по моему лицу явно недостаточно для того, чтобы я открылся перед тобой. Хочешь попробовать?

С этими словами, к великому изумлению Беркхоффа, Трамниц протянул ему лезвие бритвы, которое Тилль забрал из тайника маньяка вместе с дневником.

– Зачем оно мне? – спросил он.

– Ну, если бы я был тобой, а это, к счастью, не так, то я бы еще раз ударил тебя локтем по лицу. А затем схватил бы за руку и загнал лезвие прямо под ноготь моего указательного пальца, примерно так, – заявил Трамниц и, видимо решив продемонстрировать сказанное на деле, со всей силой схватил Беркхоффа за руку. – Вытяни его, – бросил садист.

– Что?

– Ноготь. Ну, ты понял. Лучше всего резать сбоку. Тогда это происходит медленнее и гораздо болезненнее.

В этот момент Тиллю показалось, что рука у него окаменела. Он не мог ею даже пошевелить, не говоря уже о том, чтобы привести в движение лезвие бритвы, которое Беркхофф сжимал своими пальцами.

– Что с тобой? Смотри, как надо! – воскликнул Трамниц и сделал нечто просто непостижимое.

Он просунул лезвие себе под ноготь, воткнул кончик глубоко в плоть, используя бритву как рычаг.

– Боже мой! – простонал Тилль.

– Гм. Как же так? Надо же, это было совсем не больно, – озадаченно произнес Трамниц и указал окровавленным пальцем на вывороченный с корнем ноготь, лежавший на полу.

Он засмеялся, а потом заявил:

– Хотя нет. Я вру. Немного пощипало. Я же не совсем бесчувственный. Моя чувствительность к боли только сильно уменьшена.

Можно было сказать и так.

Произошедшее сильно удивило Беркхоффа, и он ошеломленно посмотрел на маньяка, тщетно пытаясь найти хоть какое-то объяснение тому, что этот сумасшедший при столь немислимо

жестокой пытке даже не застонал. Однако Трамниц сам дал ответ на его невысказанный вопрос.

– Такое типично для людей с пограничным расстройством личности. Во всяком случае, именно так сказал моей маме мой первый психиатр. Как потом выяснилось, что-то неладно с таламусом в моем мозгу. Однако я наверняка утомил тебя перечислением медицинских терминов.

Проговорив это, Трамниц схватил Тилля за подбородок, держа его своей пораненной и окровавленной, но тем не менее мощной ручищей так же крепко, как чуть ранее за руку.

– Главное, чтобы ты понял одно: мне требуются экстремальные раздражители. Только тогда я хоть что-то чувствую.

«Поэтому ты и пытаешь маленьких детей до смерти?» – подумал Тилль.

Между тем Трамниц продолжал говорить:

– В отличие от тебя, Тилль Беркхофф. Тебе хватит одного маленького щелчка. Упс – и ты готов, не так ли?

С этими словами Трамниц ударил Беркхоффа кулаком прямо в лоб, и в голове Тилля что-то взорвалось.

Глава 47

Беркхофф очнулся и чуть было не пожелал, чтобы Трамниц снова ударил его по голове. И лучше всего кувалдой и так сильно, чтобы он больше никогда не проснулся и перестал чувствовать эту дикую боль.

Ее интенсивность ни с чем нельзя было сравнить, разве только с представлением о том, что весь его мозг превратился в один гигантский воспаленный зуб, который сумасшедший врач пытался вытащить без всякой анестезии гвоздодером. При этом зуб сломался, обнажив нервные окончания, и теперь их промывали наполненными кислотой мыслями: «Где Макс? Что с ним сделал этот зверь?»

Самое интересное заключалось в том, что Трамниц никуда не ушел. Совсем наоборот! Как и боль, его присутствие стало еще явственнее, что выразилось, в частности, в использовании им бессознательного состояния Тилля для того, чтобы смыть в ванной комнате кровь с рук и лица. Теперь он выглядел посвежевшим и даже более сильным. Нависая над кроватью, на которой Беркхофф теперь снова лежал, он стал наклоняться к Тиллю все ниже и ниже, пока чуть было не коснулся губами его губ.

– Ладно, малыш, ты меня убедил, – выдохнул он. – Так и быть, я оставлю тебя в живых.

– Зачем? – вырвалось у Тилля первое, что пришло ему в голову.

Ответ прозвучал в мозгу сам собой: «Чтобы мучить и меня тоже».

Такое было весьма логичным.

«Он собирается подпитываться моим страхом и печалью», – решил Тилль.

И тут, словно в подтверждение догадки Беркхоффа, Трамниц заявил:

– Потому что ты меня заинтриговал.

Затем психопат нагнулся и поцеловал его в лоб. При этом от омерзения у Тилля на мгновение даже прошла боль в голове.

«Чем заинтриговал? – подумал Тилль. – Сколько страданий может вытерпеть один человек?»

Трамниц снова выпрямился и сделал шаг назад, заложив руки за спину и задумчиво наморщив лоб.

– Мне следует немного поторопиться, – заявил он. – Я и так слишком долго у тебя пробыл. Через пять минут ко мне должны прийти, и к тому времени я должен быть в своей палате. Поэтому пока остановимся на том, что на этот раз ты не солгал и тебя действительно зовут Тилль Беркхофф, что ты отец Макса, этого симпатичного сорванца, которому отведена главная роль в моем последнем дневнике.

От этих слов желудок Тилля судорожно сжался.

– Тогда получается, что ты проделал долгий путь, – продолжал излагать свою мысль Трамниц. – Тебе пришлось кое-что испытать, чтобы добраться до меня. Осталось только решить последний вопрос. И вопрос этот звучит так: сможешь ли ты пройти свой путь до конца?

– Я... я... – снова начал заикаться Беркхофф, ненавидя себя за это. – Я не понимаю.

И такое его заявление было вполне понятно: ведь вопрос заключался в том, можно ли вообще проследить ход мыслей больного убийцы.

Это явно исключалось, когда в голове у Тилля продолжал работать отбойный молоток.

– У меня состоялась беседа, назовем это таким словом, с небезызвестным доктором Фридером, – заявил Трамниц.

Фамилия врача показалась Тиллю знакомой, и после короткого раздумья он вспомнил, о ком говорил Трамниц.

– Хирургом?

– Да, точно, с этим алкашом. Так вот, он умолял меня сделать одолжение и признаться в своих грехах. Не ему, нет.

– А кому?

– Он попросил меня рассказать родителям о том, что я сделал с их пропавшими детьми, и, как бы это выразить поточнее... В общем, он нашел более убедительные аргументы, чем ты, для того, чтобы заставить меня прислушаться к его просьбе.

С этими словами Трамниц потрогал пластырь, закрывавший послеоперационную рану, чем и воспользовался Беркхофф.

– Ты хочешь рассказать мне, что случилось с Максом? – спросил он и подумал: «О том, что ты с ним сделал? Где я найду его тело?»

В такое трудно было поверить, и Тилль уточнил:

– Добровольно?

– Еще лучше, – ухмыльнулся Трамниц. – Давай сыграем с тобой в одну логическую игру. Допустим, я поверил, что тебя действительно зовут Тилль Беркхофф и что ты отец маленького Макса. Теперь ты задаешь себе следующий вопрос: «Как далеко ты готов пойти? Что ты готов будешь сделать, если я прямо здесь и сейчас скажу тебе, что все еще сохраняется пусть небольшой, пусть даже совсем крошечный, но все же шанс?»

– Шанс? В чем? – прошептал Тилль.

– Как «в чем»? Да в том, что твой сын все еще жив!

Глава 48

От такого заявления у Тилля отвисла челюсть. На большее он просто был не способен. Ну, если только жалобно застонать.

«Жив?» – мысленно переспросил Беркхофф, не поверив своим ушам.

Такое слово давно не входило в его лексикон, во всяком случае, по отношению к сыну или относительно себя самого. Все его существо противилось этому, пытаясь не дать проникнуть отравленной стреле в глубины сознания, но ее зазубрины уже сделали свое дело.

«Он лжет, – пронеслось в голове у Тилля. – Конечно, лжет. Он просто хочет меня помучить».

Скорее отвечая подобным мыслям, чем желая прояснить ситуацию, он спросил:

– Как такое может быть? Макс уже год...

– Как пропал? Эй, я же сказал, что вероятность того, что он жив, крайне мала, ведь меня уже давно держат взаперти. Поэтому ручаться ни за что не могу. Тем не менее микроскопический шанс того, что он еще дышит, сохраняется.

С этими словами Трамниц подошел к окну и, глядя с высоты этого последнего этажа на мир, раскинувшийся по ту сторону стен клиники, снова спросил:

– Итак, как далеко ты готов зайти, чтобы узнать, говорю ли я правду? Однако прежде, чем что-то сказать, Тилль Беркхофф, он же отец Макса, хорошенько подумай. Да, и советую не лгать мне!

Затем Трамниц обернулся и в упор посмотрел на Тилля. При этом с его симпатичного лица исчез любой намек на дружелюбное выражение.

– Стоит мне только заметить, что ты снова меня обманываешь, а я, поверь на слово, хорошо умею читать по лицам людей, когда они говорят неправду, можешь забыть про этот разговор. Более того, я подниму тревогу и заявлю врачам, что ты без всякой на то причины разбил мне лицо и срезал ноготь с моего пальца.

Услышав такое, Тилль с трудом проглотил подступивший к горлу комок.

– Не трудно представить, что произойдет дальше, – развивал свою мысль Трамниц.

«Они нас разлучат», – подумал Тилль.

– В результате все шансы, что ты когда-нибудь снова окажешься рядом со мной, исчезнут.

«Причем навсегда», – мысленно согласился с ним Беркхофф.

Одновременно он никак не мог решить, что в результате произойдет – будет ли это означать избавление от мук или окончательный конец всем надеждам? Был ли вообще смысл в том, чтобы продолжать столь странный разговор? Может быть, Скания был прав, утверждая, что его совсем непродуманный план с самого начала означал дорогу в никуда?

– Итак, я задаю вопрос: на какой поступок ты готов решиться, чтобы узнать, что на самом деле произошло с твоим сыном? – спросил Трамниц.

«Насколько далеко я готов зайти?» – мысленно перефразировал его вопрос Беркхофф и, не задумываясь, ответил:

– Я бы отдал за это свою жизнь.

– О, в этом нет необходимости. Существует гораздо более простой способ добраться до истины.

– А кто даст гарантию в том, что ты мне не наврешь?

– Никто. Я ведь тоже не знаю, говоришь ли ты правду, Тилль Беркхофф, отец Макса.

– Хорошо, договорились. Итак, что мне надо сделать, чтобы ты рассказал мне о том, что случилось с моим сыном?

– Я не стану ничего тебе рассказывать, а просто покажу.

– Как это понимать?

– Я отведу тебя прямо к твоему сыну. Или к тому, что от него еще осталось.

От этих слов сердце у Тилля бешено забилося, и он спросил:

– Что я должен сделать для этого?

– Все очень просто, – с дьявольской ухмылкой ответил Трамниц. – Вытащи меня отсюда!

Глава 49

Рикарда

Рикарда дожидалась Гедеона Шульца, сидя в машине возле ресторана быстрого питания и наблюдая за тем, как заведение покидала очередная смена якобы прозорливых работников. Когда Гедеон вышел в дождь из служебного входа, то она его сначала не узнала – настолько низко натянул он свою бейсболку. По дороге к шоссе ему пришлось проследовать мимо ярко освещенных щитов с меню ресторана, перед которыми выстроились в очередь автомобили с голодными водителями, желавшими приобрести картофель фри, куриные крылышки, бургеры и других убийц сердечно-сосудистой системы. Здесь, возле окошек быстрого обслуживания она его и перехватила. Причем Шульц, казалось, нисколько не удивился, увидев ее под проливным дождем.

– Откуда вы это знали? – спросила Рикарда прорицателя, выйдя из автомобиля и поздоровавшись с ним.

– Что именно?

– То, что я хотела продать СМИ свой визит к вам?

– Я мог бы вам сейчас что-нибудь наплести о своем необъяснимом даре, но, по правде говоря, все очень банально, – робко улыбнулся Гедеон, под плащом которого просматривалась униформа работника ресторана.

Он указал на стоянку автомобилей справа от него и пояснил:

– В день нашей с вами встречи там припарковался фургон с номерным знаком Кёльна, на лобовом стекле которого были наклейки, позволяющие подъезжать к студиям RTL и WDR. По ним было нетрудно догадаться, что машина принадлежит телевизионной компании.

Одной рукой Рикарда поправила влажную прядь волос на лбу, удерживая другой зонтик, с которого стекали потоки воды.

– Все не так, как вы думаете, – сказала она. – Я сама не в восторге от работы телевизионщиков.

– Вы не знаете, что я думаю, – на ходу возразил ей Гедеон. – В отличие от меня. Я могу читать вас, как открытую книгу.

– Правда? – удивилась Рикарда, семеня рядом с ним и стараясь не наступать в лужи.

– Это может сделать любой человек с базовым психологическим образованием и способный чувствовать состояние других людей.

– И что же вы можете прочесть, глядя на меня?

В ответ Шульц посмотрел на нее через плечо и сказал:

– Вы истощены не только эмоционально, но и в финансовом отношении, фрау Беркхофф. На поиски Макса вы потратили целое состояние. Частный детектив, объявления в Интернете – все это стоило больших денег. К тому же сейчас вы совсем одна, потому что с вами нет мужа.

«Обо всем этом писали в газетах», – подумала Рикарда, но с ним не согласилась, заявив:

– Мой муж... не ушел.

– Нет? А где он сейчас? – с любопытством, но без издевки спросил Гедеон.

– Я... – начала было Рикарда и осеклась на полуслове. – Мне надо было пожить одной, и, где он сейчас, я не знаю.

Гедеон остановился и, не обращая внимания на струи дождя, хлеставшие по его брюкам, пристально посмотрел на нее. В этот момент возле подъездного пути к ресторану быстрого питания они были одни.

– Ваша дочь ожидает вас у вашей подруги? – внезапно поинтересовался Шульц.

– У друга, – честно ответила Рикарда. – Но это не то, о чем вы подумали. У меня нет нового партнера, это действительно просто хороший друг.

К этому моменту они подошли к ресторану.

– Тогда вы ощущаете утрату уже двоих людей в вашей жизни, – заметил Гедеон, как будто не услышав ее последние слова. – Вашего мужа и вашего ребенка. Однако вы ожидаете возвращения только одного из них, верно?

– К чему вы клоните?

– Вам надо найти вашего мальчика, иначе страховки вы не получите.

Прошло некоторое время, пока до Рикарды дошла наконец вся чудовищность подобного необоснованного заявления. Между тем Шульц снова оказался на два шага впереди, и ей пришлось ускорить шаг, чтобы его догнать.

– С чего вы это взяли? – запыхавшись, спросила она.

– У вас есть договор страхования жизни, а без трупа выплаты страховки не будет.

В ответ Рикарда язвительно рассмеялась, желая наказать его за абсурдность подобного предположения, но смех ее прозвучал несколько истерично.

– Нет, – заявила она. – Вы ошибаетесь. Никакой страховки не существует, а деньги мне действительно нужны для дальнейших поисков, например, чтобы заплатить вам.

– Ах, перестаньте, я не возьму с вас денег, – отмахнулся он. – Я не могу вам помочь.

С этими словами Гедеон встал под крышу автобусной остановки и снял бейсболку. Рикарде вновь бросилось в глаза то, как молодо выглядел Шульц для человека, утверждавшего, что видел в жизни гораздо больше многих других людей.

– Вы не можете или не хотите мне помочь? – спросила она, закрывая зонтик.

Шум дождя под навесом напоминал звуки ураганного артиллерийского огня из гороха.

– Все, что я чувствую, не соотносится друг с другом, – ответил Гедеон, изучая расписание движения автобусов. – Вы, деньги, ваш муж. Все может быть и так, как вы говорите, фрау Беркхофф, но я не могу этого проверить. Что-то здесь не сходится.

– Что?

Прежде чем ответить, Шульц взглянул на часы и только потом снова повернулся к Рикарде.

– Дело не только в вас, вашем муже и вашем сыне. Есть еще один человек.

От этих слов у Рикарды перехватило дыхание. У нее возникло ощущение, что дождь впитал в себя кислород из воздуха, и если раньше для наполнения легких ей хватало одного вдоха, то теперь приходилось делать два.

– Вы имеете в виду похитителя? – поинтересовалась она.

– Возможно, – пожал он плечами. – Когда вы дали мне во время нашей предыдущей встречи фотографию Макса, я увидел рядом с ним больного человека.

– Вы имеете в виду больного маньяка, который держит его у себя?

– Этого я не могу утверждать, но чувствую, что очень скоро этот человек отведет вас к Максусу.

Произнеся эти слова, Гедеон отвернулся и глянул вверх по улице, чтобы убедиться, не подходит ли автобус. И действительно, сквозь завесу дождя вдаль показались два световых пятна. Тогда Рикарда схватила Шульца за плечо и спросила:

– Скажите, Макс все еще жив?

– Не знаю, – сочувственно покачав головой, ответил он. – Видение было слишком коротким.

Рикарда жестом указала в сторону своей машины и умоляюще произнесла:

– У меня и сегодня фотография с собой. В сумочке есть и другие предметы, с которыми Макс играл. Детали конструктора и...

– Не сегодня, – прервал ее Гедеон и, тряхнув головой, надел бейсболку. – Сейчас я не готов. У меня была тяжелая смена.

Между тем рокот дизельного двигателя автобуса стал угрожающе приближаться, и появившийся железный колосс явно намеревался похитить собеседника Рикарды.

– А в последний раз? – поспешила задать она вопрос. – Вы видели что-нибудь еще?

– Не видел, а скорее почувствовал запах.

– Запах чего?

– Крови, выстрела... Не могу описать это иначе, но, когда я взглянул на фотографию, мне показалось, что пуля попала в голову.

«Он чувствовал запах от выстрела?» – пронеслось в голове у Рикарды.

– Чья это была голова?! – воскликнула она.

В этот момент автобус подъехал к остановке, подняв тучу брызг, но ни на Шульца, ни на Рикарду они не попали.

– Я не знаю. Могу сказать только одно, – повернулся к ней Гедеон и, глядя прямо в глаза, заявил: – Вы снова увидите своего сына.

От таких слов сердце у Рикарды чуть было не остановилось.

– Так он еще жив? – в который уже раз спросила она.

– Трудно сказать. В том подвале много умерших. Кто-то выживет, но не все. Но я не могу с точностью утверждать, что ваш сын там.

В этот момент двери автобуса открылись, а сама машина несколько наклонилась в сторону бордюрного камня, чтобы пассажирам было легче в нее забираться. Гедеон уже поставил ногу на ступеньку, когда Рикарда, тщетно пытаясь удержать его за руку, спросила:

– А если я найду Макса? Что будет потом?

Шульц нервно прищурился и заявил:

– Это я вижу вполне отчетливо. Вы стоите перед закрытой дверью и плачете.

– В каком месте? Почему перед закрытой дверью? Где вы меня видите? – сыпала она вопросами, пока Шульц поднимался по ступенькам.

Гедеон медленно повернулся к ней и, прежде чем двери закрылись, сказал:

– В тюрьме.

Из-за шума дождя его слова было трудно разобрать, но Рикарда все же их услышала, и они раскаленным железом врезались в ее мозг, вызвав неопишемую волну страха. В этот момент двери закрылись, и автобус уехал, оставив ее на остановке наедине со зловещим пророчеством, от которого у нее перехватило дыхание.

Глава 50

Тилль

– Я... Что я должен сделать?

– Ты отлично меня понял, – сказал Трамниц. – Наша сделка довольно проста: если ты вытащишь меня отсюда, то я приведу тебя к Максусу. И чем быстрее у тебя это получится, тем больше вероятность того, что твой мальчик будет еще жив.

От таких слов Тиллю показалось, будто весь мир зашатался, и он, чтобы не грохнуться на пол, непроизвольно схватился за металлический каркас кровати, хотя и понимал, что это всего лишь игра его воображения. Да и сам разговор с психопатом представлялся Беркхоффу нереальным.

Все его существо отказывалось понимать, что убийца предлагает ему сделку. Ведь всякий раз, когда раньше Тилль мысленно представлял себе первую встречу с Трамницем, в его мозгу всплывали какие-то несвязные образы, наполненные неконтролируемо сильными эмоциями, напоминая бред больного, мечущегося в лихорадке. И даже если бы он попытался все проанализировать и внутренне подготовиться к этой встрече, то такого развития разговора предвидеть Беркхофф все равно бы не смог.

– Это какой-то абсурд, – наконец выдал он из себя.

– Почему?

– Потому что, потому...

Причин считать предлагаемую маньяком сделку абсурдной было так много, что Тилль даже не знал, с чего начать. Собравшись с мыслями, Беркхофф попытался разъяснить Трамницу совершенно очевидные факты, которые должен был понимать даже психопат.

– По сути, мы являемся пленниками в заведении с режимом наивысшей безопасности. Как мне это сделать?

В ответ Трамниц выпятил нижнюю губу, пожал плечами и заявил:

– Ты ведь как-то проник сюда. В одиночку у тебя это ни за что не получилось бы. Следовательно, люди, которые тебе помогали,

обладают нужными связями. Убеди их употребить эти связи для меня, и я отведу тебя к Максусу.

У Тилля в мозгу отпечатывалось каждое его слово: «проник», «помогали», «связи». И их значение было ему понятно. Они походили на канцелярские кнопки, с помощью которых воображаемое письменное требование Трамница крепилось к его мозгу. Но в этой записке отчетливо читалось только одно: «...и я отведу тебя к Максусу».

А ведь именно для этого он и был здесь, перетерпев уколы, удары, боль и страх. Зачем теперь прислушиваться к доводам разума, если до этого Тилль следовал только голосу отчаяния?

– Хорошо, – проговорил наконец Беркхофф, слыша себя как бы со стороны и не узнавая свой бесцветный голос.

Тилля не оставляло мерзкое ощущение, что его разум отделился от тела и наблюдает за тем, как он заключает сделку с дьяволом в тщетной надежде вновь обнять своего сына.

– Я попытаюсь, – прошептал Беркхофф и выдвинул ящик из тумбочки.

Дрожащими руками он взял фолиант, раскрыл «Улисса», но телефона в книге не оказалось. Тилля пробил озноб, а когда он взглянул на Трамница, то ему почудилось, что в палате стало очень холодно.

– Где он? – спросил Беркхофф.

– Где что?

– Мой мобильник.

– Твой телефон? – делано удивился Трамниц.

– Да, ты, должно быть, нашел его в книге, – ответил Тилль, постучав пальцами по отверстию, выдолбленному в фолианте, и снова захлопнул его.

Сначала Трамниц разыграл недоумение, но потом расхохотался. Убийца подошел к телевизору, висевшему на стене, встал на цыпочки, чтобы достать до его верхнего края, и вытащил какой-то предмет, который, по-видимому, был зажат между экраном и стеной.

– Ты это имеешь в виду? – с простодушным видом спросил он.

«А что же еще?» – подумал Тилль и со вздохом облегчения схватил телефон, протянутый ему Трамницей.

При этом у Беркхоффа сложилось впечатление, что пластиковый корпус мобильного телефона на ощупь стал почему-то грубее и вообще каким-то

другим.

– Зачем ты спрятал его?

– Я подумал, что ты не хочешь, чтобы его у тебя нашли.

– Почему ты не забрал его себе?

– Потому что я, в отличие от тебя, не знаю, кому позвонить, чтобы нас вытащили отсюда.

– Я тоже не знаю, – сказал Тилль.

– Гм, это было бы плохо, – произнес Трамниц и подошел к Беркхоффу ближе.

Он положил руку Тиллю на плечо, сжал его и тихо, но весьма настойчиво проговорил:

– Неужели ты хочешь прожить остаток жизни с мыслью о том, что твой сын умер только из-за того, что тебе не удалось убедить кого надо?

С этими словами Трамниц убрал руку с плеча Беркхоффа, и тому показалось, что под ночной рубашкой на теле остались следы от ожога.

– Звони! Используй свой шанс! – воскликнул маньяк.

«Какой, к черту, шанс? Как мне это сделать?» – подумал Тилль, чувствуя, что телефон буквально выскальзывает у него из руки. Настолько сильно он вспотел.

– Я ухожу, – заявил Трамниц. – Не буду тебе мешать.

Беркхофф подождал, пока психопат покинет его больничную палату, а потом, приняв отчаянное решение, нажал на кнопку быстрого набора номер один.

Ему был нужен Скания.

Глава 51

В телефоне слышались гудки – шестой, затем седьмой, – но на другом конце не отвечали. И это после третьего набора номера! Тилль дождался, наверное, тридцатого гудка, когда короткие сигналы засвидетельствовали окончание вызова.

«Какого черта? – подумал Беркхофф. – Скания, где ты? И зачем отключил голосовую почту?»

Тилль хотел объяснить шурина все начистоту, рассказать, что дневник на самом деле существует и что Трамниц заявил о том, что Макс спрятан в укромном месте и, возможно, еще жив. И что узнать правду можно, только выпустив для видимости преступника из клиники под негласным наблюдением.

Если Оливеру удалось внедрить его сюда, то он наверняка имел возможность организовать слежку, точнее побег, который на самом деле являлся бы тайным расследованием.

Разумеется, Тилль знал, как шурин отреагирует на такую его идею. Он не был даже уверен, что сможет грамотно сформулировать ее, если ему удастся дозвониться до Оливера.

– Ты там окончательно свихнулся? – наверняка скажет Скания.

Одно только обстоятельство, что шурина необходимо было официально заявить о том, что он внедрил Тилля в «Каменку» под видом пациента, делало этот план неосуществимым. Беркхофф вряд ли услышал бы в ответ на свое предложение что-то иное, кроме восклицаний: «Я сейчас немедленно вытащу тебя обратно!» и «Ты там совсем с ума сошел!». К тому же двадцать четыре часа, которые отвел ему Скания для решения вопроса, давно уже истекли, и он не знал, что шурин уже успел предпринять.

Однако на данный момент у Тилля не было возможности услышать даже гневные реплики и возражения, поскольку Скания не отвечал. Беркхофф набирал номер шурина снова и снова, но все было напрасно.

Тогда он попробовал набрать второй сохраненный номер, но ситуация оказалась еще более загадочной.

– Неправильно набран номер. Пожалуйста, позвоните в справочную.

«Что за ерунда?» – подумал Тилль.

Происходящее казалось просто нереальным.

После этого он решил позвонить Рикарде, чей телефонный номер помнил наизусть, но результат оказался прежним.

«Почему нет связи по этому номеру?» – ломал голову Тилль.

У его жены был очень простой номер, состоявший, по сути, из даты ее рождения. Она не меняла его уже более двадцати лет даже при переходе на обслуживание к другому оператору связи, поскольку считала этот номер чем-то вроде талисмана. Поэтому ситуация, при которой Рикарда добровольно отказалась бы от него, совершенно исключалась. Тем не менее в мобильнике слышалось:

– Неправильно набран номер.

Ничего не понимая, Тилль посмотрел на телефон в своей руке, и у него вновь возникло ощущение, что с мобильником что-то не так. И тут его озарило!

Конечно! Здесь не обошлось без Трамница!

Беркхофф не знал как, но в том, что это было делом рук маньяка, не сомневался. Другого объяснения подобным странностям просто не существовало.

«Негодяй хочет, чтобы я запутался, расстроился и страдал, а для этого разжигает несбыточные надежды и ждет, пока жертва попадет в расставленную им психологическую ловушку», – догадался Тилль.

Беркхофф в отчаянии решил попробовать набрать третий и последний номер. Однако особой надежды на то, чтобы дозвониться до своего нотариуса, он уже не питал. Но тут послышался голос, представлявший собой угрозу во всех отношениях. И раздавался этот голос не из телефона, хотя и звучал совсем близко.

Он принадлежал фрау Зенгер, которая, зайдя в больничную палату к Тиллю, застала его с поличным при попытке совершить телефонный звонок.

– Что вы там делаете? – спросила профессорша.

Глава 52

– Значит, на самом деле вас зовут Тилль Беркхофф? – задала вопрос фрау Зенгер.

Они сидели вдвоем за круглым обеденным столом в ординаторской лазарета, поскольку руководитель клиники попросила персонал оставить их наедине. Фрау Зенгер привела Тилля сюда после того, как в его палате дело чуть было не дошло до потасовки.

Беркхофф ни при каких обстоятельствах не желал отдавать свой телефон. Не помогла даже угроза надеть на него смирительную рубашку. Тогда фрау Зенгер, видимо учитывая немощное физическое состояние своего пациента, решила избежать насилия по отношению к нему, и в конце концов они договорились, что Тилль отдаст ей свой мобильник, если она позволит ему позвонить с городского стационарного телефона.

Только после этого он прекратил сопротивление и, мучаясь от боли, последовал за ней в ординаторскую, которая, в отличие от палат и процедурных, по мнению фрау Зенгер, лучше всего подходила для конфиденциальной беседы. Но Тилль не позволял себе обмануться действиями руководителя клиники, пытавшейся вызвать у него доверие, и отказался от предложенной ему чашечки кофе с куском пирога. Ему не терпелось воспользоваться телефоном, стоявшим прямо перед ним, и это было единственным, чего он хотел. Однако перед тем, как позволить Тиллю позвонить, фрау Зенгер по вполне понятным причинам желала, чтобы он ответил на несколько ее вопросов.

– Да, перед вами не Патрик Винтер. Это просто мое прикрытие. В действительности никакой я не актуарий, а обычный обербрандмейстер.

Если руководитель клиники и была удивлена, то виду не подала, вероятно спрятав свое изумление за профессиональной маской психиатра, специально отработанной для сложных разговоров с пациентами.

– Почему вы взяли другое имя? – спросила фрау Зенгер и в упор посмотрела на него.

Не выдержав ее взгляда, Тилль отвел глаза и стал разглядывать мебель в ординаторской, отмечая про себя, что медперсонал, очевидно, приложил немало усилий, чтобы немного скрасить скучную больничную атмосферу пышно разросшимися растениями: на подоконнике стояло так много пальм и кактусов, что за ними решетки на большом окне почти не просматривались.

– Я не просто взял себе другое имя, а полностью присвоил личность Патрика Винтера, – заявил Тилль, отвечая на заданный вопрос.

– Зачем?

– Я все объясню. Разрешите только сначала переговорить с женой.

Несмотря на то что до этого он в первую очередь пытался дозвониться до шурина, теперь Тилль ясно осознавал, что чуть было не совершил ошибку. Прежде всего ему следовало известить Рикарду о том, что ему удалось выяснить, и сообщить ей, что шанс вернуть их сына еще сохраняется. Если ему удастся вселить в нее огонек надежды, то тогда, чтобы все выяснить, она станет сражаться на его стороне, словно львица. Кроме того, как мать, она обладала правом первой узнать от него всю информацию, которую ему удалось добыть.

– Если вы не Патрик Винтер, то в наших документах нет контактных данных вашей жены, – с трудом подавив вздох, сказала фрау Зенгер.

– Я хорошо помню ее номер. Пожалуйста, попробуйте его набрать! – воскликнул Беркхофф и продиктовал цифры телефонного номера Рикарды.

К его удивлению, фрау Зенгер не стала больше задавать вопросов, а вынула трубку из зарядного устройства и набрала названный номер. С замиранием сердца Тилль услышал гудки, а когда на другом конце провода ответили, то оно чуть было не выпрыгнуло у него из груди.

«Мое предположение, что Трамниц что-то сделал с мобильником, оказалось верным», – подумал он.

По городской линии связи Рикарда оказалась доступной!

– Алло! С вами говорит профессор Зенгер из «Каменной клиники». Добрый день. Ваш муж сидит напротив меня и хочет с вами поговорить. Да, да, я знаю. Весьма сожалею.

«О чем она сожалеет?» – подумал Тилль.

Он не успел удивиться извинениям руководителя клиники, как она передала ему трубку. В горле у Тилля запершило, как будто он съел что-то горькое, и Беркхофф непроизвольно закашлялся.

– Алло! – произнес он.

Однако в трубке была тишина. Тогда Тилль закрыл глаза, чтобы не видеть ни фрау Зенгер, ни ординаторской, ни самой клиники, пытаясь сосредоточиться на самом важном телефонном разговоре в своей жизни.

– Привет, дорогая, это я.

– Слышу.

В голосе Рикарды звучала тревога, что было объяснимо, поскольку с мужем ее связала сама руководитель психиатрической лечебницы.

– Не волнуйся, все хорошо, я в порядке.

В трубке опять возникла тишина. Казалось, Рикарда потеряла дар речи, и такое, учитывая сложившуюся ситуацию, было вполне объяснимо.

– Не знаю даже, с чего начать. Я осознаю, что мои слова покажутся безумными. Мне и самому с трудом в это верится. Точнее, я хочу в это верить.

– Не понимаю...

– Я и сам не понимаю, – прервал он сухо звучащий голос жены. – Мне трудно это сформулировать так, чтобы тебя не ранить. Поэтому скажу проще. Мне удалось сделать то, зачем я здесь, и установить контакт с Трамницем.

– С Трамницем? Этим убийцей?

– Да, верно. Как я и обещал. И он говорит... – В этот момент Тилль крепко сжал веки, но сдержать скупые слезы не смог, и они покатались у него по щеке. С трудом переведя дух, он продолжил: – Он говорит, что наш сын, возможно, еще жив.

– Что ты сказал? – простонала Рикарда.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Это маловероятно, однако...

– Зачем?

Она произнесла всего одно слово, но и этого было достаточно для того, чтобы окончательно выбить Тилля из колеи. Он снова открыл глаза и заморгал, думая не о том, что сказала его жена, а о том, как она это произнесла.

Это «зачем?» прозвучало так холодно, так агрессивно, почти с ненавистью!

– Не понял.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она ледяным тоном.

– Я... я... – начал заикаться Беркхофф. – Я хочу ясности, дорогая. Мы же говорили об этом, и ты тоже хотела все прояснить и даже попросила, чтобы я заставил его страдать.

В трубке вновь послышался стон. Но на этот раз в нем было меньше боли, а больше раздражения, можно даже сказать, ярости.

– Послушай меня, – заявила Рикарда. – Я уже сказала об этом фрау Зенгер. Больше такого мне не вынести. Прекрати все это!

– Прекратить?

– Да. Оставь меня в покое. Оставь нас в покое. И никогда мне больше не звони, Патрик.

За этим заявлением последовало ужасное: она повесила трубку. На линии раздался короткий щелчок, который показался Тиллю ударом запираемой двери в застенке. Рикарда прекратила с ним разговор по той же непонятной ему причине, по какой назвала его «Патриком».

«Почему она назвала меня моим псевдонимом?» – лихорадочно принялся размышлять он.

– Так что вы хотели мне рассказать? – донесся до него голос фрау Зенгер.

Тилль поднял глаза и в это мгновение, глядя на женщину, чей образ смутно проступал через пелену слез, застилавших ему взор, вспомнил, что он не один. Вспомнил Беркхофф и то, что эта дама, сидевшая напротив, ждет от него доказательств его утверждений. Доказательств, которых у него не было.

– Я – Тилль Беркхофф, – с вызовом произнес он.

Так обычно отвечают маленькие дети, говоря «потому», на поставленный им вопрос «почему?».

– Ваша жена отрицает это, – рассудительно проговорила фрау Зенгер. – Она сказала мне, что вас зовут Патрик Винтер.

«И никогда мне больше не звони, Патрик», – вспомнил Тилль последние слова Рикарды.

– Это мой псевдоним. Судите сами. Мне... мне неизвестно, что здесь происходит. Но я здоров и притворился больным только для виду, чтобы попасть сюда.

– Зачем вам это понадобилось?

– Чтобы оказаться ближе к убийце моего сына.

– Как зовут вашего сына?

– Что за глупый вопрос. Его зовут Макс. Разве вы не читаете газеты? Макса похитили более года назад.

– Макса Беркхоффа?

– Совершенно верно. Почему вы смотрите на меня так, словно я говорю о летающих тарелках? Вы же знаете, почему Гвидо Трамница здесь закрыли.

– Не закрыли, а препроводили на лечение, – поправила она, как будто между этими словами была огромная разница.

«Слова «изолировали от общества» или по-другому «закрыли» имеют только один смысл, тем более что детоубийцы излечению не поддаются», – подумал Тилль и сказал:

– Он лишил жизни не только двоих детей, в чем уже признался. Он также похитил, мучил и убил моего сына.

– Он точно это сделал?

– Но он молчит.

– И вы хотите получить от него необходимые сведения?

– Да, конечно. Какой отец этого не хочет?

«И никогда мне больше не звони, Патрик», – почему-то вновь вспомнились Тиллю последние слова Рикарды.

– Значит, вы проникли сюда, притворившись больным?

– Да, эта идея родилась у меня, когда я услышал, что Трамниц ведет дневник. И знаете что? Это оказалось правдой, и я могу доказать, что Макс на его совести.

– С помощью дневника?

– Совершенно верно. Вы должны обыскать его палату. Там в тумбочке есть тайник.

«Или был. Я же его сломал», – пронеслось в голове у Беркхоффа.

– Тайник?

В голосе фрау Зенгер вновь прозвучала интонация, как будто она разговаривала с младенцем или человеком, страдающим от бредовых видений.

«О боже! Со стороны я действительно кажусь сумасшедшим», – мысленно сказал себе Тилль.

Тогда он решил открыть карты и сказал:

– Хорошо, я знаю, что вы мне не верите. Это можно понять. Я тоже на вашем месте не верил бы. Но мои слова может подтвердить мой шурин. Он полицейский. Это он подобрал для меня личность Патрика Винтера и внедрил сюда.

После такого его заявления фрау Зенгер глубоко вздохнула, как человек, который желает взять себя в руки, и спросила:

– Как его зовут?

– Оливер Скания.

– Его номер телефона вы тоже помните?

На этот раз Тиллю пришлось признать, что этот номер он не знает.

– Нет, но он работает в полицейском участке номер сорок четыре. Телефон легко найти в любом онлайн-реестре. Позвоните ему на службу в Темпельхофе и спросите Оливера Сканию.

Фрау Зенгер с сомнением покачала головой, но потом сказала:

– Лучше это сделаете вы сами.

С этими словами она во второй и в последний раз предоставила в его распоряжение телефон, но включила режим громкой связи.

Глава 53

– Добрый день. У аппарата Тилль Беркхофф. Могу я поговорить с Оливером Сканией?

– По какому вопросу?

– По личному. Комиссар Скания – мой шурин.

– Минуточку.

Деловой женский голос сменился классической музыкой, заполнявшей паузу в ожидании соединения, а затем раздался нетерпеливый бас очень занятого и явно пожилого человека, который, не представляясь, сразу же перешел к делу:

– Алло! Вы хотели поговорить с комиссаром Сканией?

– Да.

– Он здесь больше не работает.

«Ого! Он наверняка вылетел с работы за то, что мне помог», – подумал Тилль.

– Простите?

Только после этого вопроса до Беркхоффа дошло, что он высказал свои мысли вслух.

– В чем помог вам Скания? – между тем спросил мужской голос на другом конце провода.

– Не важно, – бросил Тилль, злясь на себя за то, что проговорился.

После такого начала разговора не было ничего удивительного в том, что полицейский служащий стал подозрительным и начал задавать дополнительные вопросы.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Патрик... э-э-э... Тилль Беркхофф. Послушайте, мне срочно необходимо переговорить с моим шурином. Он не оставил вам свой номер телефона?

– Оливер ваш шурин?

– Да.

– И вы ничего не знаете?

Голос полицейского служащего стал звучать еще более подозрительно. Между тем из трубки доносились отдаленные

телефонные звонки, клацанье клавиатуры, голоса, в общем, все то, что характерно для работы большого офиса.

– Чего я не знаю?

– Дайте мне доктора, – потребовал полицейский.

– Простите?

– Во время нашего разговора я проверил номер, по которому вы звоните. Звонок исходит из психиатрической клиники. Врач рядом с вами?

Тилль посмотрел на фрау Зенгер и передал ей трубку. Она взяла, выключила громкую связь, а затем представилась полицейскому в качестве руководителя «Каменной клиники».

– Извините, если мы вас оторвали от дел, но этот разговор был необходим по терапевтическим причинам. Позже я вам перезвоню и объясню все более подробно.

«Необходим? По терапевтическим причинам?» – ошеломленно повторил про себя Тилль.

Затем он снова оглядел ординаторскую. При этом его взгляд перескакивал с одного личного предмета персонала на другой, задержавшись на пузатой кофейной чашке, магнитах на холодильнике и сменной обуви, стоявшей под батареей отопления. Уставившись на растения возле окна с решеткой, Беркхофф впервые ощутил настоящий страх.

Тилль по-настоящему испугался возможности остаться здесь навечно, так и не узнав правду о Максе. Тогда он посмотрел на фрау Зенгер, которая, разговаривая по телефону, положила руку на затылок.

«О боже! Она мне не верит, считая, что я Патрик Винтер», – с ужасом подумал Тилль.

– Хорошо, я понимаю. Это больше не повторится, – между тем заявила руководитель клиники, повесила трубку и встала.

– Подождите, пожалуйста! Вы должны выслушать меня! – тоже вставая, в отчаянии сказал Тилль.

– Естественно, я вас выслушаю. Завтра у нас с вами будет долгая встреча, если, конечно, этому не помешает состояние вашего здоровья.

– Нет! Не завтра! – воскликнул Тилль и ударил кулаком по столу. – Сейчас! Вы не понимаете. Это... это...

– Заговор? – опередила его фрау Зенгер, словно вытащив это слово у него изо рта.

Ситуация сделалась еще более невероятной.

– Я не знаю, что происходит. Нам необходимо дозвониться до моего шурина. Он сможет вам все объяснить.

– Это вряд ли получится, особенно после того, что сказал мне полицейский по телефону.

Тилль снова взглянул на решетку за окном, а потом посмотрел на фрау Зенгер.

– Что он сказал? – спросил он.

– Вы действительно хотите это услышать?

– Естественно.

– Оливер Скания мертв.

В горле у Тилля мгновенно пересохло.

– Мертв? – с трудом выдавил он из себя.

– Да. Сканию нашли в его собственной квартире, после того как он не пришел на службу. Судя по всему, он покончил с собой.

Глава 54

Тиллю не потребовалось успокоительное. Ни уколы, ни смирительная рубашка также не понадобились. Отказался он и от услуг санитаря, чтобы добраться до своей палаты.

Внешне Тилль оставался спокойным, но внутри у него бушевало пламя. Беркхоффу хотелось разнести ординаторскую в пух и прах, оторвать холодильник от крепления и перевернуть его вместе с нелепыми отпускными магнитами. Он горел желанием схватить одно из растений, лучше всего кактус с длинными колючками, чтобы отхлестать им фрау Зенгер по ее притворно озабоченному лицу, а затем с громким криком броситься по коридору, в котором его наверняка уже поджидал Симон или какой-нибудь другой санитар.

От всего этого его удерживали отнюдь не способность контролировать свои действия, не благоразумие или понимание бессмысленности такого поведения, а ощущение полнейшего истощения сил. Ему было по-настоящему плохо. Голова гудела, как у человека, умирающего от жажды, а глаза слезились, и каждый шаг назад в палату, который он делал, опираясь на фрау Зенгер, давался Тиллю с невероятным трудом.

У него даже мысли текли, словно плотная слизь, сводясь, по сути, к одному вопросу: «Что происходит? Почему Рикарда отреклась от него, а Скания покончил с собой?»

Во всем этом, казалось, не было никакого смысла. Только вчера он разговаривал с шурином по телефону, а кроме того, Скания не относился к числу людей, способных на самоубийство. Однако можно ли вообще утверждать, что есть определенный тип людей, предрасположенных к суициду?

Скорее всего, правильнее было бы сказать, что у каждого человека наступает такой момент, когда он начинает разрушаться, отрекаться от самого себя, наносить себе раны и позволяет управлять собой. Или такое утверждение тоже ошибочно?

Единственное, в чем не оставалось сомнений, так это в положении, в котором он оказался: Тилль сам себя засадил, по сути дела, в тюрьму, из которой не было выхода. В клинику, где персонал

воспринимал его все более ненормальным по мере того, как он упорствовал в стремлении доказать свою правоту.

Результат предпринятых им действий был очевиден: Беркхофф оказался в безвыходной ситуации. Только вот оставалось невыясненным почему.

Каков был план у этого заговора? Кто мог быть заинтересованным в том, чтобы сжечь за ним все мосты и засадить его в клинику навечно?

В поисках ответов в мозгу у Тилля постоянно стояли и другие вопросы, которые буквально сводили его с ума: «Говорил ли Трамниц правду? Был ли там, за пределами клиники, Макс еще жив? Дышал ли он еще? Плакал или страдал? И кто еще, кроме Трамница, знал об этом?»

Кто были эти люди, что отреклись от Тилля, игнорировали его положение и бросили в аду, который он сам для себя избрал?

Когда фрау Зенгер уложила его обратно в постель, Беркхофф добровольно принял болеутоляющее и снотворное средство, после чего провалился в черную дыру без сновидений, из которой несколько раз выныривал в действительность. Такое происходило настолько часто, что ему стало казаться, будто он не проспал и часа, хотя на самом деле наступил уже полдень следующего дня. В этот момент верхний свет в его палате зажегся, и в палату вошли два человека.

– Седа? – удивленно и едва ворочая пересохшим языком, спросил Тилль, увидев сначала библиотечную тележку.

Его глаза все еще слипались, как будто у него образовался сильнейший конъюнктивит. Именно по этой причине он не сразу заметил второго человека, который занял место Седы, пока та запирала дверь в палату.

– У нас мало времени, – произнес он.

Тилль вытянулся в постели и убедился в том, что его первоначальное предположение оказалось верным – Седу сопровождал Симон.

– Чего вы хотите? – спросил Беркхофф, не узнавая своего голоса.

Возможно, причиной того, что его язык распух и раза в два увеличился в размерах, являлись остаточные явления от действия снотворного, а может быть, ему просто требовалось срочно попить.

– Я принес вам воды, – сказал Симон, словно прочитав его мысли.

При этом чернокожий санитар поднял пятилитровую канистру.

«Зачем столько? Одной бутылки было бы вполне достаточно», – удивился Тилль.

Затем он увидел, как Симон нервно посмотрел на часы, и ситуация окончательно превратилась во что-то нереальное, когда Седа прошептала:

– Мне нужна твоя помощь.

«Все это мне снится, – подумал Тилль. – Я еще не проснулся».

Однако Беркхофф не был в этом убежден, поскольку все его чувства оказались странным образом обостренными, чего во сне быть не могло. Он слышал даже шуршание роликов на тележке, когда Седа подкатывала ее поближе к его кровати, а также ощущал исходящий от женщины нежный запах цветочных духов и видел красноватые прожилки в белках ее темных и наполненных грустью глаз.

– Помощь? – переспросил Тилль.

Если бы он не опасался возобновления головных болей, которые совсем недавно вспыхивали, словно огонь, то наверняка рассмеялся. Более абсурдной просьбы трудно было представить, ведь Беркхофф лежал здесь взаперти и израненный. Он и сам не представлял, как выпутаться из того положения, в котором оказался. Но эта миниатюрная женщина с бледным и хрупким, как у фарфоровой статуэтки, личиком обращалась за помощью именно к нему.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, но у нас мало времени, – сказал Симон. – Перемещение начнется через несколько часов, а поэтому...

– Минуточку, – прервал его Тилль, оторвав взгляд от Седы. – Что за перемещение?

В ответ санитар указал на окно, которое будто бы занавесили тяжелыми шторами, – такая на улице стояла темень, и заявил:

– Из-за потопа, разверзшегося на улице, поврежден водопровод, что повлияло на водоснабжение лазарета.

«Вот почему он принес канистру», – догадался Тилль.

– Мы все еще пытаемся с нашими запасами в буквальном смысле слова держаться на плаву, – продолжал между тем разъяснять ситуацию Симон. – Но душ и слив в туалетах уже не работают. Воду приходится доставлять вручную. В общем, сложилась неприемлемая

ситуация, и поэтому нам придется распределить пациентов по другим больницам.

– А куда переводят меня? – спросил Беркхофф, заметив, как Седа взяла из тумбочки ставший уже ненужным фолиант Джеймса Джойса и положила его на библиотечную тележку.

– Вас? – переспросил Симон. – Никуда. Ваше состояние не столь критично, чтобы мы не могли продолжать лечить вас в третьем отделении. Ведь, по сути, вам требуется только кровать да болеутоляющие средства. До тех же пор, пока душ снова не заработает, воды вам для того, чтобы умыться на скорую руку, хватит.

– А Трамниц? – спросил Тилль и, боясь услышать ответ, закрыл глаза.

– Его точно переводят.

«Нет, нет, такого не может... так не ДОЛЖНО быть!» – мысленно воскликнул Беркхофф, а вслух произнес:

– Но почему? С ним же, в отличие от меня, все в порядке. Я даже имел с ним довольно продолжительную беседу.

– Именно поэтому я и пришла, Патрик, – сказала Седа.

Услышав свой псевдоним, Тилль еще больше впал в отчаяние.

– Не называй меня так, – попросил он.

– Хорошо, если ты так хочешь, – ответила она и, пригладив свои черные как смоль волосы, заявила: – Мы можем говорить откровенно. Я наконец-то собралась с духом и доверилась Симону, рассказав ему, что ты тоже был в палате у Трамница, когда мне пришлось к нему прийти.

– И что?

– Ты подтвердишь это? – судорожно сглотнув, спросила Седа.

– Что ты здесь работаешь проституткой?

– Да, но не только это... – Она стыдливо опустила взгляд в пол. – Я надеялась, что ты подтвердишь, что делать такое мне приходится по принуждению.

Произнеся такое, Седа совершенно растерялась и посмотрела так, как будто внезапно стала совсем маленькой и запуталась не только в своей одежде, ставшей почему-то на много размеров больше, но и в неожиданно разросшейся до невероятных пределов палате. Вязанный мышинового цвета джемпер повис на ней, словно плащ, а рядом с мощным чернокожим санитаром Седа и вовсе выглядела как

маленькая беспомощная фарфоровая кукла, которой каждое слово давалось с огромным трудом.

В этот момент у Тилля возникло такое ощущение, будто они с Седой знакомы очень давно, а не несколько дней. И хотя с момента его прибытия в клинику они обменялись всего несколькими словами, по отношению к этой хрупкой женщине у него появилось чувство глубокого сострадания.

– Я знаю, что с тобой делает Касов, – мягко сказал он.

В ответ Седа молча кивнула, а Симон шумно вздохнул. При этом у санитаря резко обозначились скулы – с такой злостью он сжал челюсти.

– Ты совершенно здорова, Седа, – между тем продолжал говорить Тилль. – Касов незаконно внедрил тебя в клинику, чтобы ты приняла участие в тестировании лекарств, за что ему платят немалые деньги. – Произнося это, Беркхофф посмотрел на Симона, лицо которого буквально окаменело, и продолжил: – Полагаю, что часть этих денег Касов переводит на нужды клиники, а за это здесь закрывают глаза на некоторые его проделки. Верно? Например, когда он угрожает пациентам, запирает их вместе с одержимыми манией убийства психопатами или заставляет тебя заниматься для него проституцией.

– Все это сказал вам Трамниц? – уточнил Симон.

– Да, и он важный свидетель. Поэтому его ни при каких обстоятельствах нельзя переводить в другую лечебницу.

– У нас связаны руки, – заметил Симон. – Его госпожа адвокат настаивает на переводе, ссылаясь на содержание ее подзащитного в неприемлемых условиях. И закон на ее стороне, ведь Трамниц каким-то непонятным образом получил травмы головы и пальцев. Мне кажется, что вы могли бы прояснить их происхождение.

Последних слов Симона Тилль уже не слышал, поскольку был полностью поглощен своими собственными мыслями.

«Ради всего святого!» – мысленно воскликнул он.

Беркхофф был на грани истерики, ведь его не только прочно закрыли в клинике, но и возникла угроза исчезновения единственной причины, по которой он в ней оказался. К тому же, когда Трамница опять переведут назад в «Каменку», маньяк окажется уже в особо режимной зоне, куда доступа Тиллю не будет.

– Мы только что были у Трамница, – со вздохом продолжил Симон. – И Седа напрямую потребовала от него подтвердить то, что он воспользовался ею лишь благодаря Касову. Однако, как и следовало ожидать, Трамниц сделал вид, что не понимает, о чем идет речь, и только громко смеялся.

– Проклятье! – воскликнул Тилль и скинул с себя одеяло.

При этом, правда, Беркхофф не понимал, что будет делать дальше, но чувствовал он себя намного лучше. У него уже не ощущалось такого истощения сил, как накануне вечером, и боль тоже стала более терпимой. Однако Тилль осознавал, что в одиночку предотвратить перевод Трамница у него не получится.

– Пожалуйста, не вставайте, – твердо произнес Симон. – И распределите воду так, чтобы в случае необходимости пользования туалетом у вас была возможность смыть за собой. Но не беспокойтесь. Очень скоро к вам кто-нибудь придет и поможет перебраться назад в отделение. А завтра, скорее всего рано утром, я попрошу вас подтвердить свои показания фрау Зенгер. Ну как? Вы готовы это сделать, господин Винтер?

В ответ Тилль, который даже эти слова воспринимал словно в трансе, хотел было запротестовать и закричать: «Я не Патрик Винтер!» – но тут его взгляд упал на библиотечную тележку перед кроватью.

Седа поставила огромный фолиант Джеймса Джойса между двумя внушительными томами с репродукциями. При этом, словно по недосмотру, один из этих томов оказался выдвинутым немного вперед.

Тилль не поверил своим глазам и отчаянно заморгал.

Этот том, превышавший размером формат А4, оказался единственной книгой, которая была обращена к нему не корешком, а обратной стороной. И только поэтому он смог разглядеть, что под обложкой альбома застряло еще что-то. Это нечто, напоминавшее коричневую тетрадь, было завязано сбоку на черную тесемку точно так же, как и дневник Трамница!

Тилль посмотрел на Седу, увидел ее понимающий и одновременно одобрительный взгляд, исходивший из темных глаз, и, когда она кивнула, тихо спросил:

– Можно ли мне на то время, пока я здесь пробуду, взять что-нибудь почитать?

Глава 55

Трамниц

– Что происходит? – прошипел Касов.

При этом если бы кто-нибудь в данный момент его сфотографировал, то эта фотография могла бы послужить великолепной иллюстрацией доклада на тему «Бешенство в ранней стадии». Глаза его угрожали выпрыгнуть из орбит, а при произнесении слов изо рта шла пена. Причем голос казался еще более скрипучим, чем обычно.

– Что, черт возьми, означает это дерьмо? – спросил он.

В ответ Трамниц отошел от окна и, театрально вздохнув, произнес:

– Да, положение дел с водоснабжением действительно ужасно, и запах из туалета идет довольно едкий, но меня все равно скоро переведут отсюда.

На самом деле он ожидал увидеть не Касова, а Фридера, который после окончания всех формальностей и подготовки автомобилей-фургонов как лечащий врач отвечал за вопросы, связанные с перевозкой пациентов.

– Не шути со мной! – злобно воскликнул Касов, который от бушующей в нем злобы даже не заметил, как перешел с маньяком на «ты».

При этом птичье лицо врача так покраснелось, что Трамниц ничуть бы не удивился, если бы из ушей Касова повалил красный дым.

– Ты прекрасно понимаешь, что я говорю о Патрике Винтере, о котором ты должен был позаботиться. Я даже дал тебе время для этого, но ты позволил ему отколотить себя! – бушевал Касов.

Трамниц потрогал слегка опухший нос, оставшийся наряду с синяком под глазом напоминанием о глупых ударах Винтера, и посмотрел на свой забинтованный палец. Ногтевое ложе под пластырем саднило, но такое ощущение ему даже нравилось.

– Он немного вспыльчив, – заметил Трамниц. – И к тому же окончательно свихнулся. Это не подлежит никаким сомнениям, поскольку теперь ему втемяшилось в голову, что никакой он не Патрик Винтер, а Тилль Беркхофф, отец Макса.

– Меня это не интересует, ты лучше скажи, о чем вы говорили с Симоном!

– Симоном?

– Да, с этим черным великаном. Я видел, как он вломился к тебе вместе с Седой. Чего ему было нужно?

Трамниц сделал вид, что ему требуется напрячь память, чтобы вспомнить, а потом заявил:

– Да ничего особенного. Симон принес мне воды, а Седа хотела забрать мои книги.

– Я же тебя предупредил. Не шути со мной. Чего они хотели?

– Моих показаний.

Услышав такое, Касов свел брови вместе, отчего его нос стал казаться длиннее, а сам он приобрел еще большее сходство с вороной.

– Какие еще показания? – спросил он.

– Тебя бы не было здесь, если бы ты умел думать. Седа тебя заложила, и у нее есть свидетель.

– Кто?

– Ну как кто? Неужели не догадываешься? Он прятался в моей палате, пока я занимался проституткой.

Главный врач непроизвольно прижал ладонь к шее и попытался разыграть из себя уверенного в себе человека.

– Это ничего не доказывает, – постарался произнести он твердым голосом.

– Все бы ничего, но Винтер подслушал наш разговор, – заявил Трамниц, радуясь в душе пришедшей ему на ум блестящей идее.

Он, конечно, никогда бы не признался, что сам выступил в роли Иуды, рассказав Винтеру о махинациях врача. У него была другая, гораздо лучшая возможность сбить Касова с толку и напугать.

– Какой еще разговор? – спросил врач.

Заявление Трамница его явно зацепило, и теперь маньяк еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Чего-чего, а игру со страхами людей он просто обожал, особенно когда речь шла о таких придурках, как Касов. Хотя правильнее было бы сказать, что Трамниц любил не

игру, а сами страхи добропорядочных людей. Ведь такие чувства оказывались намного сильнее.

– В коридоре, – продолжал играть свою роль Трамниц. – Где ты сделал мне предложение. Помнишь? Ты сказал, что мне не надо будет платить за кокаин и проституток, если я расправлюсь для тебя с Винтером.

– Где? Как? Такого не может быть!

– Понятия не имею, где стоял этот Патрик, но факт остается фактом. Винтер все слышал. Он сам мне сказал. А после пробрался в мою палату и застал меня с Седой.

– Хреново! – сквозь зубы процедил Касов.

– Для тебя да, а для меня смешно. Эй! Что ты делаешь? – спросил Трамниц главврача, который обошел кровать и принялся открывать ящики в прикроватной тумбочке.

– Эй, что ты делаешь? – повторил маньяк свой вопрос.

– Где оно? – вопросом на вопрос ответил Касов и вытряхнул содержимое нижнего ящика на кровать.

Однако и в тайнике искомую вещь, похоже, он не нашел.

– Что оно? Чего ты ищешь? – удивился Трамниц.

Касов не ответил. Он просто вынул одеяло из пододеяльника и начал трясти его. Затем ощупал подушки и перетряхнул все постельное белье, а потом скинул на пол простыню.

– Да что ты ищешь? – вновь спросил Трамниц.

Касов по-прежнему не удостоил его ответом и расстегнул молнию на гигиеническом чехле матраца. Тогда Гвидо и догадался о цели поисков главврача, потому что именно там, возле изголовья, он спрятал лезвие бритвы. Причем так, чтобы в любой момент можно было быстро достать его.

– Неужели ты думаешь, что я выпущу тебя отсюда с оружием? – спросил Касов.

При этом он торжествующе зажал между большим и указательным пальцами серебристого цвета лезвие.

«Проклятье!» – подумал Трамниц.

Между тем главврач спрятал лезвие в нагрудном кармане своего халата и сказал:

– Кроме того, в отличие от тебя, я хорошо знаю, как им пользоваться.

После этого Касов развернулся на каблуках и направился к двери.
«Что, черт возьми, он под этим подразумевает?» – пронеслось в голове у Трамница.

Недобрые чувства были Трамницу неведомы, его посещали только раздражающие мысли, вызывавшие у него легкий, едва заметный зуд. Нечто подобное он испытал и сейчас.

– Что ты задумал?! – крикнул маньяк вдогонку главврачу.

– Как что? Я иду к Винтеру.

«Проклятье! – подумал Трамниц. – Это сейчас совсем не вписывается в мой план».

– Зачем?! – сделав вид, что не понимает намека Касова, воскликнул Трамниц.

При этом зуд у него стал еще сильнее.

Между тем Касов начал подносить специальную карту-чип к дверному замку. Необходимость этого была вызвана тем, что в ходе подготовительных мероприятий по эвакуации передвижение внутри лазарета было сильно ограничено, и теперь двери свободно открывались только снаружи. А для того, чтобы отпереть их изнутри, требовался уже электронный ключ.

Открывая дверь, врач ни на секунду не выпускал Трамница из поля зрения и только уже на выходе ответил на его вопрос:

– Чтобы сделать то, что оказалось не под силу тебе.

Глава 56

Тилль

Почерк был под стать своему обладателю – с характерным отсутствием всяких завитушек и прочих прикрас, но не педантичный, а в спортивном стиле и с сильным нажимом, оставлявшим следы на страницах бумаги кремового цвета и свидетельствовавшим о большой физической силе его хозяина. В общем, это был почерк, который обычно присущ весьма уверенным в себе людям. Но такие выводы оказывались обманчивыми, как обманчива была и сама внешность автора записей.

Если бы Тилль не знал этого человека, то решил бы, что записи, в которых не отмечалось ни единой ошибки, принадлежат молодому образованному и умному юноше – начинающему врачу, инженеру или юристу. А возможно, и лидеру какой-нибудь общественной организации, но никак не садисту и серийному убийце, предпочитавшему мучить маленьких детей в сооруженном собственными руками «инкубаторе».

«Бьюсь об заклад, что ты ни с кем не связался и ничего не решил», – наткнулся Тилль за запись в дневнике Трамница.

Он пролистал его от начала до конца, чтобы прочесть то, что еще не видел. И действительно, за короткое время, прошедшее с предыдущей их встречи, маньяк начертил в своем дневнике новые мерзости и умудрился переправить его Тиллю через Седу.

Чтобы исключить возможность быть застигнутым врасплох, как это произошло в случае с фрау Зенгер, Тилль заперся в ванной комнате и теперь сидел на опущенной крышке унитаза, пристроив дневник на коленях.

«Твои звонки ничего не дали, – прочел Беркхофф. – Твои контакты либо отреклись от тебя, либо перестали существовать. И теперь ты бродишь в потемках, близкий к потере сознания и спрашиваешь: «Почему? Что случилось?»

Знаешь, Тилль, отец Макса, мне тебя почти жаль. А ведь ответы на эти вопросы так ясны, так однозначны. Но я не отношусь к тем, кто разъяснит тебе твои жизненные ошибки, потому что если ты поймешь свои заблуждения, то все станет только хуже. Я хотел сказать – хуже для тебя.

Правда, которую ты ищешь, не принесет тебе облегчения. Это будет похоже на диагноз рака, без которого и так можно прожить достаточно долго, причем без мучительного осознания того факта, что в твоём теле медленно развивается и ползет вперед смерть.

Но я не хочу быть похожим на такой диагноз. Ведь, в конце концов, от того, что ты страдаешь, мне нет никакой пользы. Мне доставило бы удовольствие видеть, как ты мучаешься, но между нами с этого момента будут пролегать стены особого режима безопасности, а возможно, и километры, если меня действительно переведут в другое место.

И я не пустобрех. Мне претит раздавать свое знание каждому первому встречному. Для тебя будет лучше, если ты сам найдешь ответы на вопросы, которые тебя мучают. Могу только дать совет: для того чтобы получить верный ответ, необходимо задать правильный вопрос.

Не спрашивать: «Где Макс и что с ним сделали?»

А ставить вопрос так: «Кто может быть заинтересован в том, чтобы Макса не нашли?»

В этот момент Тилль оторвался от чтения и впервые внимательно осмотрелся, зафиксировав взгляд на плитке, которой была отделана ванная комната. Он смотрел на нее так, как будто в серых швах на полу крылся ответ на вопрос, почему эти строки затронули все его существо гораздо сильнее, чем записи на прочитанных ранее страницах, в которых маньяк описывал встречу с Максом.

Возможно, причина коренилась в том, что эти строки были... искренними? Как ни странно, другого определения ему в голову не приходило, и у него на самом деле возникло ощущение, что в словах Трамница крылась правда, как бы трудно она ни воспринималась. Особенно в следующем признании:

«В жизни все является вопросом мотивации. Я убиваю потому, что только экстремальные раздражители могут показать мне, что я жив. Мне нравятся слезы. Причем в глазах не только жертв, но и их

близких. Вот почему я признался в содеянном. Мне хотелось почувствовать боль родителей, смотревших на меня с отчаянной ненавистью в зале суда. При условии, что они были еще живы, конечно. Ведь от Мириам Шмидт, матери Лауры, я уже избавился.

Мне доставило величайшее удовольствие увидеть, как глубоко были потрясены и каким отчаянием наполнились сердца остальных родственников моих жертв, когда обвинение описывало мои поступки. Отцы, матери, братья и сестры... все они хотели меня убить. А когда меня признали невменяемым, то есть человеком, не осознающим свои поступки, и объявили о том, что я навсегда буду заперт в особо охраняемой клинике вне их досягаемости, то в их глазах мерцала бешеная, почти сумасшедшая боль.

Что ж, Тилль, отец Макса, ты подобрался ко мне. Но мог ли я ожидать, что мы здесь встретимся? Зачем мне было лишать себя удовольствия от лицемерия твоей боли и отчаяния при столь маловероятной встрече в лазарете «Каменной клиники»? С какой стати мне было признаваться?»

При чтении этих строк Тилль вздрогнул и по всему его телу побежали мурашки. И вызваны они были вопросом всех вопросов. Вопросом, который Беркхофф еще никогда не задавал себе, хотя он и напрашивался сам собой: «Почему Трамниц не признался?»

«В жизни все является вопросом мотивации», – еще раз прочитал он.

Затем Тилль поднял глаза и удивился – слезы высохли. И это после того, как в последние дни он часто плакал по большей части от боли, а иногда и при мыслях о сыне. Их не было, по крайней мере, в данный момент. Теперь ему стало больно даже моргать – по высохшей радужной оболочке веки проходили, словно железные терки.

«С какой стати мне было признаваться?» – вновь вспомнился Беркхоффу вопрос, поставленный Трамницем.

Тилль встал, плеснул себе воды на лицо, втер ее в глаза и попил, но облегчения при этом не почувствовал. Его по-прежнему мучила жажда, а глаза продолжали болеть, как будто хотели просигнализировать о том, что пора прекращать читать дневник.

Но Беркхофф осознавал, что надо продолжать чтение, поскольку он понял, как Трамницу всего лишь с помощью нескольких слов удалось задеть его за живое.

Этот зверь хорошо знал, как надо беречь раны своей жертвы. Подобно многим психопатам, Трамниц мог читать мысли людей, которых мучил, как открытую книгу. И он понимал надежды, желания и страхи своих противников намного лучше, чем психотерапевты, к которым они обычно обращались.

«Я был так слеп, – подумал Тилль и снова сел. – Так ослеплен».

Все это время он исходил из соображения, что в преступлении виновен один лишь Трамниц. Беркхофф вспомнил, как Скания на его вопрос о том, насколько полиция уверена в этом, ответил: «До недавнего времени наше предположение составляло девяносто девять процентов, но час назад у нас появилась стопроцентная уверенность».

Из этого Тилль и исходил, ни на секунду не допуская мысли о том, что в преступлении могут быть соучастники. И хотя у него возникло смутное, можно даже сказать, совершенно абсурдное, нелепое и идиотское подозрение о том, кем мог бы быть этот соучастник, Беркхофф постарался отбросить все подобные мысли и сосредоточиться на чтении, надеясь найти в записях доказательство необоснованности своей страшной догадки.

«С какой стати мне было признаваться?»

Если ты не сможешь дать разумный ответ на этот вопрос, тогда вернись к исходной точке моих размышлений: кто может быть заинтересован в том, чтобы Макса не нашли?»

«Рикарда», – мелькнуло в голове у Тилля.

От этой мысли ему стало нехорошо, и он закрыл себе рот рукой, пытаясь отогнать ее. Но его мозг продолжал делать свою работу.

«Она не признает меня и зовет по имени, которое могла узнать только от Скании. А он покончил с собой!» – размышлял Беркхофф.

От хода таких мыслей Тиллю показалось, что в нос ему ударил горький запах собственного пота, напитанный страхом, болью и отчаянием от ее предательства, хотя у него не было ни малейшего основания и даже повода подозревать Рикарду в столь чудовищном поступке.

«Хорошо, – продолжал рассуждать Тилль. – Порой мы ссорились. Я излишне баловал Макса, и она хотела второго ребенка».

Об этом даже писали в газетах, причем журналисты, узнав о его вспыльчивом, несдержанном характере, в погоне за сенсацией слепили некую новостную смесь, придав ей броский заголовок: «Какие

отношения могут выдержать такое?» Именно так вопрошал один еженедельный журнал на своей третьей странице. Но были суждения и похлеще: «Не развалился ли брак еще до исчезновения Макса?»

Некая журналистка, смакуя подробности и подавая их в виде сенсации, рассказала своей читательской аудитории о том, что Рикарда хотела второго малыша именно для того, чтобы Макс не оставался единственным ребенком. Отец был слишком привязан к своему сыну и позволял ему делать все, что заблагорассудится, только потому, что он был слишком похож на него.

Слишком похож?

Дневник Трамница выскользнул из рук Тилля, и он прикрыл ими свое лицо.

«Неужели она ненавидела Макса, потому что он напоминал ей обо мне?» – пронеслось в голове у Беркхоффа.

При этом парадоксальным являлось то, что чем больше Тилль думал о своей жене, тем бледнее становился ее образ.

«Да, она хотела второго ребенка. Да, мы поссорились, – размышлял он. – Но неужели Рикарда испытывала ко мне такую сильную ненависть, что решила забрать у меня Макса, чтобы я сошел с ума?»

– Нет! – громко прохрипел он.

И это короткое слово, казалось, глухим эхом отразилось от стен небольшого и ярко освещенного туалета. Причем свет почему-то стал разгораться с каждой секундой все ярче, а ему становилось все жарче и жарче. Постепенно он стал ощущать себя как в сауне, в которой кто-то установил такой температурный режим, чтобы довести его душу до кипения.

– Бред какой-то! – воскликнул Тилль.

Действительно, в таких рассуждениях не имелось никакого смысла, ведь Рикарда не являлась преступницей и уж тем более не была каким-то криминальным супергением, чтобы заранее предвидеть план своего мужа по внедрению в клинику под видом больного пациента.

«А может, это Скания подтолкнул меня к такому решению? – решил было Беркхофф, но сразу же отменил такое предположение. – Нет, шурин категорически не советовал мне делать этого. Причем до последней секунды».

Тилль покачал головой, стараясь сосредоточиться, и стал рассуждать дальше:

«Или весь парадокс заключается в том, что к этой моей идее с клиникой меня подтолкнул увиденный где-то знак «Вход воспрещен»?

Тогда почему Скания умер именно сейчас? Он не производил впечатления подавленного человека. Скорее наоборот. Ведь с мыслями о самоубийстве шурину вряд ли удалось бы внедрить меня под видом психически больного пациента в психиатрическую клинику тюремного типа. Или я ошибаюсь?»

Все это никак не вписывалось в общую картину, которая и без того походила на каракули годовалого ребенка. В самом кошмарном сне Тилль мог представить, что Рикарда являлась участницей заговора, но чтобы она похитила своего собственного сына? Такого просто быть не могло!

Абсурдной казалась также мысль о том, что его жена убрала такого важного свидетеля, как Скания. Ведь он был ее братом! А если бы и так, то как ей тогда удалось представить дело таким образом, чтобы все подумали, будто он покончил с собой? Нет. Это было просто невозможно.

К тому же этот шаг не имел никакого смысла и был чересчур рискованным. Для лица, преступавшего закон впервые, такое тяжкое преступление было не под силу.

Макс, он сам, Скания...

Слишком много жертв и возможностей допустить ошибку!

Тогда Тиллю пришло в голову, что для доказательства того, что он не является Патриком Винтером, ему достаточно потребовать проведения теста ДНК. В этом случае рано или поздно они поверят его заверениям.

Или нет?

Внезапно в ход его рассуждений вклинилась еще одна страшная мысль, от которой он даже вскочил:

«А вдруг заговор проник и в клинику? Вдруг здесь тоже есть сообщники преступников?»

Устрашившись такой вероятности, Тилль принялся рассуждать дальше:

«А вдруг истоки заговора кроются в самой «Каменной клинике»? А что, если истинный кукловод и организатор этого заговора

находится среди персонала «Каменки» и имеет возможность оказывать влияние на процедуру доставки, размещение больных в палатах, выбирать варианты их лечения и определять контакты с другими пациентами?»

Таким человеком, без сомнения, мог быть Касов. И именно его фамилия немедленно всплыла в сознании Беркхоффа. Ведь этот врач с самого начала угрожал ему и оказывал на него психологическое, а также физическое давление. Он открыто признался в своей ненависти к Тиллю и позаботился о том, чтобы его поместили в одной палате с психопатом в первую же ночь, которую Беркхоффу удалось пережить лишь чудом.

Вконец ослабев от подобных предположений, крутившихся в его голове, которые, похоже, никуда не вели, Тилль, держа в трясущихся руках дневник убийцы, в изнеможении сел обратно на крышку унитаза.

«Ты становишься параноиком», – поставил он сам себе диагноз.

Немного придя в себя, Беркхофф вновь раскрыл дневник и, чтобы отвлечься от собственных безумных мыслей, прочитал последний абзац, который написал для него Трамниц:

«В этом месте, к сожалению, я должен признать, что был по отношению к тебе, Тилль, отец Макса, не совсем честен. Разумеется, все озвученные мною вопросы правильные. Но при помощи одного только размышления ты никогда не придешь к верным ответам. Это ужасно, я знаю, но и ты пойми, что мне невозможно стать другим. Однако не вешай носа. Наша сделка все еще в силе: если ты вытацишь меня отсюда, то узнаешь правду. Я приведу тебя к Максусу, правда, без гарантии, что он еще жив. Так что поторопись. Меня должны перевести отсюда сегодня в девятнадцать тридцать. Жду тебя за десять минут до этого у себя, чтобы мы могли в спокойной обстановке обсудить все детали».

Глава 57

Тилль оторвал взгляд от швов между напольными плитками в ванной комнате и чисто машинально поглядел на запястье, на котором, естественно, никаких наручных часов не было. Их отобрали у него еще по прибытии, и он понятия не имел, который час.

Как бы то ни было, воспользоваться сумасшедшим приглашением Трамница он не мог. Ведь ему больше не разрешалось свободно передвигаться по лазарету, да и время, возможно, уже давно истекло. И тут его взгляд упал на постскриптум:

«P. S. Ах, и еще кое-что. Чуть было не забыл про мелочь, которая свидетельствует о том, как откровенно мы разговаривали с Максом и как сильно он мне, в конце концов, стал доверять. Кодовое слово звучит так: «кубик льда».

Тилль еще не до конца осознал важность прочитанного, как его напугал странный шорох, раздавшийся возле двери. Он был едва уловимым, не громче звука перелистываемых страниц, и если бы Беркхофф в этот момент не затаил дыхание, то услышал бы его слишком поздно.

Замок в двери, точнее, округлая дверная ручка, с помощью которой можно было на время запереться в ванной, повернулась. Снаружи не составляло труда открыть ее гаечным ключом или монетой.

Движение было медленным, а сама хорошо смазанная задвижка отходила в сторону практически бесшумно. Складывалось впечатление, что некто ни при каких обстоятельствах не желал быть обнаруженным раньше времени. Поэтому Тилль оказался перед довольно сложным решением – стоило ли ему встать и произвести таким образом больше шума, чем нападающий. А в том, что это был нападающий, сомнений не оставалось. Кто еще стал бы пытаться проникнуть к нему незаметно? Или продолжать сидеть, дожидаясь, пока дверь откроется и образуется щель, рискуя при этом дать своему потенциальному противнику преимущество. Вот только кто мог оказаться этим противником?

Тилль сделал самое простое, что можно было придумать в такой ситуации, хотя в первую и самую страшную секунду это не пришло ему в голову: возможно, размышления, порожденные записями в дневнике Трамница, замедлили остроту его логического мышления. Он повел себя так, как будто бы ничего не заметил.

Не выпуская задвижку из виду, Беркхофф нажал на слив, поскольку в бачке еще сохранялся запас воды, а затем приблизился к двери, которая, как он только что заметил, открывалась наружу.

«Конечно, наружу, а как иначе? Просто раньше я не обращал на это внимания», – подумал Тилль.

Это обстоятельство исключало возможность каким-то образом забаррикадировать дверь, но зато давала другой шанс – рывка вперед. Причем в прямом смысле этого слова.

Шум от слива воды стих. Как и предполагалось, внезапно наступившая тишина послужила противнику знаком поторопиться. Буквально через мгновение дверь пришла в движение. Еще немного, и она распахнулась бы, но Тилль медлить не стал – он бросился вперед изо всех сил и буквально выбил своим весом дверь наружу, нанеся незваному гостю сильнейший удар усиленной алюминием стороной.

Беркхофф услышал хруст, как будто переломилась ветка дерева, затем раздался приглушенный вопль, и он, потеряв равновесие, вылетел наружу, споткнувшись о Касова, корчившегося на полу. Тилль с удовлетворением увидел, что удар в основном пришелся по голове врача, разбив его длинный нос.

– Чего ты от меня хочешь?! – воскликнул Беркхофф и ударил врача ногой под дых.

– Я тебя прикончу, – выдавил из себя Касов, хотя в таком положении это у него вряд ли бы получилось.

Конечно, Тилль был ранен, о чем ясно говорили забинтованные голова и рука, а благодаря сильнодействующим болеутоляющим средствам движения его оказались замедленными. К тому же он стоял босиком в одной пижаме. Но все равно Беркхофф возвышался над своим противником в готовности нанести дополнительный удар кулаком, несмотря на риск снова сломать себе пальцы.

– Чего ты хочешь? – спросил он. – Я понимаю, что ты стремишься заработать, поработав женщин и подделывая тестовые ряды, но я-то тут при чем? Что я тебе сделал?

Тилль не собирался плевать на психиатра, но от гнева изо рта у него брызгала слюна.

– Чего я хочу? – прохрипел Касов. – Черт, я хочу, чтобы ты прекратил!

– Чего прекратил?

– Не притворяйся, симулянт. Я предупреждал тебя. Как часто ты собираешься вести здесь свою игру?

Касов хотел было подняться, но Тилль явно дал ему понять, чтобы тот оставался на полу.

– Что за игра? – спросил Беркхофф.

– Да, ты хорошо играешь свою роль. Готов поспорить, что если я подключу тебя к полиграфу, то игла даже не дрогнет.

– Не понимаю, о чем ты?

– Послушай, хватит притворяться!

– О какой игре идет речь?! – закричал Тилль еще громче.

Ему надоели все эти загадки, которые громоздились на него одна за другой, угрожая раздавить своим весом или лишить доступа воздуха, когда образовавшаяся из них башня обрушится. Она и так уже начала качаться.

– Хорошо, для тебя это не игра. Тогда задам вопрос иначе: сколько еще раз ты собираешься сюда попадать?

Вот это номер!

У Тилля создалось впечатление, что они с Касовым поменялись местами. Как будто это врач ударил его дверью в лицо.

«Сколько раз я сюда...» – изумился Беркхофф и, не выдержав, переспросил:

– Чего?

Уголкем глаза Тилль заметил, как Касов потянулся рукой к нагрудному карману своего халата, но виду не подал, а только ошеломленно спросил:

– Я уже однажды был здесь раньше?

– Нет, – злобно покачал головой Касов. – Не один раз, а неоднократно.

– Но... но в этом нет никакого смысла.

– Не ври. Вот поэтому я и должен наконец заставить тебя замолчать, если это не в состоянии сделать другие.

В этот момент Тилль заметил какой-то отблеск.

«Может быть, это отсвет от шариковой ручки или пинцета?» – подумал он, не догадываясь, что это было лезвие бритвы, которое Касов с неожиданной скоростью вытянул из своего нагрудного кармана.

Тилль понял это только тогда, когда Касов, словно кузнечик, вскочил с пола и чуть было не полоснул ему по левому глазу.

Беркхофф смог уклониться от такого злодейского выпада лишь в самый последний момент. При этом он так сильно дернул головой, что слышал хруст шейных позвонков. В глазах потемнело, и Тилль потерял равновесие.

«Проклятье! Только бы не упасть! Так я стану легкой жертвой», – подумал Тилль.

Но он больше не мог управлять своими движениями. И поэтому то, что, падая, нанес удар правой ногой Касову в промежность, явилось не результатом его защитных рефлексов, а чистой случайностью.

Врач рухнул на пол вместе с ним, но быстро вскочить уже не смог. Задыхаясь, он корчился от боли на линолеуме, а изо рта у него капала слюна. Рука, в которой была бритва, оказалась прижатой его собственным телом, а выскользнувшее из пальцев лезвие лежало всего в нескольких сантиметрах от большого пальца стопы Тилля, которого так и распирало желание приставить бритву к горлу негодяя, открыто заявившего, что намеревается убить его. Однако Беркхофф не был способен на такое, да и времени на это у него не оставалось.

Гораздо важнее было получить, наконец, ответы на имевшиеся у Тилля вопросы. Ему не в последнюю очередь хотелось выяснить, что имел Касов в виду, утверждая, что он уже не раз бывал здесь. Не менее остро требовалось прояснить также, почему его жена отреклась от него, проверить правильность его догадки о том, что в отношении его ведется грязная игра.

Но в принципе его удовлетворил бы ответ на один-единственный вопрос. Вопрос, который, собственно, и привел его сюда: «Где Макс и что с ним случилось?»

Между тем к этому времени Тиллю стало ясно, что «на воле» он гораздо быстрее сможет разгадать все накопившиеся загадки, чем оставаясь здесь, в клинике, где на каждом шагу его подстерегали опасности, причины которых ни один здравомыслящий человек объяснить бы не смог.

«Тогда, может быть, такое под силу людям с большим мозгом? Таким как Трамниц?» – промелькнуло в голове у Тилля.

Одновременно Беркхофф понимал, что возникшая у него идея попытаться вырваться из этой клиники, приняв сторону убийцы, безумна. Но ведь такой казалась вначале и вся его авантюра по внедрению в «Каменку» под видом психически больного человека. И тем не менее ему удалось сюда проникнуть. Теперь же в его розысках наметилось новое направление – убраться отсюда. И чем скорее, тем лучше. Подальше от Касова, от Армина, от противораковой терапии, в которой он не нуждался. Ему необходимо было снова оказаться на свободе, чтобы добиться правды.

И тут ему вспомнились слова, которые написал Тиллю Трамниц в своем дневнике: «Правда, которую ты ищешь, не принесет тебе облегчения».

«Ну и пусть, – подумал Беркхофф. – В любом случае мне надо выбираться отсюда. И как можно скорее!»

Исходя из этих соображений, он решил ограничиться тем, что еще раз ударил Касова кулаком по сломанному носу, отправив врача в глубокий нокаут.

Затем, повинуясь возникшей у него остроумной идее, Беркхофф раздел врача до нижнего белья и надел его штаны, рубашку и халат. Вся одежда оказалась чересчур широкой и длинной, а вот полуортопедическая обувь пришлась как раз впору. Подняв бритву с пола, залитого кровью Касова, он повернулся к входной двери.

Тилль дернул за ручку и со страхом обнаружил, что выход из палаты оказался закрыт.

«Очевидно, изменились правила безопасности!» – догадался он.

Беркхофф принялся лихорадочно искать устройство ввода электронного ключа, но ни на раме, ни на стене встроенную клавиатуру не обнаружил. И слава богу!

Ему ни за что в жизни не удалось бы подобрать правильный код до того момента, пока Касов не очнулся. Возможно, он вызвал бы даже тревогу, трижды введя неправильный шифр.

Между тем врач позади него застонал, но по-прежнему остался лежать без движения. Тогда Тилль ощупал халат и обнаружил мобильный телефон, который был для него бесполезным предметом,

ведь без ПИН-кода он все равно не смог бы его разблокировать. Зато в кармане брюк нашлась белая карточка-ключ. Вот это была удача!

Она выглядела как электронный ключ от номера отеля и была величиной с визитку, правда, немного толще и из жесткого пластика.

«И что теперь? – подумал Тилль, вытирая рукавом халата выступившие из-под повязки на лбу капельки пота. – Куда мне надо вставить ее?»

Он не видел ни поля ввода, ни дисплея, ни слота. В это время позади послышался стон, а затем легкий кашель, что сподвигло Беркхоффа испробовать все возможные варианты. Сначала он попытался дотронуться непосредственно до личины замка, а потом просто приложил карточку к замку. Послышался тихий щелчок.

Дверь открылась, но потом сработала сигнализация. Не очень громко, но раздражающе. Звук походил на сигнал будильника.

«А может быть, это сигнал вызова телефона?» – пронеслось у Тилля в голове.

Тогда он вытащил из кармана халата источник шума. Но только Беркхофф хотел дотронуться до сенсорного дисплея смартфона Касова, как телефон замолк.

«Один пропущенный вызов», – прочитал надпись на дисплее Тилль и посмотрел на встроенные часы.

Они показывали девятнадцать часов сорок три минуты.

«Слишком поздно», – с каким-то непонятным чувством вздохнул Беркхофф.

Трамница уже увезла для дальнейшего перевода в другую клинику, а с ним исчезла и та последняя соломинка, за которую хватался Тилль в абсурдной надежде найти вместе с ним путь выхода из клиники, а затем и своего сына.

Глава 58

В коридоре никого видно не было, и это говорило о том, что эвакуация пациентов из лазарета, возможно, уже завершилась. И скорее всего, царившая здесь тишина продлилась бы и дальше, по меньшей мере до тех пор, пока Касов не очнется и не поднимет тревогу.

Пока же скрип резиновых подошв обуви на ногах Тилля являлся единственным звуком, который здесь можно было услышать. Прекратился даже шум дождя, доносившийся ранее через мансардные окна, и только в шахтах лифта периодически раздавались завывания ветра, походившие на стоны раненого зверя.

Путь до одноместной палаты Трамница показался Беркхоффу намного короче, чем в прошлый раз. Сейчас головные боли у него были не так сильны, да и сам он чувствовал себя более отдохнувшим, хотя только что пережил настоящий бой с врачом. Единственное, что сильно удручало Тилля, давя на него словно свинцовый груз, было осознание того, что все усилия оказались напрасными.

Подойдя к Т-образному пересечению коридоров, Тилль сразу же посмотрел направо, в сторону лифтов, возле которых он в последний раз видел Трамница, разговаривавшего с Касовом. Затем он поспешил влево, держа курс на ординаторскую, памятуя о том, что в палату маньяка вела первая дверь. Однако на сей раз библиотечная тележка в коридоре не стояла – Седа с Симоном давно уже ушли.

Беркхофф чувствовал себя одиноким и всеми брошенным. Он даже содрогнулся, мысленно представив себе ситуацию, когда про него по ошибке забыли и оставили совсем одного в этой клинике, из которой невозможно выбраться даже с карточкой-ключом в кармане. Никто не придет за ним, и единственным человеком, с которым ему придется беседовать, будет тот самый врач, который по непонятным причинам желает лишить его жизни.

Тилль вздрогнул всем телом, как отряхивается мокрая собака, что помогло ему прогнать черные мысли, и, глубоко вздохнув, открыл дверь одноместной палаты Трамница. А еще через некоторое время он чуть было не задохнулся от стыда и отвращения к самому себе.

Глава 59

– Ты все еще здесь? – удивленно произнес Тилль.

В этом вопросе сплелись воедино все противоречия, которые мучили его, и вытекавшие из них эмоции. Одно только доверительное «ты» никак не соответствовало их взаимоотношениям, хотя Тилль не мог себе представить, что будет обращаться к убийце своего сына на «вы». Но он также не мог предположить, что будет радоваться, обнаружив его в палате. Тому, что эвакуация была, очевидно, отложена и Трамница в другое место еще не перевели.

– Ты явно родился под счастливой звездой, – усмехнулся психопат, нос которого оказался не сломанным в результате вчерашней драки, а только слегка припухшим.

Несмотря на повязку на шее и легкую бледность, Трамниц выглядел свежим и бодрым. И это впечатление не портил даже синяк. Он снял с себя выданную в клинике одежду и переделся в вещи, в которых, очевидно, его сюда доставили. Теперь на нем была черная, плотно прилегавшая к телу и рельефно подчеркивавшая мышцы рубашка, а также голубые джинсы, заправленные в кожаные полусапожки без шнурков. Причем эту обувь вряд ли надевали более двух раз, хотя она и была искусственно состарена.

Трамниц как раз намеревался надеть на себя непромокаемую черную куртку с меховым воротником и в целом выглядел как фотомодель перед фотосессией, а не как пациент, готовящийся к переводу в другую клинику строгого режима для содержания психически больных серийных убийц.

– Значит, ты все-таки получил мое послание, – сказал Трамниц, глядя в темное окно, напоминавшее по цвету иллюминатор подводной лодки на большой глубине.

Он помолчал немного, а потом добавил:

– Вероятно, возникли проблемы с водяным насосом, но воду с моста в конце концов удалось откачать, и сейчас путь свободен. Эвакуация может начаться в любое время.

С этими словами Трамниц протянул Тиллю руку с перебинтованным указательным пальцем, и в первый момент тот

подумал, что маньяк хочет с ним попрощаться. Но он ошибался, психопату требовалось совсем иное.

– Попрошу вернуть мой дневник, – заявил Трамниц.

– Да, конечно, – ответил Тилль и неохотно отдал ему тетрадку, которую, разумеется, прихватил с собой.

– Итак, тебе все же удалось сбежать от Касова, – рассудительно произнес Трамниц, которого детали происшедшего, по-видимому, не интересовали. – Это хорошо, хотя, по правде говоря, этого идиота нельзя воспринимать как серьезного противника. Он слишком предсказуем, ты не находишь?

С этими словами на глазах изумленного Тилля он вложил между первых страниц тетрадки какой-то конверт, а затем не спеша, как будто распоряжался течением времени во всей Вселенной, положил дневник в прикроватную тумбочку.

– Что ты делаешь? – удивился Тилль. – Касов в любой момент может поднять тревогу, а тебя вот-вот начнут эвакуировать.

– И что с того? – ухмыльнулся Трамниц.

– Как тебя понимать? Ты написал мне, чтобы я пришел к тебе для обсуждения деталей наших дальнейших действий.

– Верно. Для обсуждения подробностей плана, который, надеюсь, ты подготовил, дорогой Тилль, отец Макса.

– Я? – переспросил Тилль, почувствовав, как у него задрожали колени.

У Беркхоффа возникло огромное желание опуститься на кровать, которую Трамниц уже аккуратно застелил.

– А кто еще? Разве не так мы договаривались при нашей последней встрече? Ты должен был сделать несколько звонков, задействовать свои связи и вытащить нас отсюда. Верно?

– Ты же знаешь, что это не сработало, и даже написал мне об этом.

– Ах, ну да, конечно. – Излучая веселье, Трамниц схватился рукой за лоб. – Как глупо с моей стороны. В таком случае ты зря проделал свой путь ко мне, потому что я не имею ни малейшего понятия, как нам исхитриться, чтобы вдвоем забраться в санитарную автомашину, а потом из нее выпрыгнуть на полном ходу.

В этот момент входная дверь открылась и в палату вошел человек в белом халате.

– Кое-что произошло, и я должен... – начал было он, но, увидев, что Трамниц не один, тут же осекся.

Мужчина изумленно посмотрел на Тилля и спросил:

– В чем дело?

При этом, если Беркхофф не ошибся, в глазах вошедшего промелькнула искорка узнавания. Тиллю он тоже показался знакомым. Это был тот самый хирург, который в свое время делал ему операцию. Правда, Тилль тогда находился под общим наркозом, но лицо этого человека настолько часто мелькало в средствах массовой информации, что ошибиться было невозможно. В последний раз хирурга, предпочитавшего розовый цвет, показывали по телевидению в репортаже о предстоящей экстренной операции Трамница.

«Хартмут Фридер», – вспомнил Тилль имя и фамилию врача частной практики, привлекавшегося по необходимости к работе в «Каменной клинике».

– Что вы здесь делаете? – спросил Фридер, держа одну руку на ручке двери, а другой доставая из кармана брюк мобильник. – И почему на вас халат доктора Касова?

С этими словами он кивнул на табличку с именем, которую Тилль забыл снять.

– Послушайте, я могу все объяснить, – поспешил сказать Беркхофф, не имея ни малейшего понятия, как это сделать.

«Стоит ли мне говорить правду? – судорожно размышлял он. – И что я скажу? Представляю, как это прозвучит: «Меня зовут Тилль Беркхофф, и я отец мальчика, которого Трамниц похитил и, вероятно, убил. Поэтому мне пришлось проникнуть в клинику под видом больного, а халат, чтобы не бегать здесь в одной ночной рубашке, я одолжил у главного врача. Правда, мне пришлось предварительно избить его, так как он намеревался меня убить». Так, что ли?»

Такому не поверил бы даже обладающий самой буйной фантазией человек. К тому же пациенту психиатрической клиники. А если бы и поверил, то что бы это дало?

К тому же ему необходимо было выбраться из клиники самому и вытащить из нее Трамница, чтобы он привел его к Максусу. Но ведь совсем недавно психопат очень ясно сформулировал сложившуюся ситуацию, сказав: «...я ни малейшего понятия не имею, как нам исхитриться, чтобы вдвоем забраться в санитарную автомашину».

В этот момент Тилль почувствовал, что от волнения у него потекло из носа, и это после перенесенной им травмы головы было неудивительно.

«Может быть, у меня пошла носом кровь?» – подумал он и принялся тщетно искать носовой платок в одежде Касова.

– Держите ваши руки так, чтобы я мог их видеть, – потребовал Фридер. – Спрашиваю вас в последний раз: что вы здесь делаете?

– Ну же, скажи ему, – рассмеялся Трамниц, стоявший возле кровати и наблюдавший встречу Тилля с врачом с видом зеваки на автостраде, не скрывая интереса узнать, чем все закончится. – И не забудь добавить, кто ты на самом деле.

«Я просто в отчаянии. Что делать?» – подумал Тилль, непроизвольно зажимая пальцами предмет, который он вытащил из халата, когда искал носовой платок.

– Я его заложник, – заявил Беркхофф, следуя внезапно появившейся мысли, пришедшей ему на ум.

С этими словами, не дав сделать Фридеру ни единого шага, он бросил лезвие бритвы Трамницу и повернулся к маньяку спиной.

– Ну, наконец-то! Хороший план! – смеясь, воскликнул Трамниц и, используя возникшее замешательство, применил по отношению к Тиллю полицейский захват, а затем прижал лезвие к его сонной артерии.

Глава 60

Трамниц вывернул Тиллю руку за спиной вверх выше, чем требовалось, ведь его добровольный заложник и не думал сопротивляться. Однако садисту, видимо, доставляло удовольствие держать его под контролем подобным образом. Тилль боялся пошевелиться и вывихнуть себе плечо. К тому же Трамниц так крепко прижал ему к шее лезвие, будто задумал перерезать Беркхоффу сонную артерию.

«Может быть, он на самом деле собирается это сделать?» – мелькнуло у него в голове.

– Ну что, Фридер? – раздался позади Тилля голос Трамница. – Надеюсь, ты успел подзаправиться? Ведь для осуществления наших намерений хороший глоток не повредит!

– Что за бред? – на удивление уверенным голосом спросил хирург.

Такое было несколько неожиданным с учетом ситуации, что он стоял напротив вооруженного убийцы, для которого, как следовало из предыдущих его деяний, отправить на тот свет человека являлось детской забавой. И хотя жизни самого врача в данный момент непосредственно ничего не угрожало, хирург не мог не понимать, насколько опасными являлись подобные порезы. Фридер должен был осознавать также, что положение может быстро измениться, если Трамниц решит оставить свою жертву и наброситься на него. Тогда под угрозой смерти оказался бы он сам.

– В лифте нас ожидают два санитары с электрошокерами и перцовым спреем. Далеко вам, Трамниц, все равно не уйти, – заметил Фридер.

Тилль произвольно задался вопросом, почему эти санитары не стали сопровождать хирурга до палаты, хотя было ясно, что никто из них не мог предполагать возникновения подобной ситуации. Сама мысль о том, что пациент в такой клинике может оказаться вооруженным, казалась абсурдной.

Между тем Трамниц отнял лезвие бритвы от шеи Беркхоффа, указал им на мобильный телефон Фридера и заявил:

– Позвоните своим сторожевым псам и скажите, чтобы они проваливали.

– А если я этого не сделаю, то вы убьете его? – спросил Фридер, кивнув на Тилля, стоявшего на цыпочках, чтобы ослабить боль в плечевом суставе.

– Я пушу ему кровь, и, пока он будет ею истекать, вам придется прыгать здесь в своих дурацких туфельках для занятий парусным спортом, чтобы не промокнуть. Ведь в отличие от моих сапог подошвы у них очень тоненькие. Но вы не успеете даже заказать себе джин с тоником, как я перережу вам вены на ногах.

При этом Трамниц говорил все быстрее и возбужденнее. Его большой мозг, видимо, начал генерировать самые извращенные фантазии, поскольку он продолжил:

– А потом я намотаю ваши кишки себе на сапоги, а вас заставлю смотреть на это. Ну как? Нравится такая перспектива?

Фридер с трудом проглотил образовавшийся у него в горле комок, и вся его самоуверенность мгновенно улетучилась. Теперь он стал походить на побитую собаку, пытавшуюся, поджав хвост, спрятаться под лавкой.

Нажав на какую-то клавишу на своем мобильнике, хирург сказал:

– Мне необходимо воспользоваться лифтом наедине с Трамницем.

В воздухе повисла пауза. Затем Фридер закатил глаза, а его голос стал громче.

– Мне известно, что это нарушает имеющиеся предписания, но...

В этом месте он тяжело вздохнул и добавил:

– Но у нас возникла ситуация с заложником. Нет. Со мной все в порядке. Пока во всяком случае. Речь идет о другом пациенте. О Патрике Винтере, кажется.

Тут Трамниц покачал головой и, скорее всего, сурово посмотрел на Фридера. Этого Тилль, конечно, видеть не мог, но по движению тела маньяка догадался, что тот сделал знак хирургу, призывая пояснить своему собеседнику всю серьезность ситуации.

– Трамниц вооружен. Он угрожает убить пациента и меня тоже, если вы не уйдете, – произнес Фридер.

– Скажи им, что мы сейчас выйдем, – рявкнул Трамниц. – Я не хочу никого из них видеть. Ни в лифте, ни возле машины. В противном

случае мне придется начать снимать с вас стружку и делать из нее шницели, о чем будут вспоминать еще лет так двадцать.

Хирург сделал все, как ему было приказано, и Трамниц, заметив, что телефонный разговор окончен, подтолкнул Тилля к выходу. Фридер же без всякого дополнительного указания открыл своей карточкой-ключом дверь палаты и вышел в коридор.

– Никаких глупостей! – угрожающе прошипел Трамниц, продолжая толкать Беркхоффа вперед, не оставляя ему выбора и угрожая при малейшем неповиновении либо сломать ему руку, либо вывихнуть плечо.

Как только они оказались в коридоре, маньяк развернул Тилля в сторону лифтов.

Никого видно не было, и весь этаж как будто осиротел. Не оказалось персонала и в лифте. В общем, на помощь заложнику никто не поспешил.

– Хоп-хоп-хоп! Пошевеливайтесь! У нас нет времени на проволочки! – воскликнул Трамниц, и они двинулись в сторону лифта.

– Ничего из этого не выйдет, – заявил Фридер, открывая дверь лифта, который в готовности стоял на их этаже.

– Вот тут ты ошибаешься. У нас есть твои глаза и карточка-ключ, – ответил Трамниц и приказал хирургу встать лицом перед камерой сканера, чтобы после считывания информации с радужной оболочки привести лифт в движение.

В этот момент у Беркхоффа возникло довольно странное чувство, которое заставило его забыть о боли в вывернутой руке.

«Я что-то упустил из виду, но что?» – подумал он.

– Где стоит машина для моей транспортировки? – спросил Трамниц.

– Об этом я и толкую, – ответил хирург. – Вы сильно удивитесь, когда двери лифта откроются. Машина стоит при въезде, а чтобы туда пройти, нам потребуется миновать промежуточный этаж, а он плохо просматривается и создает великолепные возможности для атаки вас сзади. Вы будете быстро обезврежены.

Двери лифта закрылись, и Тилль краем глаза увидел в зеркальном отражении его хромированных стен, что Трамниц улыбается.

– Вот поэтому мы и не воспользуемся этой машиной, – проговорил серийный убийца.

- Не понял, – удивился врач.
- На каком уровне подземной парковки стоит твой «порше»,
Фридер?

Глава 61

Пиа Вольфайл

«Номер не определен», – с раздражением отметила Пиа.

Она не любила отвечать на звонки абонентов, которые не были сохранены в ее адресной книге, – слишком велик был риск нарваться на надоедливого клиента, искавшего в неподходящее время юридическую консультацию и раздобывшего окольными путями номер ее мобильного. Как правило, такое случалось, когда ее подзащитные передавали его своим друзьям, не спросив у нее разрешения.

Пиа ждала уже битый час, сидя в своей машине. Но не сразу за мостом, что было бы слишком заметно, а на парковке в Заатвинкеле в Шпандау. Тем не менее стоянка располагалась не так уж и далеко от клиники – всего в каких-то двух минутах езды, и поэтому Пиа удивлялась столь долгому ожиданию.

– Алло, – ответила Пиа в надежде услышать его голос.

Гвидо не сказал ей, что задумал, но она не чувствовала себя от этого несчастной. Ей не так уж и хотелось быть полностью втянутой в его планы. Видимо не желая делать ее своей соучастницей, во время их последнего телефонного разговора он ограничился всего одной фразой:

– Жди меня в двадцать часов на парковке возле кемпинга.

Это было так мило с его стороны, но совсем не обязательно. Ведь она любила Трамница так сильно, что всегда предпочла бы именно его. Пиа была готова даже пожертвовать своим разрешением на работу в качестве адвоката, если бы ей предложили выбрать между ней и Гвидо. В то же время она понимала, что у них не было никакой реальной возможности спокойно и на свободе наслаждаться своей любовью даже в том случае, если бы ее возлюбленному удалось каким-то образом сбежать из клиники. Во всяком случае, не в Германии.

Поэтому с этой точки зрения ей было все равно, преступит ли она закон или нет.

Любовь законам не подвластна.

Погрузившись в подобные мысли, она улыбнулась. Гвидо был одним из немногих на всем белом свете, а может быть, и единственным человеком, понимавшим это. В любом случае ее семья такого не понимала, а нервная сестрица тем более. Еще во время учебы Пии она постоянно зудела, что ее сестра решила стать адвокатом по уголовным делам только из-за своего синдрома добряка и из-за того, что сама является жертвой.

Сестра могла говорить все, что угодно, ведь Гвидо она не знала. Конечно, он совершал ошибки, ведь с ним рядом не было равной по духу и такой же, как и он, сильной женщины, настолько умной и образованной, чтобы оказать на него благотворное влияние и изменить его силой своей любви. Любви, которую она чувствовала в себе с тех пор, как впервые увидела Трамница в полиции в комнате для допросов.

– Привет, дорогая, – услышала Пиа в мобильнике его голос, и камень упал с души.

– Вы где? – спросила она.

– Развернись!

Пиа сделала так, как он просил, и лицо ее озарила улыбка. Свет фар осветил сначала кроны кленов, стоявших вдоль подъездной дороги, ведущей к парковке, а затем из-за угла показался и сам спортивный автомобиль.

– Вот ты где, дорогая. Мы тебя ждем.

Пиа с улыбкой погладила себя по животу, еще плоскому в силу раннего срока беременности, и вышла из машины. Ее седан марки «Мерседес-Бенц» хоть и не бросался в глаза, но все же был лучше, чем светло-розовый и низкосидящий «порше-панамера».

– Ты принесла то, о чем я просил?

Вместо ответа, она сунула руку в карман своего норкового жакета, вытащила малокалиберный пистолет, чья черная рукоятка в свете фар блестела, словно смазанная маслом, и с гордостью протянула его Трамницу. Пистолет доверил ей один наркоторговец, которого Пиа успешно защищала в прошлом году. Это только в кино преступники бросают оружие в озеро. В реальной жизни они предпочитают хранить его в сейфе адвоката, где оно будет скрыто от любопытных глаз полиции гораздо надежнее.

– Ты прелесть, милая!

Довольная Пиа отправила ему воздушный поцелуй и сказала:

– Только тебе надо его зарядить. Я не знаю, как это делается, но в нем есть еще несколько...

Больше ничего произнести она не успела.

Лицо Пии все еще излучало полную любви улыбку, когда бампер «порше-панамеры» раздробил ей обе голени. Железный монстр мощностью в пятьсот пятьдесят лошадиных сил, словно выпущенная из лука смертоносная стрела, налетел на нее, поднял в воздух, оставив на земле туфельки на высоких каблуках, и бросил спиной на собственный автомобиль, с которого она скатилась уже с несколькими переломами позвоночника и осталась лежать в большой луже, натекшей после дождя.

Она еще дышала, но ничего, кроме вкуса крови во рту, не чувствовала. Но вот звуки Пиа пока слышала.

А последним звуком, который еще воспринял уже умиравший мозг бедняжки, оказался хруст шин сдававшего назад «порше».

«Наш ребенок», – была ее последняя мысль.

Глава 62

Тилль

– Проклятье! Что вы сделали? – воскликнул Фридер и принялся трясти запертую заднюю дверь.

Еще на подземной парковке клиники Трамниц принудил хирурга сесть на заднее сиденье «порше» и включил родительский контроль. Во время короткой поездки их никто не остановил. На всем пути имелось только два пункта электронного пропуска, которые Трамниц с помощью карточки-ключа Фридера легко преодолел.

– Выпустите меня! – запричитал хирург.

– С удовольствием! – рассмеялся Трамниц, нажал на кнопку на подлокотнике водительского сиденья, и не ожидавший такого Фридер буквально вывалился во внезапно открывшуюся дверь.

На этом маньяк не остановился.

– Ты тоже! – приказал он Тиллю, который сидел в кресле переднего пассажира и в зеркало заднего вида, как загипнотизированный, смотрел на распластавшееся на стоянке тело, напоминавшее мешок со старой одеждой.

– Вытряхивайся! – вновь приказал Трамниц.

На этот раз он взмахнул бритвой перед глазами Тилля. До этого Трамниц держал лезвие зажатым между пальцами так, чтобы, с одной стороны, оно не мешало ему управлять машиной, а с другой – было в готовности для применения на случай, если кто-нибудь попытается схватиться за руль или совершить другую глупость. Тогда он не задумываясь полоснул бы этого человека по лицу, о чем и предупредил заранее своих пассажиров.

Однако Тилль никак не отреагировал на угрозу. Тогда Трамниц вышел из машины, обежал вокруг спортивного автомобиля и рывком открыл пассажирскую дверь, намереваясь схватить Беркхоффа за халат и выволочь на асфальт. Порыв ветра, дувшего со стороны озера, растрепал нехитрую одежду Тилля, проникнув ледяным холодом за

воротник и под брюки, а в нос ему пахнуло запахом земли, прелых листьев и озерной свежестью.

– Давай, давай! Мы сюда не на пикник приехали! – вытащив Беркхоффа из машины, заявил Трамниц.

При этом он стал подталкивать Тилля в сторону «мерседеса» незнакомой Беркхоффу женщины, с которой маньяк любезно беседовал, а потом убил ее, даже не закончив разговор.

– Зачем вы это сделали? – спросил Фридер, присевший на корточки рядом с убитой и напрасно пытавшийся нащупать у нее пульс.

В ответ Трамниц поднял пистолет, который еще несколько секунд назад держала в своих руках убитая им женщина.

Первой реакцией Тилля было возникшее раздражение по поводу того, что он не воспользовался только что представившимся благоприятным моментом и не завладел пистолетом. Но он понимал, что в его руках это оружие оказалось бы бесполезным, ведь даже выстрел в бедро не заставил бы маньяка говорить – Трамниц оказался нечувствительным к боли, а убивать его Беркхофф не хотел.

Сейчас не хотел. До той поры, пока убийца не приведет его к сыну.

«Лучше бы Фридер не возился с убитой, а бросился бежать», – подумал Тилль.

В этот момент Трамниц открыл водительскую дверь «мерседеса», на котором приехала убитая им женщина, и скомандовал:

– Ну же, чего вы ждете?

При этом он попеременно направлял пистолет то на Тилля, то на хирурга, размахивая свободной рукой.

– Залезайте! Да поживее!

Фридер поднялся, но, потрясенный до глубины души, не смог отвести взгляд от убитой. Он так и пялился шаг за шагом, как в трансе, глядя на тело. Только перед «мерседесом» хирург повернулся и со слезами на глазах спросил:

– Зачем?

От удара о переднее сиденье спортивного автомобиля на лбу у него расплывалось красное пятно, а у Тилля, который во время столкновения был пристегнут ремнем безопасности, разболелась шея.

– Садись в машину, и я тебе отвечу, – заявил Трамниц.

Тем временем Тилль уже занял место на переднем пассажирском сиденье, но Фридер еще колебался. Однако направленный на него пистолет не оставлял выбора, и он наконец тоже плюхнулся на заднее сиденье «мерседеса», опять не пристегнувшись.

– Вот дерьмо, – пробормотал хирург и закрыл лицо руками.

В этот миг трудно было понять, какой звук оказался громче – то ли шум запускаемого двигателя, то ли всхлипывания хирурга, то ли зловещий смех Трамница, когда он, заведя мотор, включил переднюю передачу и нажал на педаль газа.

«Мерседес» рванул с места, но затем маньяк нажал на тормоз, словно что-то забыл.

«Что я упустил из виду?» – в который раз спросил себя Беркхофф, уставившись на лежавший впереди него труп молодой женщины, смотревшийся в свете фар как нечто нереальное.

– Ты хочешь знать, почему я убил своего адвоката? – обернувшись к Фридеру, со зловещей улыбкой спросил Трамниц.

– Да.

– Потому что мне она больше не нужна и только меня раздражала.

В этот момент маньяк сделал задумчивое лицо, а потом заявил:

– И то и другое относится также и к тебе!

Произнеся такое, психопат кивнул, словно в такт своим мыслям, а потом добавил:

– Если хорошенько разобраться.

С этими словами убийца захохотал и выстрелил Фридеру, сидевшему на заднем сиденье, прямо в живот.

Глава 63

Зенгер

– Что он?

– Сбежал! Вырвался! Удрал!

– Это... Как такое могло случиться?

Фрау Зенгер повернулась кругом в опустевшей палате Трамница, словно желая найти еще какой-нибудь уголок в небольшом помещении, который Симон забыл осмотреть.

– Я должен был забрать его и сопроводить к спецмашине, а когда вошел сюда... – начал было санитар, но внезапно замолчал.

– Вы уже объявили тревогу? – поинтересовалась руководитель клиники.

Ее лицо побледнело как полотно. И в этом не было ничего удивительного. Еще бы! Сбежал не кто-нибудь, а Трамниц! Самый опасный психопат в ее учреждении, который словно растворился в воздухе.

– Разумеется, – ответил Симон.

При этом его голос звучал так, как будто он был виноват в происшедшем, хотя санитар все делал правильно.

В каждом отделении «Каменной клиники» были смонтированы скрытые тревожные кнопки, одна из которых располагалась в коридоре прямо рядом с огнетушителями. В случае возникновения чрезвычайной ситуации, чтобы дать знать об этом полиции, требовалось просто нажать на нее.

– Ровно за минуту до того, как я вам позвонил, – добавил санитар.

– Хорошо, – сказала фрау Зенгер.

Ей прекрасно было известно, что уже спустя три минуты во дворе клиники объявятся как минимум полдюжины патрульных спецмашин с вращающимися синими мигалками. Вот только оставался вопрос: где проводить поиски?

Руководитель клиники подошла к окну и взглянула на пустынный парк, деревья которого гнулись под порывами ветра. В свете фонарей

виднелись только залитые водой луга да разворошенная непогодой опавшая листва. На дорожках валялись сломанные ураганом ветки, смотревшиеся как внезапно выросшие коряги.

«Может быть, этот сукин сын все еще здесь? – подумала фрау Зенгер. – Ведь без посторонней помощи ему ни за что не пройти через заслоны системы безопасности».

В этот момент в отражении темного оконного стекла она снова заметила сокрушенный взгляд санитаря, которому доверяла больше всех в клинике.

– Что такое?

– Мне очень жаль, но есть еще плохие новости.

– Какие?

– Касов!

Услышав ненавистную фамилию, она быстро обернулась и спросила:

– Неужели это он помог ему сбежать?

– Скорее всего, нет, – тяжело вздохнув, ответил Симон. – Касов тяжело ранен и лежит в палате Винтера. На него явно было совершено нападение, и теперь Трамниц находится в бегах вместе с Винтером. Но и это еще не все.

«Бог мой! Два пациента за один день!» – пронеслось в голове у фрау Зенгер.

При этом ее не столько волновала перспектива оказаться на следующий день мишенью для прессы, сколько забота о безопасности населения.

В этот момент Симон смущенно закашлялся.

– Только не говорите мне, что сбежал кто-то еще! – воскликнула фрау Зенгер.

– Я не могу дозвониться до доктора Фридера. Зато мне удалось кое-что найти здесь в тумбочке.

– Дневник?

«Значит, Винтер все же говорил правду?» – подумала она и выхватила тетрадь из рук Симона.

Быстрым движением руководитель клиники развязала тесемки, и из тетради выпало письмо, которое оказалось адресованным не кому-нибудь, а ей лично. Конверт был подписан так:

«Профессору фрау Зенгер (если она еще не уволена!)».

Она распечатала конверт и начала читать адресованное ей письмо:
«Дорогая фрау Зенгер!

Здравствуйте, дорогая любопытная персона, любящая совать свой нос в принадлежащие другому человеку записи частного характера. Перед вами интимный, можно даже сказать, написанный с юмором дневник Гвидо Трамница, в котором он излагает свой взгляд на жизнь».

В этот момент ей показалось, что она слышит наглый и самовлюбленный голос этого негодяя. Отбросив охватившее ее чувство омерзения, фрау Зенгер продолжила чтение:

«Как видите, мой рассказ занимает всего несколько десятков страниц. И в нем с особым вниманием говорится о судьбе способного постоять за себя маленького Макса, с которым я провел свой последний эксперимент в «инкубаторе».

Если вы сейчас спешите, что вполне логично представить после моего бегства, а также учитывая, что с каждой секундой полученное мною преимущество только увеличивается, то могу дать вам совет: пропустите пока деликатные места. Ими вы сможете насладиться потом, уютно устроившись возле камина с бокалом вина.

На вашем месте я просто перевернул бы обратной стороной это письмо. Если вы хотите, конечно, узнать, где я сейчас нахожусь».

Дочитав до этого места, руководитель клиники с дрожью в руках перевернула лист бумаги. Причем так резко, что сначала ей с трудом удалось разобрать написанное. Но когда она прочитала то, что содержалось в нескольких абзацах, оставленных Трамницей, до нее дошла вся чудовищность задуманного и осуществленного маньяком плана. Письмо выпало из ее рук, и она, не в силах сдержаться, закричала, выплеснув весь свой гнев и отчаяние на несчастного Симона.

В этот момент вдалеке послышались приближавшиеся сирены полицейских машин, поднятых по тревоге.

Глава 64

Тилль

Тилль обнаружил в бардачке пакет первой медицинской помощи и перебрался на заднее сиденье. Затем он постарался как можно крепче прижать к огнестрельной ране хирурга кровоостанавливающий бинт, однако кровь продолжала идти.

«Ее слишком много, чересчур много», – подумал Беркхофф, видя, как марлевый бинт, вата и все, что удалось найти, напитываются кровью.

Кровь капала с перевязочного материала, как с мокрой губки. Ею пропиталась повязка и на его пальцах.

В машине пахло кровью, потом и страхом.

«Таков, наверное, и есть запах смерти», – пронеслось у Тилля в голове, хотя сама смерть и сидела за рулем «мерседеса», перевоплотившись в чистенького водителя, пребывавшего в отличном настроении.

– Помогите... – вздохнув, жалобно застонал хирург.

Он что-то пробурчал себе под нос, а потом, задыхаясь, вновь взмолился о помощи. При этом крупные капли пота, словно растаявшие градины, стекали у него со лба, правая нога непроизвольно дергалась, а глазные яблоки под закрытыми веками дрожали, как от разрядов тока.

– Остановись! – крикнул Трамницу Тилль, но тот только нажал на педаль газа, ускорив движение.

Машина, если Беркхофф не ошибался, мчалась по Шпандау в направлении Шарлоттенбурга. Однако сейчас это было совершенно не важно, поскольку они явно ехали не туда, где у Фридера сохранился бы хоть какой-то шанс выжить.

– Ему нужно в больницу!

– Разве он не мог сказать об этом раньше? – начал глумиться Трамниц. – Мы давно бы уже были на месте.

– Он умрет.

– Надеюсь, – ухмыльнулся Трамниц и подмигнул Тиллю в зеркало заднего вида. – Ты наверняка тоже не против этого?

«Почему он так говорит? – удивился Тилль и вновь задался мучившим его вопросом: – Что я упустил из виду?»

Он посмотрел в боковое стекло на улицу, где могучие стволы деревьев тянулись к небу, словно восклицательные знаки, как бы предупреждая: «Ты что-то упускаешь!»

Восклицательные знаки не спешили и двигались неторопливо, потому что Трамниц, видимо, чтобы не привлекать к себе внимания, старался соблюдать ограничения скорости. Всю дорогу Фридер что-то бормотал себе под нос, жалобно стонал и хрипел, взывая о помощи. При этом его рука, сжатая в кулак, становилась все холоднее и безвольнее, и Тиллю казалось, что эта кошмарная поездка никогда не кончится. Однако вскоре машина остановилась.

Они оказались на небольшой аллее с отдельно стоящими коттеджами, и здесь Беркхофф, осматривая в свете древних уличных фонарей окружающий ландшафт, испытал чувство, которое отдаленно можно было сравнить с дежавю.

Ему казалось, что он читает какую-то книгу, которая вначале представлялась ему знакомой. Однако по мере чтения с каждой страницей у него росло сомнение в том, что он действительно когда-то держал ее в руках.

«Где я?» – подумал он.

Большинство домов были построены в начале прошлого века и представляли собой величественные старые здания с высокими сводами и крышами, крытыми черепицей.

Однако дом, перед которым остановился Трамниц, выпадал из общего архитектурного стиля. Это было современное здание с большими окнами и плоской крышей. Свет в нем нигде не горел, освещение отсутствовало даже на номере дома.

– Открой ворота в сад! – приказал Трамниц, направив пистолет Тиллю прямо в лоб.

Беркхофф сделал защитное движение правой рукой, прекратив при этом зажимать рану Фридера, что, в общем-то, было бесполезным занятием.

– Убери пистолет, я и так никуда не убегу, – заявил он.

– Верно! – расплылся в улыбке Трамниц. – Ты ведь хочешь встретиться с Максом.

При упоминании этого имени Фридер снова начал стонать и протянул к Тиллю руку, как бы умоляя не оставлять его одного с маньяком в машине. Тогда Беркхофф вновь прижал руки врача к его животу и сказал:

– Я вернусь. Не волнуйтесь.

Затем он вышел из машины и отворил кованые ворота въезда в сад, которые оказались только прикрытыми, хотя, учитывая то обстоятельство, что дом казался нежилым, было бы логичнее их запереть от непрошенных гостей.

«Что я упустил из виду?» – в который раз спросил себя Тилль.

Трамниц вновь запустил двигатель, тот заурчал, и машина, шурша шинами по гравию, въехала во двор, а затем остановилась под навесом, возле которого угадывался вход в подвал. Сработали датчики детектора движения, и автоматически зажглись два фонаря, позволившие хоть что-то разглядеть.

– Он здесь? – спросил Тилль.

Ему стало нехорошо. Но не от крови на руках и не от того, что на заднем сиденье умирал человек, а на стоянке осталась лежать сбитая ими насмерть молодая женщина.

Ему было плохо от самой мысли о том, что от момента получения ответа на мучивший его вопрос и познания истины его могли отделять несколько мгновений.

– Макс в этом доме? – спросил он.

Нет ничего хуже, чем неопределенность. Кроме правды...

– Да, это действительно очень важный вопрос, не так ли? – ответил Трамниц.

С этими словами он хлопнул передней дверью, отчего открылась задняя, и Фридер выпал из машины на землю, словно мокрый мешок.

– О, посмотрите, как мило! – воскликнул маньяк. – Он хочет пойти с нами.

Хирург на самом деле исхитрился подняться с четверенек на ноги, но покачнулся в сторону Трамница и лестницы, ведущей в подвал. Тогда убийца отошел в сторону и дал Фри-деру пинка под зад, в результате чего тот полетел вниз по лестнице до самой двери. Тилль подумал было, что это окажется равносильно смертному приговору, и

хирург ломает себе шею. Однако перед тем, как стукнуться головой о каменный пол, врач смог зацепиться руками за перила, но подняться уже был не в силах.

Беркхоффу эта ужасная картина напомнила ситуацию с собакой, которую он когда-то у себя держал. Как-то раз ему пришлось отвести ее к ветеринару, и после общего наркоза она в течение часа пыталась встать, но ее лапы постоянно разъезжались на гладком полу ветлечебницы. Такими же беспомощными и одновременно трогательными казались сейчас и напрасные усилия Фридера.

– Оставь его в покое! – в ужасе воскликнул Тилль, но Трамниц, последовавший вслед за хирургом, схватил Фридера за шиворот и втолкнул врача через оказавшуюся тоже незапертой дверь в подвал.

На этот раз датчики движения автоматически включили свет уже в подвальном тамбуре.

«Что я упустил из виду?» – в который уже раз спросил себя Тилль.

– Пусть лежит! – рявкнул Трамниц. – Я сказал, оставь его.

Теперь голос маньяка больше походил на шипение змеи, чем на человеческую речь. Настолько садист разозлился, когда Беркхофф захотел посмотреть состояние раненого хирурга, неподвижно лежавшего на светлом ковре, никак не сочетавшемся с подвальным коридором.

Трамниц прикрыл входную дверь в подвал и пошел вперед по коридору по направлению к лестнице, которая предположительно вела на первый этаж жилого дома.

– Прошу в настоящие хоромы! – обернувшись к Тиллю, воскликнул Трамниц.

От запаха влажной пыли и старых книг у Беркхоффа засвербело в носу. Следуя за маньяком, несмотря на то что здесь было на несколько градусов теплее, чем снаружи, он с каждым шагом дрожал все больше и больше.

«Хочу ли я этого? – вопрошал себя Тилль. – Хочу ли ясности?»

Еще несколько дней назад он готов был за это все отдать. Нет, не просто готов, Беркхофф всем пожертвовал ради этого. Своей свободой, а возможно, и разумом.

В нем зародилось предчувствие чего-то темного и нехорошего. Того, что весь тот путь, проложенный для него этим психопатом, и те ужасные указатели, которым он следовал, приведут его к таким

познаниям, которые окажутся самыми худшими из того, что он только мог себе представить.

– Где мы? – спросил Тилль.

При этом его голос тонул во вместительных шкафах с открытыми дверцами, где ранее, вероятно, хранилась обувь, зимняя одежда и постельное белье. Но сейчас на полках было пусто. И от всего этого Тилля невольно пробил озноб.

Здесь пахло смертью!

– Всеу свое время, – заметил Трамниц, пригнув голову, проходя через очередную дверь и сворачивая по коридору направо. – Ты посмотри сначала, что я тут для тебя приготовил!

Глава 65

Теперь Тилль ощущал запах какого-то химического вещества. Что-то едкое раздражало слизистую, и ему пришлось зажать нос.

Несмотря на возраставшее внутреннее сопротивление, от которого ноги стали наливаясь свинцом, Беркхофф продолжал следовать за Трамницем. Он не заметил ступеньку за дверью и буквально ввалился в какое-то помещение, походившее на спальню, вероятно предназначавшуюся для гостей состоятельных хозяев этого дома, который никак не мог принадлежать психопату.

«Имущество Трамница уже давно должно было быть конфисковано и продано, – подумал Тилль. – Или нет?»

Двухспальная кровать была застлана светло-голубым покрывалом, но толстый слой пыли на дощатом полу и подоконниках затемненных окон подвала говорил о том, что здесь давно никто не убирался.

– Сюда, – услышал Тилль голос Трамница из соседнего помещения этого гостевого комплекса.

Спальня была отделена от комнаты раздвижной дверью, за которой и скрылся маньяк.

– Иди же! Не бойся! Подойди ближе!

Тилль закрыл глаза, но не смог заставить замолчать внутренний голос, который прямо-таки умолял его не делать этого: «Поворачивай обратно! Не ходи туда! Не смотри на это!»

Но Беркхофф не прислушался к своему внутреннему голосу, а пошел на зов убийцы, как будто его зачаровало пение сирен, выпущенных самим дьяволом.

Не открывая глаз, он сделал шаг вперед и, по его расчетам, оказался в дверном проеме, разделявшем обе комнаты. В это мгновение Тилль вспомнил, как стоял с закрытыми глазами на Рождество и ждал от родителей соответствующего знака, чтобы их открыть.

Только здесь не стояло никакой рождественской елки и подарки под ней не лежали. В помещении отчетливо ощущался запах страданий, мучений и...

– О боже! – воскликнул Тилль, заставивший себя открыть глаза.

Посередине пустого помещения, где отсутствовало даже ковровое покрытие, которым был устлан пол в остальных комнатах подвала, стоял массивный металлический прямоугольный стол, а на нем виднелся какой-то аппарат. Точнее даже, не аппарат, а самое настоящее адское изобретение. В натуре оно казалось еще более отвратительным, чем на фотографиях в газетах.

Деревянный ящик с вырезанными сбоку окошками внешне напоминал аппарат для искусственного дыхания. Подобные допотопные барокамеры Тиллю как-то раз довелось увидеть в музее истории судебной медицины. Отличие заключалось, пожалуй, лишь в том, что в агрегате «Искусственные легкие» голова пациента была открыта, а эта конструкция имела стенки со всех сторон.

– Что это такое? – едва дыша, спросил он.

– Мой отец всегда называл его «Трикси», не знаю почему.

Я же имя своему «инкубатору» давать не стал.

Тогда Тилль подошел поближе и протянул руку к ящику из коричневой прессованной древесины, где в обращенной к нему продольной стенке были проделаны два круглых отверстия величиной чуть больше ракетки для настольного тенниса. Они, как и верхняя сторона ящика, оказались остекленными. Причем у изголовья имелась специальная выемка, тоже из стекла.

– Макс? – потрясенный представшим ему зрелищем, только и смог проговорить Тилль.

Разглядеть, имелось ли какое-нибудь движение внутри этого агрегата, достаточно вместительного для шестилетнего, нет, уже семилетнего мальчика, у него не получалось, поскольку все стекла были матовыми и почти непрозрачными. Хотя...

Нет. Стекло было не матовым. Оно оказалось покрытым водяным паром!

Стекло запотело!

Тогда Тилль подошел еще ближе.

Так и есть! Оно запотело изнутри!

Беркхофф наклонился над закрытой крышкой и увидел лежавшее в ящике тело.

– Это... – только и смог выдать из себя Тилль и посмотрел на стоявшего рядом Трамница, которого сложившаяся ситуация явно забавляла.

Слезы брызнули из глаз несчастного отца.

– Это мой сын? – спросил он.

– Ты его не узнаешь?

– Я... я его не вижу. Стекла так сильно запотели.

«Это уже само по себе является хорошим знаком, поскольку означает, что он дышит. Разве не так?» – подумал Беркхофф.

В ответ Трамниц по-отечески похлопал его по плечу и заявил:

– Подойди поближе и посмотри внимательнее.

– Но как... Как такое возможно?

Тилль зашмыгал носом и провел рукавом халата по стеклу снаружи, что, конечно, было бессмысленно, поскольку конденсат покрывал его поверхность изнутри.

Однако здравый смысл подсказывал Беркхоффу, что Макс не мог целый год провести в этом ящике. Выжить в одиночку, да еще в доме, о котором никто не знал, было просто нереально.

– Ты действительно не знаешь, где находишься? – спросил стоявший рядом Трамниц. – Не узнаешь?

В ответ Тилль замотал головой, как маленький школьник, вызванный к классной доске и не способный решить заданную ему задачу.

– Ты и вправду не понимаешь, что на самом деле произошло? – продолжал спрашивать его маньяк. – Я имею в виду то, что случилось год назад с Максом?

– Нет, – прошептал Беркхофф, чувствуя поднимающийся у него изнутри всеобъемлющий страх.

– Ладно, – сказал Трамниц. – Так и быть, я помогу тебе.

Глава 66

Возвращение к прошлому

Макс. Год назад

«Кубик льда», – твердил про себя Макс, крепко держа в руках модель космического корабля.

С этой мыслью мальчуган вышел на улицу в холод, который идеально подходил для кодового слова, которое они вместе с отцом придумали прошлым летом.

Они тренировались снова и снова, чтобы кодовое слово четко врезалось в память, используя для этого любой удобный случай, – прогулки по лесу, поездки на машине и даже ожидание автобуса.

– Как ты поступишь, если незнакомый человек скажет тебе, чтобы ты пошел вместе с ним?

– Я спрошу у него кодовое слово.

– А какое кодовое слово?

«Кубик льда», – пробормотал Макс, осторожно спускаясь по ступенькам парадной лестницы в палисадник. Ему ни в коем случае нельзя было поскользнуться – от этого в модели космического корабля могло что-нибудь сдвинуться или вовсе сломаться. А этого допустить было нельзя. По крайней мере, до той поры, пока его творение не увидит Анна. Анна, от которой всегда так хорошо пахло, когда она его ласково тискала.

– Эй, малыш! – окликнул его мужчина, стоявший справа под старым фонарем.

– Да?

– Не подскажешь, где тут дом под номером шестьдесят пять?

Максу вовсе не хотелось задерживаться на своем пути к Анне, а кроме того, с каждой секундой становилось все холоднее и холоднее.

– Какое кодовое слово? – ответил он незнакомцу.

– Не понял, – удивился мужчина и посмотрел на Макса так, как будто тот разговаривал с ним на тайном языке, придуманном в игре

вместе с лучшим другом Антоном.

– Не важно, – немного подумав, ответил Макс, решив все же помочь незнакомцу. – Как вы сказали? Дом номер шестьдесят пять?

В конце концов, неизвестный не просил его идти вместе с ним, да и правила применения кодового слова вряд ли подходили к этой ситуации. Ведь перед ним стоял человек в форме почтальона, тянувшего по снегу тачку, доверху нагруженную почтовыми посылками.

– Спасибо, приятель, – попрощался почтальон после того, как Макс показал ему дорогу.

Оказалось, что почтальон ошибся не только номером дома, но и улицей. Ему нужна была не Lärchenweg, а Lerchenweg^[10].

Но такому в районе, где названия улиц оказались схожими, удивляться не приходилось.

Макс дождался, пока почтальон вернулся в свой желтый грузовичок и уехал, что дало ему время продумать слова, с которыми он собирался поприветствовать Анну. Если быть честным, то его трясло от страха, ведь Анна была так прекрасна, а он такой маленький. А вдруг она рассмеется, увидев, кто позвонил ей в дверь? И вообще, он не знал, нравятся ли ей «Звездные войны». Но Анна была такой замечательной девушкой и, соответственно, должна любить эту киноэпопею.

Макс настолько задумался, что, пересекая улицу, не заметил спортивный автомобиль, мчавшийся на огромной скорости прямо на него.

«О нет! – только и успел подумать он. – Мой «Тысячелетний сокол»!»

В следующее мгновение макет космического корабля взлетел в воздух, а затем упал на снег и развалился.

Таким же травмированным оказалось и его маленькое тельце, которое с каждой секундой все глубже погружалось в море боли. И волны этого моря с громким воем накрывали его одна за другой до тех пор, пока он не потерял сознание.

Через несколько часов Макс очнулся, но не увидел ничего, кроме глаз, – все остальные части лица мужчины прятались за зеленой марлевой маской. Потом прошло еще какое-то время, пока мальчик

понял, что жесткая поверхность, к которой он был привязан, являлась операционным столом.

Тогда, год назад, Макс подумал, что очнулся в аду, куда злой монстр из Хеллоуина притащил его для пыток. Малыш и представить себе не мог, что настоящий ад перед ним откроется позже, а сейчас он проходит всего лишь через его врата.

Мальчуган умирал от страха в подвале этого странного дома, куда мужчина доставил его только сегодня утром. Это был все тот же человек, который сбил Макса, а затем наложил шину на сломанную ногу и заботился о нем, пока малыш не выздоровел. Но делал он это лишь для того, чтобы в конце концов убить.

Убить в этом узком деревянном ящике, где мальчик лежал скованными ногами и над которым внезапно кто-то наклонился. Судя по всему, это был мужчина. Однако его облик отличался от образа того человека, который охранял Макса все это время. Он казался стройнее, может быть, моложе. Точнее мальчуган определить не мог, не говоря уже о том, чтобы опознать лицо. Ведь стекла у этого чертова ящика сильно запотели.

– Папа?! – с надеждой закричал Макс, хотя за все эти месяцы изоляции ее у него почти не осталось.

Глава 67

Тилль

– Макс! Это ты? – воскликнул Тилль и постучал по стеклу «инкубатора».

Он не был уверен в том, что сын позвал его, ведь изнутри слышалось всего лишь приглушенное бормотание – настолько хорошей звукоизоляцией обладало это дьявольское изобретение.

– Открой! – обратился Тилль к Трамницу, в правдивости рассказа которого сильно сомневался.

«Бегство водителя с места ДТП после несчастного случая на дороге? Похитителем был вовсе не Трамниц?» – отказывался верить заявлениям убийцы мозг несчастного отца.

Сама действительность противоречила утверждениям маньяка. Ведь если похитителем оказался не Трамниц, то тогда почему Макс находился в этом подвале? В этом «инкубаторе»?

«Что я упустил из виду?» – не отпускал мучительный вопрос Беркхоффа, но ответа на этот вопрос он опять не нашел.

Однако сейчас на размышления не было времени.

– Открой! Немедленно! – потребовал он.

– Я и рад бы, да не могу, – со вздохом произнес Трамниц. – У меня нет ключа.

Тилль в растерянности заморгал и спросил:

– Как так нет?

– Я не создавал это изделие.

Такое заявление настолько изумило Беркхоффа, что он, заикаясь, залепетал:

– Но, но... но кто тогда?

Вне себя от охватившего его ужаса, Тилль принялся ощупывать поверхность ящика, но никакого рычага, поворотного колеса или шарнира не обнаружил. Не оказалось приспособления, с помощью которого можно было бы открыть этот дьявольский «инкубатор», и около круглых застекленных отверстий, видимо предназначенных для

того, чтобы просовывать руки вовнутрь ящика, ни у крышки с изголовьем из стекла. Тогда его стал мучить другой вопрос:

– А туда воздух, вообще-то, поступает?

– Да, пока открыт этот клапан.

С этими словами Трамниц указал на металлический стержень не больше колпачка шариковой ручки, располагавшийся сбоку ящика, а потом заметил:

– Но стоит только закрутить его, и...

Тут маньяк высунул язык и стал издавать сдавленные звуки, а когда имитировать удушье ему надоело, захихикал.

– У кого же тогда ключ, если это изделие тебе не принадлежит? – спросил Беркхофф.

– Кто сказал, что оно не мое? Конечно, мое. Это опытный образец, который я хранил в гараже возле Тельтов-канала. Но все соединения, а также клапан – новые. И изготовлены они не мной.

– Тогда кем, если не тобой?! – воскликнул Тилль.

В этот момент позади них послышался шорох, и споткнувшийся о порог Фридер, скорчившись, со стоном рухнул в проходе.

– Стоит только упомянуть дьявола, как он тут как тут, – заметил Трамниц.

При этом глаза у него засветились, как у подростка, которому подруга пообещала первый в его жизни секс.

Глава 68

Вся верхняя часть тела хирурга, его лицо и волосы были в крови. Она виднелась и на ковровом покрытии, и на всем, к чему он прикасался.

Тилль почувствовал привкус крови во рту и ощутил ее запах, словно он сам искупался в ней, хотя в действительности кровью Фридера было испачкано только его лицо и пропитана повязка на пальцах. Одновременно в ушах у Беркхоффа внезапно зашумело так, словно он оказался на берегу мощного горного потока.

– Что ты только что сказал? – с трудом выдал он из себя.

«Правда, которую ты ищешь, не принесет тебе облегчения», – вспомнились Тиллю почему-то слова, адресованные ему в дневнике убийцы.

– Бог ты мой! Тилль, отец Макса! Ты все еще не можешь сосчитать, сколько будет один плюс один? – спросил Трамниц, глядя прямо в глаза Беркхоффу. – Ты еще не понял, почему наш побег прошел так удивительно просто? Почему никто не попытался нам помешать? Почему двери в этом доме оказались открытыми?

– Нам кто-то помогал, – догадался Беркхофф.

Тут психопат указал на хирурга, сидевшего, опираясь на стену, в проеме между двумя подвальными помещениями, и сказал:

– Позвольте представить! Тайный руководитель нашего побега. Он же доктор «Вермут», пардон, Хартмут Фридер, не любящий посещать встречи «анонимных алкоголиков» и чуть было не потерявший все из-за своего пьянства перед операцией. Это он сбил на своем «порше» в прошлом году дорогого нам Макса.

– Закройте рот, – задыхаясь, проговорил Фридер, зажимая окровавленными руками свою рану.

– Но ведь так оно и было, – заметил Трамниц.

С этими словами он подошел к Фридеру, пнул его по вытянутым ногам и сказал:

– Пьяный в стельку за рулем! Могу себе представить, какие мысли проносились в твоей задурманенной алкоголем голове, когда ты стоял в снегу рядом с тяжело раненным ребенком возле разбросанных

деталей детского конструктора. Наверняка ты размышлял так: «Проклятье! Если это выплывет наружу, то я окажусь в полной заднице и потеряю и работу, и репутацию, и свободу. В общем, все!»

– Так это были вы?! – воскликнул Тилль.

Беркхофф отошел от «инкубатора», посмотрел на человека, чью жизнь пытался спасти всего несколько минут назад, и подумал: «А я его еще защищал!»

– Он запихнул Макса в багажник и отвез его в свой загородный коттедж, – продолжал между тем Трамниц. – Чтобы в спокойной обстановке обдумать, что делать дальше.

Маньяк ненадолго замолчал, а потом, посмотрев на Тилля, заметил:

– Как бы то ни было, он лечил мальчика. Наложил ему на ногу шину и все такое. При этом на нем всегда была надета маска.

Затем Трамниц продолжил, уже обращаясь к Фридеру:

– Полагаю, что ты собирался когда-нибудь отпустить его, не так ли? – Тут маньяк вздохнул и заметил: – Однако как-то раз этот идиот забыл снять с себя халат. Вот до чего доводит пьянство! Поэтому Макс, чтобы узнать, кто перед ним, не потребовалось видеть его лицо. Он и так смог прочитать на табличке: «Доктор Хартмут Фридер, «Каменная клиника».

В этот момент слова убийцы стали доноситься до Беркхоффа словно издалека. У него заложило уши, а от тяжести в груди стало трудно дышать. По-видимому, его мозг отказывался воспринимать правду, которую излагал Трамниц.

– Какая ирония судьбы! – воскликнул психопат, явно наслаждаясь произведенным впечатлением. – Макс в то время едва мог читать, ведь он тогда ходил всего лишь в первый класс. Но чтобы разобрать, кто перед ним, знаний у него хватило.

– Зачем вы это делаете? – простонал Фридер, перестав держать руку на животе.

– Не пойми меня неправильно, Тилль, – заметил Трамниц. – Фридер вовсе не плохой человек. Во всяком случае, не такой, как я. Он ругал себя за происшедшее и не знал, как поступить. Ведь с одной стороны, ему не хотелось попасть в тюрьму за похищение ребенка, а с другой – на убийство Макса Фридер был не способен. Он не сделал этого до сегодняшнего дня. И вот в игру вступаю я.

С этими словами Трамниц сделал шаг вперед, как делают актеры на большой сцене. Приняв театральную позу, он продолжил:

– А ведь Провидение позаботилось о нем, и я почему-то оказался на его операционном столе. Я, которого весь мир считал повинным в убийстве Макса.

«Вот почему маньяк не признался в убийстве и не стал наслаждаться страданиями близких родственников своей жертвы, – нашел Тилль ответ на вопрос, заданный ему Трамницем в его дневнике. – Потому что он не убивал Макса!»

– Все это время наш дорогой хирург прятал маленького Макса в своем коттедже. Точнее, в отдаленной рыбацкой хижине на берегу озера Шармютцельзе, где его никто не мог увидеть.

Произнеся это, Трамниц театральным жестом указал на врача и продолжал:

– После операции Фридер пришел в мою больничную палату и предложил мне сделку, суть которой заключалась в следующем: я должен был изобразить все так, как будто убийство Макса моих рук дело, и привести полицию к его трупу, а взамен он поможет мне сбежать.

– А как же дневник? – спросил Тилль, все еще не в силах поверить в чудовищные разоблачения Трамница.

Беркхофф никак не мог понять, стоит ли воспринимать услышанное как хорошую новость, означавшую, что Макс еще жив, или он стал участником какой-то особо жестокой игры, задуманной маньяком? Может быть, садист просто хотел зародить в нем ложные надежды?

– Дневник – это часть сделки, – пояснил Трамниц. – Я специально завел его в психушке, чтобы позднее он был обнаружен и послужил окончательным доказательством того, что убийство совершено именно мною, а не Фридером.

– Почему убийство? Ведь Макс жив! – воскликнул Тилль, повернувшись к «инкубатору».

– Пока жив. Фридер и вытащил меня из клиники, чтобы я сделал за него всю грязную работу.

«Великий Боже!» – пронеслось в голове у Беркхоффа.

Только теперь до него дошло, что в своем дневнике Трамниц описывал не прошлые, а будущие поступки. До этого момента маньяк

и в глаза не видел Макса. Он только собирался его убить. И именно сегодня. Здесь и сейчас!

В этот миг, словно подтверждая страшную догадку несчастного отца, психопат заявил:

– Я передал Фридеру точные инструкции относительно того, где ему найти «инкубатор» и как он должен его усовершенствовать по моим чертежам, чтобы аппарат работал. И я же указал Фридеру место, куда его отвезти, чтобы все выглядело так, как будто «инкубатор» с самого начала был у меня.

– Где мы? – спросил Тилль, вспоминая свои ощущения от уличных фонарей перед домом и своеобразный зуд в носу, который он почувствовал при входе в этот подвал, оборудованный как жилое помещение.

– Ты и сам знаешь, где мы находимся, – уверил его Трамниц.

«Знаю, – подумал Беркхофф. – В лапах дьявола. В самом центре ада».

– Когда я понял, кто ты есть на самом деле, то по моей просьбе Пиа отыскала этот адрес, – заявил маньяк.

При этом он поднял вверх обе руки и сделал жест, который должен был означать: «Эй, не стоит так переживать!» Затем Трамниц поглядел на Фридера, пускавшего изо рта кровавые пузыри, и заметил:

– Знаю, знаю. Это противоречило нашей договоренности.

Место, в котором они находились, казалось Тиллю почти потусторонним. В физическом плане он был все еще здесь, в этом подвале, стоя между адским изобретением, в плену которого томился его сын, и двумя преступниками. Однако душа его витала совершенно в ином месте. Голоса вокруг него становились все тише, все звуки как будто отдалились. Он впал в настоящее шоковое оцепенение и был не в силах даже пошевелиться.

– Мне показалось, что будет гораздо забавнее, если все произойдет не у меня, а именно здесь, – продолжал изрекать Трамниц, обращаясь к хирургу. – Я почему-то был уверен, что он поедет вместе с нами.

– Зачем вы ему все это рассказываете? – услышал Тилль откуда-то издали слабеющий голос Фридера.

– По той же самой причине, по которой я выбрал этот подвал, – ответил Трамниц, подходя с пистолетом в руке к съезжившемуся на

полу хирургу. – Мне нравится доставлять людям страдание. А они страдают гораздо сильнее, когда видят самую для них ужасную правду собственными глазами.

После такого заявления маньяк приставил пистолет к голове Фридера, который со стоном оторвал одну руку от своего живота. При этом напитавшееся кровью перевязочное средство отпало, открыв кровоточащую рану. К изумлению Тилля, в ответ на действия Трамница врач только улыбнулся, обнажив окрашенные кровью зубы.

– Ну что же вы, смелее! – прохрипел Фридер. – Я все равно собирался это сделать.

– Ты хотел сегодня умереть? – нервно прищурился психопат.

– Все закончить, – пояснил хирург. – Я хотел все отменить.

При этом Фридер посмотрел на Беркхоффа уже начавшими тускнеть глазами, как бы говоря: «Мне правда очень жаль. Я совершил непростительную ошибку».

Тут Тилль вспомнил первые слова, которые произнес Фридер, войдя в палату Трамница: «Кое-что произошло, и я должен...»

– Все отменить? – недоверчиво повторил маньяк последние слова врача. – Вы только посмотрите на него! У нашего неженки под конец проснулась совесть. К сожалению, слишком поздно.

– Убейте меня! – трясая головой, прохрипел Фридер. – Только оставьте мальчика в покое! Я передумал.

– Боюсь, что в таком положении, когда ты истекаешь кровью, у тебя не самая лучшая позиция для переговоров.

Хирург откашлялся кровью и повторил:

– Отпустите Макса! Время работает против вас. Скоро вас все равно схватят.

– И что? Может, я не хочу бежать!

– Но вы хотите увидеть страдания Макса и его. – Фридер кивком указал на Беркхоффа. – А это у вас не получится, если вам помешают.

– Ничего. Время у меня есть.

Собрав последние силы, Фридер отодвинул пистолет от своего лба, но Трамниц снова вернул оружие на место.

– Чего-чего, а времени у вас как раз нет, – вновь прохрипел хирург. – Моя карточка-ключ постоянно посылает сигнал. Так ее легче найти, если она потеряется. Зенгер знает, где я нахожусь, и скоро полиция будет здесь.

– Не держи меня за слабоумного, – рассмеялся Трамниц. – Ты не такой дурак и наверняка уничтожил все следы, которые могли бы указать на твою причастность к моему побегу.

– Сколько раз повторять, – собравшись с силами, запротестовал Фридер. – Я понял, что не перенесу этого, и передумал, решив во всем признаться.

В ответ Трамниц пожал плечами и заявил:

– Если даже и так, то ты все равно блефуешь. Никаких сигналов твоя магнитная карточка-ключ не посылает. Но лжешь ты неплохо, признаю. Мне очень понравился спектакль, который ты разыграл, якобы разговаривая по телефону с санитарями.

Поднеся пистолет к уху, как мобильный телефон, маньяк передразнил хирурга, изобразив его разговор, повторив слова Фридера: «Мне известно, что это нарушает имеющиеся предписания. Но у нас возникла ситуация с заложником...» Затем он снова приставил ствол пистолета ко лбу врача и сказал:

– Ну все, хватит дурачиться.

– Нет, подождите, я умоляю вас, не трогайте Макса...

Закончить фразу Фридер не успел, так как Трамниц спустил курок. Прогремел оглушительный выстрел, и пуля, пробив хирургу лоб, вышла через затылок и застряла в гипсовой стене.

– Однако он прав, нам следует поторопиться, – сказал маньяк, словно не видя осколков костей, кровь и мозговое вещество, расплывавшиеся на белой стене позади мертвого Фридера.

Но это зрелище так повлияло на Беркхоффа, что шум у него в ушах прекратился, и он наконец-то вышел из состояния шокового оцепенения.

Глава 69

– Что ты делаешь? – спросил Беркхофф Трамница, осматривавшего карманы убитого хирурга.

Тилль не рассчитывал на ответ, но психопат, найдя то, что искал, в карманах брюк Фридера, торжествующе проговорил:

– Что и следовало ожидать.

С этими словами он показал Тиллю четырехгранный стержень и пояснил:

– Ключ для клапана.

Маньяк хотел уже пройти мимо Тилля, но тот нашел в себе мужество встать у него на пути.

– Прекрати. Ты не должен этого делать.

– Если бы я должен был делать подобное, то это была бы работа, – кивнул Трамниц. – Мне же это доставляет удовольствие.

Затем он вынул магазин из своего пистолета. Убедившись, что в нем остался еще один патрон, маньяк показал его Тиллю, вставил обойму на место и, перезарядив оружие, двинулся мимо Беркхоффа.

– Что ты собираешься делать? – спросил несчастный отец.

– Как что? Пора позаботиться о Максе, – ответил Трамниц.

Заявив это, он постучал стволом пистолета по стеклу на изголовье «инкубатора» и воскликнул:

– Эй! Ты меня слышишь, парень? «Лечение» начинается. «Черт! Что же делать?» – подумал Беркхофф.

Он огляделся, лихорадочно ища какой-нибудь предмет, чтобы противостоять вооруженному психопату. Затем размотал повязку на голове и закричал:

– Прекрати! Иначе я уйду!

В ответ Трамниц даже не обернулся. Вместо этого он поместил четырехгранный ключ на штифт клапана и заметил:

– Что за нелепая угроза?

– Фридер был прав, не так ли? Меня ты взял с собой только для того, чтобы увидеть мои страдания.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Если я сейчас уйду, то из твоей затеи ничего не получится. Ты не увидишь мою боль, и все твои усилия окажутся напрасными.

На этот раз Трамниц обернулся, и его лицо скривила зловещая улыбка.

– Ты переоцениваешь свою важность, – заявил он. – Ты здесь вовсе не для того, чтобы смотреть, как мальчик умирает.

«А для чего?» – пронеслось в голове у Тилля.

– Оставшись один на один с мальчиком, я все равно получу удовольствие, а ты – просто бонус, который мне хотелось приберечь на потом.

«Что я упустил из виду?» – вновь подумал Тилль.

– Когда я покончу здесь с Максом, тебе предстоит пережить нечто такое, что тебя полностью уничтожит. Этого я и добиваюсь. Мне хочется посмотреть тебе в глаза и насладиться твоими страданиями. – Трамниц зашмыгал носом, а потом заявил: – К твоему сведению, тебе не удастся далеко уйти. Пиа все предусмотрела. Ты не сможешь выйти отсюда, ведь вход в подвал заблокирован, а дверь на первый этаж закрыта. Конечно, ты можешь подождать в коридоре, пока с Максом будет покончено. Его останки я обязательно тебе покажу, а потом мы продолжим.

С этими словами маньяк стал поворачивать четырехгранный ключ, уменьшая подачу воздуха в «инкубатор».

Бум... бум – почти сразу же послышались изнутри удары, наносимые по стеклам и деревянному корпусу ящика.

– Жаль, что у нас не так много времени! – воскликнул Трамниц. – Иначе я проделал бы с ним совсем иное. Однако посмотри! Теперь видимость стала гораздо лучше, и ты сможешь увидеть, как он задыхается!

В ту же секунду Тилль накинул на шею убийце веревку, которую скрутил из бинтов своей головной повязки. Но это ничего не дало.

Отчаянная попытка Беркхоффа оказалась настолько жалкой, что маньяку хватило всего одного удара локтем, чтобы вызвать в голове несчастного отца настоящий фейерверк. Из глаз у него посыпались искры, а всего его пронзила острая боль.

– Кто научил тебя таким манерам? – спросил Трамниц.

Между тем удары изнутри ящика начали напоминать барабанный бой.

Бум, бум, бум...

– Какую прекрасную музыку я слышу! – заявил Трамниц, склоняясь над «инкубатором».

Между тем Тилль, лежа на полу, отчаянно думал, как ему спасти Макса. Но в голову ничего не приходило, ведь он даже не мог встать.

Глава 70

Зенгер

«Дорогая фрау Зенгер, вы впервые держите в руках дневник, в котором описываются не прошлые события, а то, что произойдет в будущем.

Все, что вы будете читать, маленького Макса пока только ожидает. Моим фантазиям еще предстоит воплотиться в жизнь. Возможно, уже сейчас, как раз в данный момент.

Доктор Фридер полагал, что заставит меня действовать по его плану. При этом он явно блефовал, утверждая, что отравил меня во время операции.

На самом же деле это он танцует под мою дудку (хотя я сильно сомневаюсь, что тогда, когда вы будете читать эти строки, он вообще сможет танцевать).

Я убедил его привести «Трикси» (вы потом поймете, что это такое) в место, которое ему было мною указано, чтобы мне можно было приступить к «лечению» Макса. Взамен моих услуг он помог мне сбежать. Причины такого его поступка я объясню, когда мы с вами встретимся вновь.

Я твердо убежден, что мы с вами еще увидимся, когда меня вернут под ваше крыло. Вы переживете дисциплинарное взыскание и возбужденное против вас следственным комитетом дело, которое он наверняка откроет после моего бегства.

Причина, по которой я пишу вам столь откровенно, заключается в том, что у меня нет намерения оставаться на свободе. Ведь мне так комфортно пребывать в упорядоченных условиях психиатрической клиники, в которой есть все, в чем я нуждаюсь: крыша над головой, бесплатное питание, наркотики и даже проститутки. Причем все это с доставкой прямо в палату. Кроме того, у вас мне спасли жизнь, хотя психологические эксперименты Фридера немного раздражали. Однако сейчас это, к счастью, уже в прошлом.

Есть и другая, пожалуй, основная причина, почему я хочу вернуться: будет второй судебный процесс. На нем у меня появится возможность посмотреть маме маленького Макса в глаза, и она узнает, что ее мальчик прожил еще год. Узнает, что был даже реальный шанс освободить его, заключить в свои объятия, поцеловать, ласкать и смотреть, как он растет, превращаясь во взрослого мужчину. А после вынесения приговора я вновь взгляну ей в глаза, чтобы увидеть ее ярость, боль и отчаяние. И этот образ я сохраню в своих мыслях, чтобы иметь возможность вызывать его из своей памяти, когда мне захочется им вновь насладиться.

Да, чуть не забыл. Чтобы это пожелание сбылось, вам просто нужно немного подождать. Я свяжусь с вами, когда все закончится.

В радостном ожидании,

ваш Гвидо Трамниц».

– «Трикси»? – строго спросил тучный комиссар по уголовным делам, фамилию которого фрау Зенгер опять позабыла.

Эта фамилия походила на название какого-то животного – не то лисица, не то куница, а может быть, и олень.

Комиссар сидел в кабинете руководителя клиники, где фрау Зенгер и передала ему послание Трамница.

– «Трикси», «Трикси»... – повторил комиссар. – Вы, случайно, не знаете, что под этим подразумевается?

Его люди уже занимались поисками, и вся местность была оцеплена. Однако он заметно нервничал, что можно было понять: пока на след беглецов выйти не удалось.

– К сожалению, нет. А что скажете вы, Симон?

Санитар тоже был вместе с ними, и все трое расположились за маленьким круглым столиком, на котором обычно стопками лежали папки с личными делами пациентов, которые руководитель клиники по этому случаю убрала.

Симон, которого комиссар попросил дать свидетельские показания, откашлялся и сказал:

– Я не уверен, но в газетах об этом что-то писали. Мне кажется, что так Трамниц называл свой «инкубатор», в котором...

– А каковы размеры этого изделия? – прервала его фрау Зенгер, к явному удивлению комиссара, который привык сам задавать вопросы.

– Помню только приблизительно. Что-то около полутора метров в длину и шириной, достаточной для одного человека. А что?

– Да, почему вы считаете это важным? – уточнил полицейский.

Лицо комиссара сделалось еще более кислым, когда руководитель клиники проигнорировала его вопрос и вновь обратилась к Симону:

– В последнее время Фридер не заказывал машину скорой помощи или какой-нибудь другой транспорт? Не думаю, что на своем «порше» ему удалось бы перевезти столь габаритное изделие.

Пока комиссар смотрел на санитаря с таким видом, будто ему кто-то свистнул прямо в ухо, Симон вскочил с места и устремился к двери, поясняя на ходу:

– Надо проверить путевые записи в автопарке.

– Да! Сделайте это! – крикнула ему вдогонку фрау Зенгер. – И затем проверьте данные в навигаторе. Вы наверняка что-нибудь обнаружите!

Глава 71

Тилль

Несмотря на жуткую боль и панику в душе, которые не могли смягчить выбросы адреналина, Тилль направился в соседнюю комнату.

Сделать это его заставили глухие удары Макса, раздававшиеся изнутри «инкубатора». Кулачки мальчика словно отбивали ритм смерти: бум, бум, бум...

Беркхофф судорожно принялся искать в комнате для гостей какой-нибудь предмет, который можно было бы использовать как оружие, – палку, нож для ковра или что-то острое, но ничего не находил. Даже во встроенном шкафу обнаружили только два кусочка мыла, которые, по-видимому, раньше лежали между бельем, но теперь они уже совсем не пахли.

Бум...

Удары Макса заметно слабели, а интервалы между ними становились длиннее.

«Сколько у него осталось еще воздуха для дыхания?» – подумал Тилль.

От отчаяния он собрал последние силы и неожиданно нанес Трамницу кулаком удар в подбородок. Но это оказалось малоэффективным. К тому же маньяк обладал великолепной реакцией. От первого же его тумака грудная клетка у Беркхоффа словно треснула, выпустив из легких весь воздух. Затем последовал удар ногой в промежность.

Тилль обмяк и хотел было закричать, но ему не хватало воздуха, хотя открытым от боли ртом он жадно пытался его хватать, напоминая выброшенную на берег рыбу.

Бум, бум...

И тогда Беркхофф их увидел – две пустые полиэтиленовые бутылки лежали рядом с кроватью для гостей недалеко от темного пятна на светлом ковровом покрытии.

«Что я упустил из виду?»

Остатки жидкости в бутылках имели неприятный коричневый оттенок, и в нос Беркхоффу ударил резкий запах бензина. Его бросило в жар, и у него появилось огромное желание расцарапать себе голову.

«Что я упустил из виду?»

Бум, бум...

Сигналы его сына становились все слабее и слабее. И от осознания этого у несчастного отца вновь начали появляться силы.

«Что... я... упустил из виду? – завертелись мысли в голове. – Шкаф? Бутылки? Пятно? Или это была спортивная сумка? СУМКА!!!»

Что-то похожее на нее виднелось прямо под гостевой кроватью! Собрав остатки сил, Тилль на четвереньках, поскольку о том, чтобы идти, не было и речи, медленно, слишком медленно пополз к увиденному предмету. Им действительно оказалась черная сумка!

И чем ближе он к ней приближался, тем больше она становилась. Наконец Тилль схватил ее. Но прежде чем Беркхофф расстегнул молнию, его вновь посетило очень странное чувство. Оно оказалось сильнее, чем дежавю. И это было не предчувствие, а неизвестно откуда появившееся знание! Тилль уже заранее знал, что он найдет в спортивной сумке и как этим распорядится!

Знал, как держать найденное! И эти знания его не подвели! Хотя они и были получены каким-то сверхъестественным образом.

– Трамниц! – прорычал он, развернулся и посмотрел со своего места в проем между ножек кровати на монстра, видневшегося через открытую раздвижную дверь в соседней комнате.

– Откуда, черт побери... – только и успел сказать маньяк, от изумления широко раскрыв свои слишком синие на столь красивом лице глаза.

Черты его лица остались по-прежнему привлекательными даже после того, как Тилль разрядил в него весь магазин пистолета, который был спрятан в спортивной сумке под кроватью.

Глава 72

– Макс! – воскликнул Тилль, поворачивая четырехгранный ключ, который все еще был на клапане.

После четверти оборота Беркхофф услышал шипение, а после еще двух полных оборотов винт отвернулся.

Тогда он снова принялся искать запоры, соединявшие крышку с самим ящиком. Постепенно Тилль нашел еще несколько углублений и винтов в них. Открутив их, ему наконец удалось приподнять проклятый стеклянный купол. Крышка оказалась настолько тяжелой, что Беркхофф с большим трудом сумел оттолкнуть ее и сбросить на пол.

Он был готов схватить неподвижное тело своего мальчика, сделать ему массаж, стимулирующий работу сердца, искусственную вентиляцию легких методом «рот в рот» и все, что угодно, только бы вернуть его к жизни. Однако что-то в принявшем восковой оттенок и смертельно бледном лице Макса, изменившемся до неузнаваемости, заставило его на мгновение замереть. В этот миг он подумал, что все бесполезно.

«Боже! Прости меня...» – пронеслось у него в голове.

Ему показалось, что Макс ушел из жизни навсегда, как адвокат на парковке или Фридер здесь, в подвале.

И как тот же Грамниц!

Подвал был просто пропитан смертью, страданиями и страхом!

«Это помещение мне знакомо, – внезапно подумал Тилль. – Я здесь уже бывал. Иначе откуда бы мне знать о содержимом сумки?»

– Нет! – закричал Беркхофф и прижался губами к губам своего любимого сына, душа которого, казалось, уже попрощалась с ним.

И такое ощущение было не случайным – так мало он чувствовал исходившего от ребенка тепла и любви.

Сколько раз Тилль представлял себе тот момент, когда наконец узнает правду! Как часто он воображал, что почувствует облегчение! Но теперь все выглядело так, как будто самое худшее его еще только ожидает.

А как еще может чувствовать себя отец, найдя свое дитя, считавшееся мертвым, которого еще можно было спасти, но под конец все же потеряв его?

Кто может вынести такое?

Беркхофф посмотрел на Трамница, чтобы просто убедиться в том, что садист вновь не поднялся, и ему показалось, что он слышит его смех.

– ...А ведь тебе это понравилось, не так ли? Видеть меня здесь таким!

Со слезами на глазах он захотел вновь обернуться к сыну, бормоча себе под нос укоры в том, что не в состоянии заставить забиться его сердце и вдохнуть в него жизнь собственным дыханием.

Внезапно послышался кашель.

А затем по всему телу мальчика прошла дрожь, и Тилль, просунув ему руку под спину, воскликнул:

– Макс! О боже! Макс! Ты живой?

Слезы ручьем покатались из его глаз, орошая лицо мальчика, словно дождь, не прекращавшийся все последние дни. Покрывая поцелуями своего сына, Тилль услышал, как тот застонал. И этот стон показался ему самым прекрасным звуком, какой он когда-либо слышал.

Затем этот самый замечательный в мире мальчик с грустными глазами произнес целое слово, а потом с его полных губ сорвалось еще одно, и наконец ему удалось сформулировать целую фразу:

– Что... что... случилось?..

Тилль, рыдая и дрожа всем телом, прижал его к себе, забыв о боли. Теперь он испытывал только чувство радости, наполняясь счастьем и уверенностью в будущем.

– О боже, ты жив, Макс! Мой маленький мальчик!

И так продолжалось до тех пор, пока следующая фраза мальчика не погасила в нем все светлые чувства.

– Кто вы? – спросил мальчуган и попытался хотя и слабо, но вполне очевидно вырваться из объятий Беркхоффа.

Тилль заморгал и с чувством, как будто что-то в нем вдребезги разбилось и разлетелось на тысячи осколков, отступил на шаг назад. Ему стало жарко.

– Я... я... – начал было он, но замолчал и оглянулся.

В глаза ему вновь бросились бутылки, а в нос ударил запах бензина.

«Что я упустил из виду?» – опять пронеслось у него в голове.

– Кто вы? – еще раз спросил мальчик.

В этот момент через окна подвала проник отдаленный вой полицейских сирен, а вопрос, который задал Тиллю Макс Беркхофф, окончательно разрушил весь его мир.

– Мой папа где-то здесь? – спросил мальчуган.

Глава 73

Из подвала действительно не было выхода с момента, когда входная дверь защелкнулась на замок. Но ему казалось, что он знает, куда несколько лет назад хозяин дома, сразу после переезда в него, положил запасной ключ. И это знание вновь не подвело его: ключ на самом деле был спрятан в углублении под ступенькой лестницы.

Спрятан на всякий случай!

И так же, как он знал о содержимом спортивной сумки, точно так же ему было известно, как открыть вход на первый этаж!

Медленно шаркая ногами, он на ощупь проследовал в полумраке коридора мимо открытой кухни, поскольку на первом этаже не было ни детекторов движения, ни света. Сюда через огромное окно, выходящее на террасу, проникал только лунный свет. Но он и без того знал, что находится у него под ногами, – похожий на шахматную доску паркет, выложенный уродливыми черно-белыми плитками, которые из-за отсутствия средств так и не были заменены. Так же как и осталось нетронутым джакузи, устроенное сумасшедшим предыдущим владельцем прямо по центру гостиной, которую они заложили подушками.

В результате получился довольно забавный диванчик для Линды и детей.

Для Фриды.

И для Йонаса.

Йонаса, которому он хотел построить игрушечное жилище на ветвях расколотого молнией каштана.

Слезы непроизвольно полились из его глаз, и ему показалось, что он весь объят пламенем. Теперь он понял причину тех фантомных болей, которые так часто чувствовал в своих снах. Теперь, когда его взгляд снова упал на запущенный сад и детский садик, видневшийся примерно в ста метрах от этого участка.

Он закрыл глаза и на мгновение снова очутился в том сне, где стоял в своем кабинете на двадцать втором этаже небоскреба на Потсдамской площади и смотрел на стоянку, на которой была припаркована его машина, жарившаяся под открытыми лучами солнца.

И тогда он вспомнил все, как было на самом деле.

Как ему позвонила Линда, когда он потел над новыми сложными расчетами рисков при наступлении смерти во время преждевременных родов. Вспомнил главного юрисконсульта, буквально дышавшего в затылок, поскольку цифры были нужны ему еще вчера. Но он где-то просчитался и так и не смог найти ошибку, из-за чего всю ночь промучился без сна, пытаясь разгадать причину своего промаха. Сложные формулы не давали ему покоя – они преследовали его и в магазине, и в машине, и при работах в саду. Вычисления не выходили у него из головы и на следующий день.

Он настолько был поглощен решением задачи, что не отвечал даже на звонки жены. Однако в тот день она звонила настолько настойчиво, что ему поневоле пришлось схватить телефон с рабочего стола. И в тот же миг счастье в его жизни закончилось.

– Да, Линда, слушаю, – ответил он тогда.

– Где он?

– Кто?

– Йонас! Ты должен был отвести сына в детский сад, но его там нет!

Тогда впервые в жизни ему пришла в голову мысль о самоубийстве. Он встал из-за стола, подошел к окну и посмотрел на парковку, где стояла его машина с детским креслом на заднем сиденье, специально установленным Линдой.

Еще утром жена попросила его:

– Сегодня отведи его в сад сам. В виде исключения. А завтра я займусь этим. Хорошо?

– Хорошо, – машинально ответил он, поглощенный пересчетом.

Сказал и тут же забыл о своем обещании.

Забыл о Йонасе!

Малыш так и остался сидеть в детском кресле!

Внизу на парковке!

В черной машине!

На заднем сиденье!

Под испепеляющими лучами солнца в самый жаркий летний день!

– Извините! – внезапно послышался голос у него за спиной, и он в испуге обернулся, все еще находясь в сетях воспоминаний.

Но голос позади него принадлежал реальному человеку из плоти и крови, которого он лично никогда раньше не встречал. Его родители, так же как и имя мальчика, ему были известны только из газет и телепередач. Оказалось, что Макс просто последовал за ним и поднялся из подвала в гостиную.

– Извините! – повторил маленький мальчик с печальными глазами и полными губами, чье изображение так часто мелькало в поисковых объявлениях.

На нем были только футболка и трусы, а на правой голени виднелся шрам.

– Я... Это вы спасли меня? – спросил мальчуган.

– Да, – со слезами на глазах ответил он, окончательно осознав, что его собственный сын для него потерян навсегда.

Как потерянным оказался и он сам.

Теперь ему стало ясно, на что намекал еще совсем недавно Трамниц, говоря:

– Когда я покончу здесь с Максом, то тебе предстоит пережить кое-что еще, что тебя полностью уничтожит. Этого я и добиваюсь. Мне хочется посмотреть тебе в глаза и насладиться твоими страданиями.

Его взгляд вновь обратился к детскому садiku, в котором еще горел свет, как тогда, когда он в гостиной стоял с пистолетом в руке, но затем принял другое решение из-за того, что такой поступок был достоин только труса и слишком простым наказанием за его чудовищное деяние.

Вот почему он в конечном счете положил пистолет в спортивную сумку и облил себя бензином. Ведь на нем была вина в том, что его сын буквально сгорел в машине, а за это ему полагалось тоже погибнуть в пламени.

– И... и кто вы? – поинтересовался Макс.

В этот момент на улице послышалось шуршание шин и вой сирен.

По всему было похоже, что сирены приближались уже достаточно давно, но он, поглощенный своими мыслями, их не слышал. Не слышал вплоть до того момента, когда Макс со слезами на глазах повторил свой вопрос умоляющим голосом:

– Пожалуйста, скажите, кто вы?

Тогда он собрался с духом и ответил мальчику:

– Меня зовут Патрик Винтер. Я – пациент «Каменной клиники», потому что убил своего сына, а потом потерял рассудок.

Глава 74

Десять дней спустя

Зенгер

Они принарядились, словно собирались отужинать у своего начальника. Не слишком официально, но и не чересчур вольно, а достаточно для того, чтобы подчеркнуть особенность повода, по которому собрались.

Тиль Беркхофф облачился в коричневый свободного покроя спортивный пиджак и новенькую накрахмаленную рубашку голубого цвета, ворот которой явно натирал ему шею. Чувствовалось, что могучий пожарный не привык так одеваться и ощущал в подобном наряде дискомфорт, предпочитая носить джинсы, кроссовки и футболки. Вполне возможно, что в тот день он прислушался к советам своей жены Рикарды, на которой было простенькое зеленовато-коричневое платье с кружевными рукавами. К нему хорошо подходили неброские сережки и полуботинки, правда, слишком легкие для такой погоды, когда на улице лежал уже первый снег, выпавший как раз накануне.

Глядя на эту супружескую пару, профессор Зенгер никак не могла определить, насколько близки друг другу были эти люди и должна ли она верить прессе, которая всю трубила о воссоединении «счастливой пары» после неожиданного возвращения их сына Макса.

Как бы то ни было, на безымянных пальцах обоих блестели обручальные кольца, и за небольшим столом для переговоров в кабинете фрау Зенгер они сидели весьма близко друг к другу, но за руки, правда, не держались.

– Я ничего не понимаю, – в третий раз произнес Тиль, так и не притронувшись к кексам и минеральной воде, предложенной гостям руководителем «Каменной клиники». – Этот Патрик Винтер думал, что он – это я?

В ответ фрау Зенгер сделала такое движение головой, по которому трудно было понять: не то она согласно кивнула, не то отрицательно ею затрясла.

– И да, и нет. Все очень сложно.

– Уж больно мудро для меня, – одарив врача застенчивой улыбкой, произнес Тилль. – Не могли бы вы объяснить такому увальню, как я, все это как-нибудь попроще?

Фрау Зенгер сняла очки для чтения и посмотрела на полоски на пластмассовых бокалах, размышляя, насколько она может отступить от врачебной тайны. Затем руководитель клиники пожала плечами и сказала:

– Ну хорошо.

Видимо, принимая решение, она исходила из того, что следственный комитет скоро отстранит ее от занимаемой должности и от молчания все равно проку не будет. К тому же все, что она могла рассказать, так или иначе появится в прессе, а кто, как не родители Макса, имели право узнать правду первыми?

– Патрик Винтер уже почти два года является нашим пациентом, – начала она. – Раньше он проходил лечение в клинике для нервнобольных имени Карла Бонхеффера.

– Он шизофреник? – поинтересовался Тилль.

– Нет. Его состояние не имеет ничего общего с этой болезнью. И он не относится к таким больным, которых в быту называют людьми с раздвоением личности.

– Тогда что у него за болезнь?

– То, что наблюдается у Патрика Винтера, можно назвать состоянием «беглеца». Он стремится перечеркнуть свое истинное «Я», чтобы на время стать другой личностью.

– Мной?

– В последний раз именно вами. Ему казалось, что он – это вы. Что он Тилль Беркхофф, брендмейстер и отец Макса.

– Но почему? Что сподвигло его к этому?

– Со стопроцентной уверенностью здесь ничего утверждать нельзя, – со вздохом надела очки фрау Зенгер. – Но мы исходим из того, что толчком послужил репортаж в средствах массовой информации. Видимо, какой-нибудь сюжет по телевизору о вас так глубоко его тронул, что послужил своеобразным переключателем.

– Переключателем?

– Да, так мы называем фазу перехода. Обычно она проявляется в полнейшем нервном срыве, который начинается с разговоров с самим собой, инкапсулирования, то есть замыкания в себе, и отрешения от внешнего мира, вплоть до саморазрушительного поведения. В подобных случаях мы должны ввести такому пациенту успокоительное и доставить его в комнату интенсивного кризисного вмешательства. Когда он просыпается, то часто начинает ощущать себя другой личностью.

– Вы сказали, что у него состояние «беглеца». От чего он старается убежать? – переспросила Рикарда.

Во время предварительной беседы с фрау Зенгер мать Макса рассказала, что никогда не переставала искать своего сына. Она нанимала частных детективов, помещала объявления о розыске и даже обращалась к ясновидящему. Все ее средства были истрачены на поиски, а когда через год деньги закончились, то ей даже пришла в голову мысль продать журналистам «историю» о своих отчаянных исканиях. К счастью, публикации о ее визите к прорицателю так никогда и не появились.

– Он старается убежать от самого себя, – ответила фрау Зенгер на вопрос Рикарды.

Затем она решила пояснить своим гостям:

– Патрик Винтер совершил трагическую ошибку, из-за которой потерял своего двухлетнего сына. Во время страшной жары он забыл его в машине, занимаясь делами страховой компании.

– Ужасно!

– Да. И с чувством своей вины за это он не справился. Через несколько месяцев после несчастья он хотел покончить с собой. Облив себя бензином, Винтер явился в детский сад своей дочери и с криками, что хочет сгореть так же, как и его сын, попытался устроить самосожжение.

– Боже все милостивый! – вырвалось у Рикарды.

– Его удалось спасти, и он отделался только ожогами кожи головы, – продолжила фрау Зенгер. – Однако, к сожалению, именно это и явилось, скорее всего, причиной появления у него рака кожи. Но такая страшная болезнь – не самая главная его проблема.

Фрау Зенгер на мгновение замолчала, видимо решая, стоит ли ей выпить стакан воды, а потом добавила:

– Он попал в психиатрическую лечебницу, но и здесь ему не удалось избавиться от переполняющей его боли и ненависти к самому себе.

– Ненависти? – переспросил Тилль.

– Да. Он так ненавидит себя, что пытается вытеснить свою личность, ища, как улитка, новый дом. И даже самый маленький импульс – какая-нибудь картинка, разговор или телепередача, как я уже говорила, могут заставить сработать переключатель.

В этот момент Тилль поднял руку, как ученик в школе, и произнес:

– Получается, что когда он оказывается в этой комнате интен...

– Комнате интенсивного кризисного вмешательства. Верно. Когда он в последний раз в ней очнулся, то был вами, господин Беркхофф, думая, что его зовут Тилль, что он – пожарный и у него есть сын Макс, которого похитили. Однако внешне Винтер сохраняет свое настоящее имя, что значительно усложняет нам задачу по диагностике и лечению.

После таких слов ворот стал мешать уже не Тиллю, а фрау Зенгер, которая почему-то вспотела, несмотря на направленный на нее вентилятор.

– Мы никогда не знаем, какой личностью он себя вообразит, и поэтому каждый раз приветствуем его как нового пациента, – продолжила она. – Даже другие пациенты стали привыкать к такому, хотя некоторые из них вносят путаницу, когда начинают рассказывать Винтеру о событиях и поступках, о которых он не помнит, поскольку уже полностью переключился на новую личность.

Тут фрау Зенгер грустно улыбнулась и добавила:

– В прошлый раз, например, он считал себя детективом, который должен раскрыть махинации с выставлением счетов в нашей клинике. Самое интересное заключается в том, что ему на самом деле удалось встать поперек дороги одному из наших главных врачей во время своего «расследования».

С этими словами руководитель клиники сделала пальцами жест, означавший кавычки.

– Этому Касову? – уточнил Тилль, видимо знавший из газет о махинациях врача.

– Да, – кивнув, подтвердила фрау Зенгер. – Но еще до того, как он стал представлять для него угрозу, Патрик Винтер поменял свою личность.

– И стал мной? – уточнил пожарный, расстегнув ворот рубашки, который стал его душить.

– Совершенно верно. А поскольку Патрик Винтер не смог найти объяснения, почему он оказался в нашей клинике, то уцепился за то, что подсказал ему его воспаленный разум. То есть то, что легче всего было ему воспринять. Он вообразил себе, что его внедрили сюда под видом другого пациента, которого зовут Патрик Винтер, а он якобы на самом деле совершенно здоров и прибыл сюда для решения важной задачи. С тайной миссией, так сказать.

– И эта тайная миссия заключалась в том, чтобы найти нашего ребенка? – уточнила Рикарда, отпив глоток воды и поставив стакан на место.

– Да, – ответила фрау Зенгер. – Из сообщений «сарафанного радио» он узнал, что Трамниц тоже находился в «Каменной клинике». Вероятно, это и послужило своеобразным спусковым механизмом в перевоплощении в новую личность, чтобы заняться поисками Макса Беркхоффа.

– Можно его увидеть? – спросила Рикарда.

Ее муж тоже просительно посмотрел на руководителя клиники. Тогда фрау Зенгер встала и сказала:

– Что ж, следуйте за мной!

Глава 75

Они вышли из кабинета руководителя психиатрического учреждения и молча следовали за ней, пока не оказались перед огромной стеклянной двустворчатой дверью, за которой просматривался вестибюль «Каменной клиники».

В зале звучала тихая фортепианная музыка, и у фрау Зенгер возникло ощущение, что печальная мелодия тронула за душу не только ее. Шедшие рядом с ней гости внезапно перешли на шепот, явно не желая мешать игре пианиста.

– Это он?

Игравший на черном пианино сидел к ним спиной, но и этого было достаточно, чтобы понять, кто перед ними. Ведь в клинике никто больше не мог исполнять Шопена так страстно, хотя два пальца у него все еще не действовали в полную силу.

Винтер исполнял Ноктюрн № 2 ми-бемоль (Опус девять), произведение, которое Зенгер так любила.

– Он играет на пианино?

– Да, если помнит, что умеет это делать. Он очень одаренный человек. Если бы это было не так, то Винтер не смог бы переноситься в параллельные миры, так сказать, и жить там.

– Что вы подразумеваете под «параллельными мирами»? – поинтересовался Тилль.

– В этом вопросе для нас тоже мало что понятно. Похоже, что его связывает с нашей действительностью несколько констант, то есть неменяющихся отправных точек. Среди них и телефонный номер его жены Линды, которой он постоянно хочет позвонить, хотя она сейчас и запретила нам позволять это делать. В последний раз он думал, что разговаривает с вами, Рикарда, и заявил своей жене, что ее сын может быть еще жив.

– Подразумеваю при этом Макса? – уточнила Рикарда.

– Совершенно верно, – кивнула в ответ фрау Зенгер. – Еще одной константой является его шурин Оливер Скания, уже давно покончивший жизнь самоубийством. Тем не менее Скания каждый раз

появляется в новом мире, в котором воплощается Патрик Винтер. Так же как и «Улисс».

– Кто это? – спросил Тилль.

– Не кто, а что, – с улыбкой ответила фрау Зенгер. – Это книга Джеймса Джойса. Винтер думает, что в этом романе спрятан телефон, посредством которого он поддерживает связь со своими связными, которые его якобы сюда внедряют. Самое интересное, что в этом произведении нет никакого тайника. Это обычная книга в нашей библиотеке.

Проговорив это, руководитель клиники пояснила, что в своих галлюцинациях Винтер зачастую принимает за мобильник обычные предметы, такие как шариковые ручки или ложки.

Однако, когда одиннадцать дней назад она неожиданно вошла к нему в палату в лазарете, он пытался использовать как телефон пульт дистанционного управления, который незадолго до этого всучил ему Трамниц.

Садист, должно быть, распознал безумие Винтера и решил разыграть беднягу. Более того, маньяк воспользовался его состоянием, чтобы превратить в добровольного заложника при своем бегстве, намереваясь в дальнейшем замучить мальчика до смерти на глазах Патрика в его собственном доме, который пустовал со времени произошедшей с Винтером трагедии.

– Мы можем поговорить с ним? – спросила Рикарда.

– Боюсь, что это плохая идея, – ответила фрау Зенгер.

– Но если бы не... – начала было Рикарда и замолчала, тронутая звучанием музыки.

Фрау Зенгер, судя по всему, тоже заслушалась мощными аккордами, производимыми пианистом.

– Если бы не он, то сейчас Макса не было бы в живых, – закончил начатую женой фразу Тилль. – Винтер может быть и болен, но в своем заблуждении спас нашего мальчика.

В ответ фрау Зенгер грустно вздохнула и, дождавшись, когда исполнение произведения Шопена закончится, сказала:

– Это верно. Но судите сами.

С этими словами она указала рукой на зал.

Тут из-за елки вышел Симон и осторожно дотронулся до руки Патрика, который вопросительно посмотрел на санитаря.

– Патрика Винтера только-только выпустили из комнаты интенсивного кризисного вмешательства, – пояснила фрау Зенгер, пока ее пациент закрывал крышку пианино и поднимался с табурета.

В этот момент Винтер обернулся и посмотрел на присутствовавших отстраненным взглядом, а затем поднял вверх руку, словно заметив посетителей возле стеклянной двери и желая подмигнуть им. Однако оказалось, что он просто хотел убрать с лица мешавшую ему прядь волос.

– Он выглядит таким потеряннным, – со слезами на глазах заметила Рикарда, вспомнив свой разговор с прорицателем на автобусной остановке возле ресторана быстрого питания.

– А если я найду Макса? – спросила она тогда Гедеона. – Что произойдет потом?

– Это я вижу вполне отчетливо. Вы стоите перед закрытой дверью и плачете. В тюрьме, – ответил ей ясновидящий, садясь в автобус.

Словно почувствовав настроение Рикарды, фрау Зенгер тяжело вздохнула и сказала:

– Вы и представить себе не можете, как тяжело жить, постоянно стараясь убежать от себя самого. Причем каждый раз убеждаясь, что от собственной души улизнуть невозможно.

Руководитель клиники провела рукой по волосам и добавила:

– Его измученный разум отчаянно ищет для себя выход и, скорее всего, уже нашел.

Между тем Симон подошел к стойке выдачи лекарств и выкрикнул фамилию Винтера. Пациент еще раз посмотрел на дверь, а затем перевел взор на огромную рождественскую елку и, слегка пошатываясь, последовал на призыв санитаров. Пока он шаг за шагом, чуть наклонившись вперед, удалялся от них, фрау Зенгер положила одну руку на плечо Рикарды, а другой коснулась Тилля, сказав:

– Боюсь, что Патрика Винтера, которого вы хотите поблагодарить, уже опять нет среди нас.

Глава 76

Седа

Шипение гидравлики просигнализировало ей о появлении нового посетителя. Седа поставила путеводитель по Риму на определенное для него место и подумала: «Кому в столь закрытом от внешнего мира учреждении, черт возьми, может понадобиться такой путеводитель?»

Увидев, кто поднимался по ступенькам к ней в автобус, она порадовалась тому, что ее мечты начинают сбываться. Ведь сегодня был ее последний день пребывания в клинике, и Симон сдержал обещание, доставив самых дорогих ее сердцу пациентов в библиотечный автобус.

– Рада тебя видеть! – смеясь, поприветствовала она Патрика, который медленно пробирался к ней по проходу.

Он выглядел усталым. Глаза у него опухли, а начавшие отрастать волосы на голове выглядели как щетина, отнюдь не улучшая его внешний вид. Седа сделала шаг навстречу, намереваясь обнять его, но он так резко остановился, что она решила пока воздержаться от этого.

«Боже мой! – подумала молодая женщина. – Я так нервничаю, как будто это мое первое свидание, а не последнее прощание».

При мысли об этом ее глаза наполнились слезами, но, поскольку ей не хотелось разрыдаться при Патрике, оставалось только говорить. Причем говорить не переставая, подобно водопаду. Это был единственный и лучший известный ей метод, который не позволял потерять самообладание.

– Хорошо, хорошо! – затараторила она. – Я знаю, что ты не хочешь этого слышать и, скорее всего, не понимаешь моей радости, но мне нужно выбраться отсюда. Тебе же придется пережить это. Договорились? Я очень тебе благодарна, честное слово! Спасибо тебе, что ты доверился Симону. Было проведено расследование. Уверена, что ты об этом знаешь. Ясное дело, что именно по его результатам Касову пришлось уйти в отпуск. Но тут помогли и твои показания. В

его компьютере нашли какие-то материалы, и теперь, возможно, против него заведут уголовное дело. Но главное – я свободна!

Тут она засмеялась, как возбужденный подросток, в то время как Патрик застыл на месте с неподвижным лицом, словно его разбил паралич.

«Ладно, надо продолжать говорить, – решила она. – Нельзя останавливаться. Иначе он повернется и уйдет до того, как я выскажу все, что у меня накопилось».

– Мне жаль, что я не помешала ему так поступить с тобой, Патрик. Ты должен знать, что все написанное в протоколе допроса относительно твоего намерения убить своего сына Йонаса является ложью от первого до последнего слова. Он погиб в результате несчастного случая, а о сауне Ка-сов все придумал. Просто ему хотелось настроить против тебя Армина, чтобы психопат убил тебя. Ведь ему было известно, что Вольф ненавидит людей, которые умышленно мучают детей. Помнишь, я пыталась предупредить тебя в кафетерии? – Тут она снова засмеялась, но на этот раз менее естественно, а потом продолжила: – Но сейчас это уже не важно. Важно то, что благодаря тебе Касов остался в прошлом, а меня выпускают. И за это тебе огромное спасибо!

С этими словами она подошла к нему и обняла его заметно похудевшее тело. Однако Патрик никак не отреагировал. Как и во время ее бурного монолога, он продолжал стоять неподвижно, а в объятиях молодой женщины сделался даже еще более каменным. Заметив апатию Патрика, Седа отпустила его и отступила на шаг. Только после этого Патрик Винтер произнес свои первые слова:

– Мне кажется, что вы меня с кем-то перепутали.

Седа, не в силах сдержать подступившие слезы, проглотила образовавшийся у нее комок в горле, смахнула с глаз прядь волос и удрученно произнесла:

– Да. Скорее всего, так!

А что еще оставалось ей сказать?

Глава 77

Патрик Винтер

«Удивительно, – подумал он. – Насколько приятно пахла эта юная дама с янтарной кожей и азиатскими чертами лица, настолько странно она себя вела. Ничего примечательного в том, что ей известен мой псевдоним, нет. Ведь здесь, в клинике, это ни для кого не является секретом. Но о какой истории с Касовом она упоминала? И что за несчастный случай с Йонасом?»

Думая так, Патрик медленно направился вдоль стеллажей с книгами в библиотечном автобусе, намереваясь срочно найти нужный фолиант, стоявший, как ему сказали, на полке номер три, во втором ряду.

«О небо!» – мысленно воскликнул он.

Ему требовалось срочно позвонить шурина, чтобы проверить легенду, которой его снабдил Скания. Ее, несмотря на то что времени на проработку деталей по выполнению столь ответственного задания было в обрез, тот мог бы подготовить и лучше. Конечно, дело, связанное с так называемыми «фантомными» пациентами, требовало скорейшего раскрытия, ведь в средствах массовой информации уже появились репортажи о процветании незаконной торговли наркотиками в немецких клиниках. Стоило немного помедлить, и концы могли бы от него ускользнуть. К тому же от полицейского такого ранга, как Скания, большего ожидать и не приходилось. Он и так подготовил для него – журналиста, специализирующегося на разоблачении разного рода махинаций, в целом неплохую легенду и нашел относительно подходящую личность для маскировки. Ею являлся некий Патрик Винтер.

Однако кроме того, что этот Винтер ранее работал актуарием, ему ничего известно не было. Хорошо еще, что легенда предусматривала умение играть на пианино, что являлось подвластным и ему самому. Но это было единственным, что имелось у него общего с тем математическим гением.

Размышляя подобным образом, он посмотрел на Седу, не обращавшую на него больше внимания, и порадовался возникшей хорошей возможности разыскать требуемую книгу.

«Улисс». Где же ты прячешься?

Внимательно осматривая корешки книг, он наконец отыскал толстенный фолиант Джеймса Джойса именно там, где и сказал Скания, – прямо за Библиями на полке номер три, во втором ряду.

– Надеюсь, что ты, Скания, сдержал слово, и я найду здесь то, что мне нужно, – прошептал он и раскрыл толстенный фолиант, который, кроме него, в этой психушке явно никто в руках не держал.

«Ура!» – мысленно порадовался он, найдя то, что искал.

Как и обещал Скания, в выемке, располагавшейся посередине книги, находился мобильный телефон для экстренной связи с нужными людьми!

Порадовавшись находке, он поставил книгу на место позади Библий, ведь сегодняшней его визит в библиотечный автобус носил всего лишь проверочный характер – телефонный звонок последует только тогда, когда ему удастся обнаружить что-либо существенное.

После этого он двинулся в сторону выхода.

– Ты все нашел, что хотел? – спросила Седа, сидевшая с журналом на коленях на сиденье водителя автобуса.

– Да, спасибо.

Патрик остановился, и вдруг у него возникло довольно странное ощущение, что он уже где-то видел эту молодую женщину с темными волосами и еще более темными глазами. Это было даже не дежавю, а скорее мимолетная тень воспоминаний, представлявшая собой некое чувство особой связи между ними, хотя на самом деле они были друг другу абсолютно чужими людьми.

Хотя, возможно, он всего лишь принимал желаемое за действительность, потому что в нормальной жизни вряд ли осмелился бы даже заговорить с такой красивой женщиной.

Но здесь ему все равно нечего было терять, и поэтому он с улыбкой сказал:

– Вас скоро выписывают?

В ответ Седа застенчиво улыбнулась, что придало ему некоторой смелости.

– Если вы не возражаете, то оставьте мне номер своего телефона. Вы можете оставить его для меня в любой книге по вашему выбору.

– И ты будешь искать его во всех книгах подряд, пока не найдешь? – захихикала она.

– Возможно, – с улыбкой ответил он ей. – Но, скорее всего, на это у меня времени совсем не будет.

– Так уж и не будет?! – воскликнула Седа, и только по дрожанию ее нижней губы можно было догадаться, что она едва сдерживает слезы.

– Нет, – продолжая улыбаться, сказал он.

При этом Патрика сильно удивил появившийся на ее лице оттенок глубокой печали. Такое было весьма странным, как и то, что молодая женщина совсем недавно готова была расплакаться, пока внезапно не обняла его. Обняла так, как будто они были любовниками и прощались друг с другом по независящим от них причинам навсегда.

Ее нижняя губа снова дрожала, и ему вдруг захотелось обнять ее и раскрыть карты. Сказать, что никакой он не Патрик Винтер и даже не актуарий, что он вовсе не пациент, а работающий здесь под прикрытием журналист, специализирующийся на разоблачениях разного рода махинаций, который тоже скоро выйдет отсюда после завершения своего задания. Но такое вряд ли бы уложилось в хорошенькой головке этой красивой женщины. К тому же у него не было права ставить под угрозу свою секретную миссию.

Поэтому он только скромно протянул ей руку и этим ограничился.

Затем он вышел из библиотечного автобуса, дверь которого она открыла для него, и удалился, так и не обернувшись, чтобы еще раз посмотреть на эту необычайной красоты женщину.

На женщину, которая казалась ему удивительным образом знакомой.

Знакомой, как бывает знакомой книга, которую ты уже когда-то прочитал.

Причем прочитал давным-давно!

И совсем в другой жизни!

А теперь, вместо обычных в таких случаях слов благодарности, предлагаю еще один короткий триллер с оригинальным названием «Благодарение».

Благодарение

В помещении, стены которого были обиты мягкой тканью, как диван «Честерфилд», преобладал белый цвет. Поскольку в Германии подобные комнаты для отдыха, называемые в народе «резиновыми клетками», встречались довольно редко, к моей панике примешалось еще и чувство удивления.

И все же стены в комнате были не абсолютно белыми, а скорее бледно-голубыми. Потолок также не был настолько интенсивно-белым, чтобы неотрывное его созерцание могло привести к «снежной слепоте». На что-то большее я, Себастьян Фитцек, в тот момент оказался просто не способен, поскольку ощущал себя привязанным к чему-то очень твердому, напоминавшему холодный операционный стол. Причем голова моя была зафиксирована так же жестко, как руки и ноги.

«Может быть, я нахожусь уже вовсе и не в Германии, и похититель, следивший за мной при помощи скрытой камеры, переправил меня за границу?» – пронеслось у меня в голове.

В тот миг я исходил из того, что меня похитили, хотя саму операцию по моему похищению просто-напросто проспал. Последнее, о чем мне удалось вспомнить, был мой поход на почту с целью отправить рукопись «Пациент особой клиники» в издательство «Дрёмер Кнаур», чтобы оно могло приступить к ее выпуску. Предположение, что я, находясь под наркозом, отправился во сне из почтового отделения, располагающегося на улице Гогенцоллерндамм, напрямик в эту «резиновую комнату», чтобы здесь самому себя приковать, казалось мне, по меньшей мере, нелепым. Это был полный абсурд даже по меркам моих собственных триллеров. Поэтому я решил, что оказался подвергнутым несколько необычному способу обхождения с автором.

И причина здесь заключалась не в том, что я слишком многое возомнил о своем профессиональном статусе. Ведь первый вопрос, который мне обычно задавали люди, занятые на приличной работе и услышавшие о моей деятельности, был таков:

– Ах, неужели на это можно жить?

Но вопрос, который задал мне мой похититель вскоре после того, как я очнулся, был совсем иным.

Он звучал незамысловато и просто:

– Кого?

До этого времени, по крайней мере с тех пор, как я был причислен к разряду авторов, он уже задавал мне такой вопрос. Тогда мой сегодняшний похититель беседовал со мной, используя невидимую аудиосистему, которая была такого исключительного качества, что его бас буквально заставлял вибрировать кости моего черепа.

– Никого! – сухо ответил я, поскольку был уверен, что никого не забыл поблагодарить.

Обычно я воздаю хвалу людям, которых это касается, в конце своих книг. Конечно, это относится к моим уважаемым читательницам и читателям. Другими словами, к вам! Мой же похититель считал, что мне обязательно необходимо перечислять всех поименно, в результате чего поставил меня в еще худшее положение, чем я опасался.

– И все же, Себастьян, ты забыл одно имя, – заявил он. – Ты никогда его не упоминал. Ни в одной из семнадцати книг, написанных тобою до настоящего момента, нет слов благодарности в адрес этого человека. Ты просто утаил его. И это притом, что без его помощи тебе не удалось бы написать ни одного бестселлера.

Я наморщил лоб. Это являлось единственным, что было мне доступно, поскольку при всех остальных движениях охватывавшие меня оковы больно врезались в кожу.

«Кого же он имел в виду?» – задумался я.

От ответа на этот вопрос зависело кое-что очень важное, и мой похититель ясно дал мне это понять. От ответа, среди всего прочего, зависела и моя собственная жизнь!

Он не угрожал мне словами и не перечислял те страшные последствия, которые меня ожидали, но в этом и так не было необходимости. Как только я очнулся, сразу заметил, что большой дискомфорт мне доставляли не только шум в голове и сухость во рту, что, вероятно, было побочным эффектом от перенесенной анестезии. Кроме отсутствия возможности свободного передвижения, мне не хватало еще одной очень важной вещи, без которой жизнь вообще невозможна, а именно воздуха.

В этой «резиновой клетке» не хватало кислорода, и у меня возникло ощущение, какое я обычно испытывал только на беговой дорожке в тренажерном зале. И чем дольше продолжалось это ужасное

дознание, тем больше мне не хватало воздуха. Видимо, обитое мягкой тканью помещение было герметичным, и мне, если я не вспомню имя, которое желал услышать мой похититель, обязательно предстояло задохнуться. Это являлось лишь вопросом времени.

– Гм.

Если бы этот вопрос не затрагивал моей безопасности, то за столь великолепный сюжет для будущей книги мне стоило даже поблагодарить похитителя.

– Кого ты забыл, Себастьян? – вновь послышался его голос.

Этот голос показался мне странно знакомым, но я никак не мог вспомнить, кому он принадлежал. Людям, знающим меня поближе, я не открою секрета в том, что плохо запоминаю имена и обладаю отвратительной памятью на лица. К тому же я часто путаюсь.

На днях, стоя на детской площадке, я почему-то начал громко выкрикивать имя своей бывшей жены (Герлинды), просто желая, чтобы моя дочь Шарлотта наконец перестала раскачиваться на качелях. Объяснить мотив своего поведения присутствовавшей при этом новой жене я не смог.

У меня это не получалось точно так же, как сейчас не удавалось рассказать похитителю о том, кого я забыл упомянуть в своих словах благодарности за оказанную помощь. (Во всяком случае, это не была моя бывшая. Герлинде в знак благодарности за то, что она сподвигла меня к написанию многочисленных психологических триллеров, я посвятил книгу «Раздирающий души».)

Помнится, что тогда в приподнятом состоянии духа мне удалось пройти через испытания, уготовленные для меня издательской командой под началом Дорис Янхсен, о которой я до этого времени действительно нигде не упоминал. Но только потому, что моя способность заглядывать в будущее выражена лишь условно. Как я мог предполагать, что она в качестве руководителя издательства перехватит эстафету у Ганса-Петера Юбляйса, чтобы привести издательство к новым высотам?

– Не Дорис, – ответил голос на мой обеспокоенный вопрос.

Тем самым он исключил остальных членов команды издательства «Дрёмер Кнаур», в частности, Йозефа Рекла, Бернхарда Феча, Екатерину Ильген, Монику Нейдек, Беттину Хальстрик, Беату Ридель, Ханну Пфаффенвиммер, Антье Бул, Екатерину Шольц, Сибиллу

Дитцель, Эллен Хайденрайх и Даниэлу Мейер. Их я поблагодарил всех. Причем многих даже несколько раз, что было справедливо. Пожалуй, только кроме...

– Может быть, Штеффена Хазельбаха? – принялся размышлять я.

Но нет, вспомнилось мне, Штеффен был мною упомянут, как минимум, в книге «Аэрофобия 7А».

– Тогда, может быть, Гельмут все еще зол на меня? – спросил я у безликого голоса.

– Ты имеешь в виду Хенкензифкена? – заметил он.

– Да, – ответил я.

Гельмуту действительно было за что на меня злиться, ведь я много лет подряд забывал упомянуть о нем и о его агентстве «ZERO», хотя именно он разработал все замечательные обложки к моим книгам, в том числе и к роману «Пациент особой клиники».

– Нет, это не Гельмут, – раздался голос.

– Вряд ли я забыл о своих редакторах, – заметил я.

Каролину Грааль и Регину Вайсброд я всегда благодарил в первую очередь, хотя мне и хотелось увидеть этих двух самых лучших в мире редакторов в такой же комнате. Особенно после того, как они приложили свои руки к моим литературным ранам и к рукописи, которую я считал великолепной на все сто пятьдесят процентов, но где они обнаружили сто пятьдесят логических несостыковок.

Злиться могла Андреа Мюллер, которая откопала меня в 2004 году, но затем передала в руки более успешного издательства. Однако в своих благодарениях ее я тоже несколько раз упоминал.

– Воды, – сказал я, совсем не подразумевая при этом чью-либо фамилию.

Просто меня мучила жажда, и мне срочно требовался стакан воды, причем лучше всего размером с федеральную землю Северный Рейн-Вестфалия. Однако моя просьба была отклонена, так же как и высказанное мною предположение о том, что за моим похищением может стоять Регина Зиглер.

Я вовсе не хотел сказать, что таким пыткам меня подверг самый успешный кинопродюсер Германии, можно даже сказать, самый признанный кинопроизводитель, но Регина на самом деле была среди тех, кого я раньше ни разу не упоминал. И это при моей величайшей ей благодарности, которую она действительно заслужила. Ведь она целых

десять лет верила в меня, в мои книги и выпустила на большой экран триллер «Отрезанный» (в соавторстве с Михаэлем Тсокосом).

Тогда я начал проговаривать свои мысли вслух:

– Кристиан Майер, мой менеджер, отвечающий за мои разезды, скорее привязал бы меня во время очередной длинной поездки на автомобиле по всей Германии на том месте, где бы мы остановились на отдых, а не здесь, в этой комнате. Другой менеджер – моя лучшая подруга и даже больше – Мануэла Рашке могла бы пожаловаться, что я на фирме ни разу не сполоснул за собой чашку из-под кофе, но я уже посвятил ей две свои книги (что совершенно справедливо, поскольку она самая лучшая!) с одобрения всей команды сумасшедших, которые меня выдерживают. Среди них ее мать Барбара, Ахим, Салли, Карл-Хайнц (при этом мой помешанный на спорте приятель притащил бы меня не сюда, а в свою камеру пыток в фитнес-клубе, где беговая дорожка лопається, как только я на шаге двенадцать снижаю темп ниже шестнадцати), Столли, а с недавних пор и Анджелина Шмидт.

– Бумс! – Голос изобразил звук, каким обычно обозначают ошибку в телевикторинах, и начал имитировать тиканье часов.

При этом давление на мою грудную клетку стало заметно усиливаться.

– Сабрина Рабов является не только лучшим пиар-агентом, но и настолько добра и чувствительна, что сама мысль о возможности моего здесь нахождения в оковах показалась бы ей настоящим кошмаром. Или я ошибаюсь?

– Не Сабрина, – решил сократить ход моих рассуждений похититель. – И не твоя теща Петра, как и не твой веб-дизайнер Маркус Майер, а также Томас Зорбах. О них ты подумал. Ты забыл только про меня.

«Про меня?» – мысленно повторил я последние слова голоса.

Пришлось признать, что у голоса могли быть личные причины для его поступка. Однако у любого, кто бы, как я, проснулся в оковах в «резиневой клетке» с чумной головой, словно после десяти дней непрерывного дерганья на Ваккене^[11], способности к логическому мышлению были бы ограничены. В этом я могу заверить каждого.

«Ну хорошо, – принялся я рассуждать дальше. – Ясно, что это мужчина. По крайней мере, мне так слышалось. При этом Симон Егер и Дэвид Натан, эти боги аудиокниг, явно отпадали. Ведь голос звучал

слишком непрофессионально. В нем, хотя и приятном на слух, чувствовалось отсутствие профессиональной подготовки».

Дальнейший ход моих рассуждений свелся к следующему.

Для Романа Хокка, даже если он и попытался его изменить, голос был слишком низким. (Мой литературный агент, конечно, не разговаривал фальцетом, если у кого-то возникло такое мнение, но его голос и не заставлял вибрировать кости моего черепа, о чем уже упоминалось.) Кроме того, Роман наверняка давно бы приступил к обсуждению условий моего освобождения, поскольку привычка торговаться основывалась у него не только на фамилии^[12], но и вообще была в его крови.

Нет, Роман, как гений переговоров, давно вызволил бы меня из этой неловкой ситуации, не забыв, конечно, и о своей доле в пятнадцать процентов от выкупа. А Маркуса Михалека я и без того часто упоминал в своих словах благодарности, на что у меня были весьма веские причины.

Поскольку голос был мужским, то из числа подозреваемых я смело исключил соратниц Романа по авторскому и издательскому агентству «AVA» Клаудию фон Хорнштайн, Антонию Шультес, Корнелию Петерсен-Лаукс и Лизу Бленнингер.

Горячо любимый мною и проживающий в Берлине баварец Франц Ксавер Рибель, мой тестовый читатель и автор бесчисленных полезных замечаний, хотя и говорил мужским голосом, но пожаловаться на недостаточную благодарность с моей стороны не мог. Поэтому из списка подозреваемых его тоже можно было смело вычеркивать. Так же как и мою семью, которую я люблю больше всего в жизни.

«Гм... Ах да... Сандру. – Тут я почувствовал, что мне не хватает кислорода. – Еще Сабину и Клеменса. Спасибо им за медицинскую консультацию, включая эскиз проведения операции. Хотя сейчас инструкция о том, каким образом мне можно было бы перерезать свои оковы, чтобы избежать удушья, оказалась бы куда более кстати, чем представленный ими план расположения общей сонной артерии».

Во мне начала закипать злость.

Разве я всегда не старался никого не забыть? Разве я всегда не благодарил всех книготорговцев и библиотечных работников? А ведь многие ограничиваются лишь приветствием на последней странице своего сокровища или просто перечисляют фамилии людей, о которых

никто ничего не знает. И тем не менее они не оказываются прикованными к операционному столу в «резиновой клетке», а спокойно себе лежат на пляже Лазурного Берега французского побережья Средиземного моря и считают, что так и надо.

– Сдаюсь, – наконец не выдержал я, а голос в ответ злорадно засмеялся.

– Ладно, – заявил он. – У тебя все равно осталось лишь несколько секунд до того времени, когда твои глаза настолько вылезут из орбит, что ты сможешь увидеть, как по твоим щекам бегут капельки крови.

«Хорошая фраза», – подумал я и решил ее запомнить, но потом до меня дошло, что шансов использовать ее в своих дальнейших трудах не так уж и много.

– Постараюсь с пользой провести то небольшое время, что у нас еще осталось, – заявил голос. – Я подскажу тебе.

От таких слов мне стало еще хуже.

– Кто ты? – спросил я, а про себя подумал, надо ли мне действительно знать это?

Кого я забыл?

Ответ голоса был столь же неожиданным, как и очевидным.

– Ты забыл о своем подсознании!

– Ты имеешь в виду неосознанное, – попытался было возразить я.

Но затем мне, к счастью, пришло в голову, что ситуация, конечно, являлась не самой лучшей для того, чтобы указывать невидимому и на все готовому похитителю на его речевые неточности.

Затем я понял, почему голос являлся таким вездесущим и как ему удавалось усиливать давление под моей черепной коробкой. Мне стало понятно, почему он казался столь знакомым.

– Почему ты решился отобразить в книге «Терапия» события, связанные с твоим лучшим другом и наставником? – между тем спросил голос.

– Потому, что это были мои собственные переживания! – ответил я.

– Кто следит за тем, чтобы смерть твоей матери вновь и вновь подсознательно находила отражение в твоих романах?

Во всех этих инсультах и синдромах «запертого внутри»? Тебе это ничего не напоминает?

В ответ я кивнул, а в глазах моих потемнело.

– А кто несет ответственность за то, что в триллере «Коллекционер глаз» показываются последствия недостаточного влияния отца на воспитание детей, который слишком часто оставляет их в одиночестве? Кто сподвиг тебя говорить о сверхчувствительности в романе «Осколок» или об эффекте выдавливания в книге «Посылка»? И вообще рассуждать о страхах перед возможной потерей отца семейства? Кто? Ну?

Голос становился все громче, пока не перешел на крик, что вызвало во мне огромное желание найти выключатель, с помощью которого можно было бы покончить со всем здесь происходящим, даже если бы он поворачивался только в одну сторону, и после моего переключения здесь никогда бы больше не стало светло и тепло.

– Ты хоть раз поблагодарил меня? Хотя бы только ОДИН РАЗ?

Голос в моей голове, МОЙ СОБСТВЕННЫЙ ГОЛОС начал срываться.

– ТВОЕГО СОАВТОРА?! – с упреком воскликнуло мое бессознательное «Я».

– Нет, – озвучил я свои собственные мысли. – Мне очень жаль.

Однако он или оно, не знаю даже, как охарактеризовать его, казалось, не услышал моих извинений или не придавал им значения.

– С этого момента я все беру на себя. На себя одного! Без тебя! – заявил голос.

Что?

– Берешь на себя? – с трудом выдавил я.

– Да. С этого момента все истории будут исходить исключительно от меня одного. А тебе придется заткнуться.

Едва голос произнес это, как все исчезло – и комната, и белый цвет, и свет. Я с трудом собрал остатки воздуха в своих легких, которого и так не хватало, чтобы задать последний вопрос.

– Эй, а как же насчет хеппи-энда? – пролепетал я.

Нельзя было допустить, чтобы эта короткая история закончилась плохо!

– Ты придаешь слишком большое значение «счастливому концу». Это надо переосмыслить, – прозвучал в ответ его рев, проникший в самые далекие уголки моего сознания.

Постепенно все каналы моего восприятия закрылись и остался только один. Тот единственный, через который много лет назад я начал

познавать этот мир.
А потом...

Примечание издательства

Вы можете связаться с автором по адресу:

fitzek@sebastianfitzek.de

В будущем с ответом, возможно, придется несколько подождать.

---

notes

Примечания

1

Груневальд – административный район на западе германской столицы в составе округа Шарлоттенбург-Вильмерсдорф, получивший свое название по одноименному лесному массиву. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Швейцарский квартал расположен в западной части района Лихтерфельде, относящегося к шестому административному округу Берлина Штеглиц-Целендорф.

3

Кризисное вмешательство (или интервенция) – скорая психологическая помощь лицам, находящимся в состоянии кризиса.

Тойфельсберг в переводе означает «Чертова гора». Это 114-метровый холм в берлинском районе Груневальд.

Имеется в виду один из самых знаменитых и фешенебельных отелей Германии «Адлон Кемпински».

6

Ксеномелия – особое расстройство представления о целостности организма.

Хью Марстон Хефнер (1926–2017) – американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала «Playboy», а также основатель компании «Playboy Enterprises».

Рогипнол – сильнейшее средство, получившее в народе название «друг изнасилований на свидании». И хотя препарат применяется в лечебных целях, его эффект все чаще стали использовать в целях отключения сознания женщин во время сексуального насилия.

9

Kangarooing (*англ.*) – слово из табуированной лексики, означающее испражнение сидя на корточках.

Оба этих слова произносятся одинаково. Отличие между ними заключается лишь в написании. Причем в названии Lärchenweg основу составляет слово «лиственница» (*нем. Lärche*), а в наименовании улицы Lerchenweg – «жаворонок» (*нем. Lerche*).

Имеется в виду крупнейший в мире фестиваль рок-музыки в жанре «метал», проводимый ежегодно в небольшом городке Ваккен (*нем.* Wacken) на севере Германии.

Автор намекает на то, что фамилия его литературного агента Хокке (*нем.* Носке) созвучна со словом *höker*, что означает «торговать мелочным товаром».